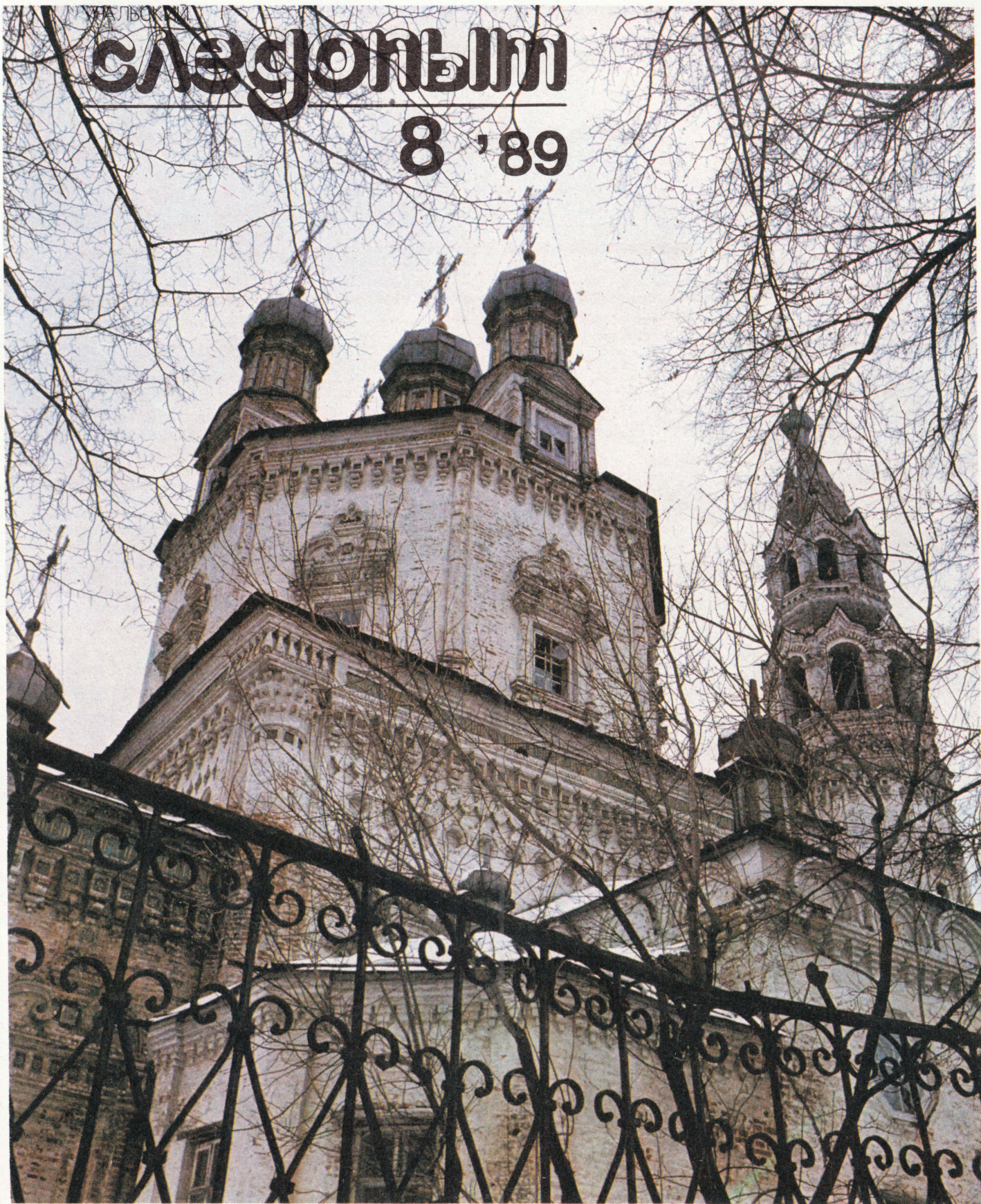

МАГАЗИН
СЛЕДЮЩИЙ

СЛЕДЮЩИЙ

8 '89

Николаевский монастырь

(ОЧЕРК ВСЕВОЛОДА СЛУКИНА «ВЕРХОТУРЬЕ: ЧЕТЫРЕ ВЕКА ЖИЗНИ И СЕМЬ ПЕЧАТЕЙ ТАЙНЫ» ЧИТАЙТЕ НА СТР. 23.)

Фото Игоря Горячева

СУДЬБА ВЕРХОТУРЬЯ...

СКОЛЬКО СКАЗАНО И НАПИСАНО, СКОЛЬКО ПРОЛИТО ГОРЬКИХ СЛЕЗ! А ОТ ГОРОДА ПО-ПРЕЖНЕМУ ВЕТ ЗАПУСТЕНЫМ. МЕСТНОЙ ВЛАСТИ ЕГО ПРОБЛЕМ НЕ ОСИЛИТЬ. ВЕРХОТУРЬЮ НУЖНО СИЛЬНОЕ ПЛЕЧО. КТО БУДЕТ ИМ? НА ЭТОТ ВОПРОС ПОКА НЕТ ОТВЕТА.

В этом году колония несовершеннолетних правонарушителей освободила помещения Николаевского монастыря. Но опустевшие старинные здания могут оказаться бесхозными. Настало время чрезвычайных мер. Как если бы погибали Акрополь в Афинах или собор Парижской богородицы. Нужно найти Верхотурью хозяина и сконцентрировать здесь средства и рабочие руки, быть может, ценой остановки некоторых ведомственных строек. Нужно предоставить кредиты и дотации — Верхотурье все вернет с лихвой. Нужно привести в порядок (по мировым стандартам!) культурное наследие древнего ядра цивилизации. Слово и дело здесь будут за новым составом Свердловского областного Совета народных депутатов.

ВЕРХОТУРЬЕ — БАРОМЕТР ПЕРЕСТРОЙКИ. ИЛИ ОБРЕТЕТ ОНО ВТОРУЮ ЖИЗНЬ, ИЛИ СНОВА, КАК БЫЛО МНОГО-МНОГО РАЗ, УЙДУТ В ПЕСОК БЛАГие ОБЕЩАНИЯ И КРАСИВЫЕ ПРОГРАММЫ КАНДИДАТОВ.

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

8 '89

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
 (главный редактор),
Евгений АНАНЬЕВ,
Виктор АСТАФЬЕВ,
Виталий БУГРОВ,
Муса ГАЛИ,
Юний ГОРБУНОВ,
Герман ИВАНОВ,
Сергей КАЗАНЦЕВ
 (ответственный секретарь),
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
 (заместитель главного редактора),
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Анатолий СЕМЕРУН,
Константин СКВОРЦОВ,
Аркадий СТРУГАЦКИЙ

В НОМЕРЕ:

О. Поскребышев В ЗАЩИТУ РЕЧИ — В ЗАЩИТУ ДУШИ	2
А. Махмудов С ЗЕМЛЕЙ ЭТОЙ СВЯЗАНЫ МЫ... Стихи	4
О. Садыков ПОСЛЕДНИЙ ШАНС	5
Е. Кучеров, Б. Павлов НЕ МОРЕ, А ГОРЕ	7
ПОДПИСЧИК ВСЕГДА ПРАВ	8
А. Ромов БЕЗ ОСОБЫХ ПРИМЕТ. Повесть. Окончание	9
В. Слуккин ВЕРХОТУРЬЕ: ЧЕТЫРЕ ВЕКА ЖИЗНИ И СЕМЬ ПЕЧАТЕЙ ТАЙНЫ	23
Г. Шеваров «ПРИВЕТ ВОЖДЮ НАРОДОВ!»	25
А. Герасимов ЦЕЛОВАЛЬНИК	28
И. Плотников КОГДА И КТО ОСВОБОДИЛ ЕКАТЕРИНБУРГ	29
Р. Кульتيкова ОНИ ПОДРУЖИЛИСЬ В ИШИМЕ	30
В. Юдин СЛОБОДА У ЧЕБАРКУЛЯ-ОЗЕРА	30
С. Смирнов ПЕЧКА В СТИЛЕ РОКОКО	31
Ю. Молодцов ПИСЬМА ИЗ ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ	31
ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «АЭЛИТА»	
С. Другаль ЯЗЫЧНИКИ. Повесть. Продолжение	33
ЗАОЧНЫЙ КЛФ	49
***	
Л. Блок ЕСЛИ ЭТОТ ЧЕЛОВЕК УМРЕТ... Зарубежный микро- детектив	50
Т. Принцева РУКОТВОРНЫЙ КАМЕНЬ	56
В. Шаламов «Я МОЛОД БЫЛ ОЧЕНЬ ТОГДА»	68
Р. Юнусов СТИХИ	74
Ю. Шинкаренко БРАТЬЯ ПРИЕЗЖИЕ. Очерк	75

Художественный редактор
Евгений ПИНАЕВ
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА

К сведению наших читателей
 Редакция журнала «Уральский следопыт» переехала в другое здание. Сообщаем новый адрес редакции: 620142, Свердловск, ГСП-353, ул. Декабристов, 67. Телефон для справок (временный) 22-45-01.

Рукописи принимаются перепечатанными на машинке через 2 интервала, 60 знаков в строке, 28—30 строк на странице.

По вопросам подписки и доставки обращаться в районные отделения «Союзпечати». Бракованные экземпляры отправлять в типографию издательства «Уральский рабочий».

Сдано в набор 07.05.89.
 Подписано к печати 23.06.89.
 НС 15155.
 Формат бумаги 84×108¹/₁₆.
 Бумага типографская № 2.
 Высокая печать.
 Усл.-печ. л. 8,82.
 Уч.-изд. л. 12,5.
 Усл. кр.-отт. 11,34.
 Тираж 494 000.
 (2-й завод 250 001—494 000).
 Заказ 456.
 Цена 40 коп.
 Типография издательства «Уральский рабочий»
 620219, г. Свердловск,
 пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки: Верхотурье. Купола Свято-Троицкого собора.

Фото Игоря Горячева

ЛИТЕРАТУРНО-
 ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
 НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
 ЖУРНАЛ
 ДЛЯ ДЕТЕЙ
 И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
 ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
 СВЕРДЛОВСКОЙ
 ПИСАТЕЛЬСКОЙ
 ОРГАНИЗАЦИИ
 И СВЕРДЛОВСКОГО
 ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
 С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
 СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
 КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

В ЗАЩИТУ РЕЧИ- В ЗАЩИТУ ДУШИ

Олег ПОСКРЕБИШЕВ

— Помилуйте! — тотчас воскликнет некто, едва прочитав поставленные в заголовок слова. — Да кто ж на нее, на речь нашу, покушается, от кого защищать-то ее? А душа... она тут при чем?

Давайте, давайте посмотрим.

Сравнить бы речь нашу со спелым хлебным полем, да нет! Как ни прекрасно спелое поле в его переливах, однако столь похожи в нем колос на колос, что и не отличишь. А живой язык не терпит однообразия. Он скорее похож на луг с бесчисленным множеством самых разных самородков-цветов.

Но поглядите, как забили этот луг сорняки. И особенно глушит его, с грязью смешивает многокрасочное луговое цветенье мат, это косматое чудовище, главный из многочисленных чертополохов. О нем, только о нем и пойдет разговор.

Мат!

Вы никогда не удивлялись, что слово, которым обозначено самое низкое что есть в нашей речи (так сказать, языковые отбросы), родственно самому светлому и святому понятию: мать?

Впрочем, чему удивляться: слова не виноваты. Виноваты мы — люди. И в самом факте корневого родства столь разных по эстетической окраске слов запечатлена извечная борьба между добром и злом. Что дорого одному — ненавистно другому, что одним мило — другие бы в могилу...

Женщина, мать!

Можно ли перечислить все обиды и горести, все ступени и ступени унижений, презрения, рабства, которым подверглась ты? И, возможно, самое долгожительствующее унижение, не желающее исчезнуть даже сегодня, — это мат. Мат — клеймо, поставленное давно и надолго.

Ты слышишь, молодая мама: твой сынишка сегодня впервые произнес матерное слово. Он даже не осознал, глупенький, что наделал, и голос его покуда — всего лишь голосок птицы-пересмешника (что слышит, то и кричит). А по лицу твоему, мать, уже расплзся и остался навсегда на нем ком липкой грязи, брошенный сыновней ручонкой. Встревало ли это тебя? Учти, что со временем он, возможно, в совершенстве овладеет нехитрой наукой, станет виртуозом и несравненным комбинатором в составлении многотажных ругательств, мат ржавчиной выйдет ему в кровь, но все, что придумает он и чем будет оскорблять других, все плевки и нечистоты по-прежнему в первую очередь полетят в тебя — в родную мать.

А ты, подросток, на губах которого, как говорится, еще не обсохло матерно молоко! Ты уже заметно входишь во вкус. Одумайся и ужаснись: кого распинаешь?! Не она ли, мать, мамка, ночей недосыпала, нянча тебя с одной прекрасной мечтой, чтобы вырос ты сильный и добрый... добрый к женщине... Красивый: разлетные брови, очи, уста... Но поглядеть на тебя — едва жить начинаешь, а очи уже тускнеют от разъедающего их внутрен-

него цинизма, и уста становятся выгребной ямой, из которой ежеминутно выплескивается зловонная жижа.

Ты, зрелый мужчина, склонившийся над громом своей матери. Уже закрылись ее глаза. Всё. Так погляди на руки ее, которые в жизни сделали столько добра. Кажется, если бы не перехватившая их тесемка, они и сейчас поднялись бы погладить тебя по голове, а затворенные навсегда губы произнесли бы нежно: «Сынок!» А ты — вспомни — всю жизнь имя матери и всех других матерей вкладывал в самую гнусную, стыдную брань и рассеивал ее плевелами по свету, как будто всех приглашая потешиться и поскобрезничать. Безумец! Опомнишься ли хоть сегодня, стоя на коленях; одумайся ли, какое святотатство творил; прикусишь ли в дальнейшем язык до крови на полуслове, если это слово будет мат.

А ты, старик, скажи: что с тобой сделалось? От тебя, сегодого, мудрости люди ждали, слова выстрадавшего: далеко летит и катится мудрое слово. Твоя же речь вся в червоточинах матерщины. Где уж тут народиться и созреть золотому слову — все съел прожорливый червь! А вспомни: вместе с женою, с матерью, поднимали вы на ноги своих детей. Подняли. Так что же ты наделал? Прислушайся: все сыновья — от тебя пошло — не могут без мата маломальской фразы слепить. Уже и речь внуков, как две капли дегтя, похожа на твою. Они грубы и неласковы, дети и внуки, грубы между собою, да и к тебе относятся не лучше, чем к матери или бабушке. Чему удивляться?! Душевность несовместима с бранью. Вон как вы, все мужчины семьи, распинаете женщину-мать! Но ты же любил свою женщину и детям только добра хотел. О, как бесчеловечно — растоптать или выставить грязней поломойной тряпки любимое!

Дальше.

В мутных волнах мата рядом с именем матери всегда стоит имя бога. Не собираясь делать ни религиозной, ни атеистической прокладки, все-таки скажу, что кощунство над именем бога всегда есть прямое оскорбление верующих. А они были и есть. Совсем недавно мы явились свидетелями больших торжеств по случаю 1000-летия христианства на Руси. Кстати, разве поспоришь, что церковь через имя бога несет по земле гуманистические идеи добра, справедливости, милосердия, мира... Или, может, кто-то возьмется утверждать, что верующие в бога непременно дурные люди?

Это во-первых.

А во-вторых, разве только в приложении к религии истолковывается слово бог?

Всю жизнь помню песню, которая звучала в моей родной деревне на мелодию «Пряхи», а словами, кажется, была ее вариация. Только уже не «молодая пряха», по содержанию песни, «одна сидит... в низенькой светелке», а большая старуха-мать, скорбно думающая «про своих сирот». Что будет с ними, когда она умрет? «Как начнут скитаться по дворам чужим, долго ли связаться с человеком злым!»

Позабудут бога,
Потеряют стыд.
А уж тут дорога
Не к добру лежит.

Как своевременны сегодня эти давние-давние строчки поэта Ивана Никитина! Как лаконично и глубоко выражена в них формула подлинной человеческой сущности! Не потеряли бы себя, свое нравственное достоинство — вот о чем и тревожится мать в думах о детях. Не забыли бы бога в себе. А бог в себе — это честь, совесть, добро; это все устояло, выработавшиеся за века; это душа, любящая и справедливая.

Иметь бога в себе — разве это лишним стало сегодня; разве не скорбно глядеть, если в человеке, словно каркас, рушатся его лучшие черты. «Должны быть все-таки святости в любой значительной стране!» — воскликнул однажды поэт Ярослав Смеляков. А в человеке? И он, он тоже может быть значителен, лишь имея святости в самом себе.

Святости... Святость дела, любви, долга... Душа... Бог...

Но о чем говорить, когда скабрезное «в бога-душу-мать» стало у человека рефреном его языка и жизни, когда речевое святотатство, избулив всю землю, развело человечье нутро!

Почему именно сегодня зашел обо всем этом разговор?

Попытаюсь ответить.

Может, ошибаюсь, но такое ощущение не дает мне покоя: еще никогда загрязненность речи матом не достигала столь катастрофически угрожающей плотности. Мы часто говорим об экологическом балансе природы — разве менее важна экология речи? И, пожалуйста, не будем сводить разговор на смешочки да отговариваться: что, мол, такого!.. Подумаешь, чистоплюйство: слова не скажи... Не хочешь слушать — заткни уши, другим не мешай... и пр. и пр.

Ах, как жалко, что слово не воробей! Упорхнуло бы — и все. Никому не жарко, не холодно.

Однако все не так. Слово — и улетев — остается: то цветком, то зернышком, то липкой грязью. А загрязненность речи, ее огрубление подтачивает и огрубляет нравственную основу человека. Причем, как при курении, страдает не только курильщик, но и все окружающие.

Выйдите на улицу — а если сами вы уже утратили иммунитет и не воспринимаете мат как раздражитель, — выйдете не один, а с женой... с дочерью... с ребенком... По их лицам, по плачущим или омертвевшим от омерзения глазам вы почувствуете, особенно остро почувствуете, какие децибелы мата накапываются на уши и сердце. И вам захочется оглохнуть, ослепнуть, проскочить зараженное место не дыша, укрыть от отравы своих близких или схватить циника за горло: «Замолчи!..» Впрочем, вы оглохнете-ослепнете и без собственного хотения: солнце в небе станет похожим на черного краба, день потеряет краски, птицы на ветках (черные птицы на черных ветках) будут немо раскрывать клювы.

Стыдно и страшно наблюдать за человеческим саморастлением. Вон идет навстречу ватага («мать-перемать»), так ведь даже не приглушит голосовых связок при встрече с незнакомыми людьми, и ошметки грязи («мать-перемать!») летят тебе прямо в лицо, отравляется вся атмосфера, происходит постоянное, как бы случайное и ненарочное оскорбление людей, города, страны. Мат, как эпидемия, захватил молодых и немолодых; перед ним равны комсомольцы, коммунисты и беспартийные; он, как свинья, за столом среди рабочих, колхозников, интеллигенции (да, да!)... У мата характер агрессора. Он может настичь и ударить в кино и в трамвае, в кафе и биб-

люотеке, на любой площади (площадной мат!), и в глухом переулке, и в учебном заведении, и в научном центре... Любое место и время — его, никакие корочки дипломов о полученном образовании не выдерживают его напора, он прошибает самые крепкие двери и хозяином усаживается в самые высокие кресла...

Поневоле обращаешь внимание вот на что. Если прежде мат был, как правило, показателем гнева, раздраженности, душевного взрыва, то поглядите на матерщинников сейчас: спокойные глаза... улыбки... рядом с парнями включившиеся в беседу девушки... ничего не коробит, никому не стыдно... разговор на приятную тему... самый житейский, обыденный... никаких стрессов — и мат! мат! мат!!!

Словом, перед нами не случайная дурная обмолвка, а губокопье вьезшаяся, хроническая болезнь.

Тяжело видеть, как приверженный мату человек постепенно беднеет речью и гаснет духовно. От такого не услышишь пословиц и поговорок (скабрезные анекдоты не в счет), не угладишь в его речи ярких самоцветов, которыми от веку славился народ. Он вроде Эллочки-людоедки из «Двенадцати стульев» тридцатью словами обойдется, если, конечно, к ним приплюсовать мат. А разве зря у И. Ильфа и Е. Петрова интеллект упомянутой Элочки равен ее лексикону! Иначе быть не может.

Мат пожирает в речи все живое и яркое, как мифологический бог Сатурн собственных детей. Он же заполняет все пустоты между оставшимися словами. Он тщится сам выразить все краски и оттенки их, передать впечатления. Отсюда — языковая убогость в обрамлении вульгарности; отсюда — прогрессирующая душевная черствость.

Как-то — вспоминается — сидел в приемной ответственного работника. Ожидание затянулось. Вдруг из кабинета, через двойные двери «предбанника», раздался усиленный голос хозяина, а затем оттуда выскочил посетитель и стал торопливо вытирать платком багровое, распаренное лицо.

— Как он меня покрыл!.. — с явным восторгом воскликнул он, и даже в глазах его то же восхлищательное восхищение засияло: «Как он меня покрыл!..»

Что скажешь! Мат редко одергивают, а если в жизни процветает интонация властного окрика, приказа, командной нетерпимости, так подобное время для него вообще сплошной праздник. Еще радуемся, еще похвалы для хамов находим: из народа, мол, по языку видно — наш, с характером, с размахом... Да игра это, милые, дешевая игра, а еще чаще — дикое, непрекословное, самодурное бескультурие. Эхма!

Давно существует пословица: «На чужой роток не накинешь платок». Нет, совсем на другое хотелось бы нацелить в думах о нашей беде (а мат — без преувеличения беда, горе давнее и растущее). Давайте, люди, трезво и скорбно задумаемся: что же мы делаем с собою? Почему не уважаем своих близких? Почему запакощиваем святости и великое наследие предков наших — язык, вечный движитель общения?

Часто вспоминаю об одном деревенском мужичке, мастере на все руки. Славно работал мужик, но когда что-то не ладилось у него и когда, казалось, грязное слово вот-вот сорвется с губ, он вдруг спохватывался на середине ругательства: «Ах ты, мать... катся грех!»

Матькатся грех!!

Грехом считал мат неграмотный деревенский мужик. Так и есть: грех это перед собственной человеческой сущностью, перед матерью родной и всеми матерями земли, перед самой землей, которая тоже мать; и перед Родиной, матерью нашей великой, грех это смертный.

С ЗЕМЛЕЙ ЭТОЙ СВЯЗАНЫ МЫ...

Амир МАХМУДОВ

ХЛЕБ

Никто не выше хлеба.
Татарская пословица

Тяжела горячая коврига,
Точно жернов или большая книга.
Грани у зерна, как у алмаза,
И они не утомляют глаза.
Бриллианты хлебу не замена:
Хлеб — культуры древнее колено.
Сын земли обожествленный, все же
Матери своей он не дороже.
Руку приложу к краюхе черной.
Хлеб со мною — и не надо рая.
Падаем мы в землю, точно зерна,
Нас судьба просеивает яро.
В поисках незаменимой строчки
Лезем внутрь словесной оболочки.
Мы «мудрей» Хикмета! Выше неба!
Но никто не станет выше хлеба!

САБАНТУЙ

Коню с копытом золотым,
Земля моя, простор даруй!
За аргамеком молодым
Явился праздник — Сабантуй.
От века скромнен мой народ,
Но Сабантуй взмывает ввысь —
И в руки он гармонь берет,
И строит скрипку и кубыз.
Сменяет плясуна певец,
Батыров выкликают в круг.
Взыграет мышцами борец —
И в девушках займется дух.
Пригожего и смельчака
Одобрят площадь и народ:
Сам Сабантуй через века
Весной явился в свой черед!
Напевом площадь околдуя,
В крови, о музыка, бунтуй!
Как вёсны, вечен Сабантуй! —
Старинный праздник — Сабантуй!

ПИСЬМА

Меж нами письма, как мосты,
Пространство отменили.
Ошибки в письмах править ты.
Черны твои чернила.
Письмо с ошибками черкни,
Не ошибись с любовью.
Чтоб жизнь поправить, нет чернил —
Жизнь выправляют кровью.

ЖИВОЙ ЧАПЛИН

Людей поколенья к экрану
будто причалены.
А что на экране?
Ужимки да выходки Чаплина.
Но хохмы, но шаржи —
как хлеб беднякам наболевшимся.
Как яд, как торпеда, они же —
мещанам разьевающимся.
Не чудо ль, что в краску вгоняет
мурло допотопное
Походочка Чарли,
шагам Командора подобная?
Великий немой, что сказал ты
и чем оморочил их,
Что эти подонки могилу твою
раскурочили?
Ты брат одинаково радостным
и опечаленным,
Поэтому время вовек не расстанется
с Чаплиным.

БРАТУ

Свидания наши недлинные
Разлука дает нам взаимы.
Дорогою, как пуповиною,
С землей этой связаны мы.
Дороги, простором рожденные,
Иззябли, нам в ноги легли.
Так что ж мы стоим отчужденные,
Как будто бы в гости зашли?
Я, певший о них, как обязательный,
Устал им любимых дарить.
Прервался мой стих недосказанный:
«Ходить» не синоним «творить».
Да можно ль избыть одиночество,
С дорогами будучи врозь?
Ложатся они, как им хочется,
И нас они видят насквозь.
Свидания наши недлинные
Разлука дает нам взаимы.
Дорогою, как пуповиною,
С землей этой связаны мы.

***

Была ледяная,
Но пламенем стал я — растаяла.
А ныне порядок иной,
Ныне я ледяной,
А ты пламенеешь,
Но вряд ли сумеешь
Такое проделать со мной.

ЖИЗНЬ

Жизнь на ходу меняет дни,
И зарядили ливни...
Горят, горят, горят огни...
Дела людские дивны.
А в результате — тьма и свет,
Пожарища и первоцвет.
Кто жил, тот оставляет след...
Огни горят, горят, горят,
Идут дожди века подряд...

***

Тропка бежала отлого,
Стала путем без предела,
Запустовала дорога —
И до тропы похудела.
Так это или иначе,
Будет мне совесть подмогой.
Твердо ступаю я. Значит —
Не провинился дорогой.

ГУСИНАЯ СВАДЬБА

Осень. Проверяют крылья гуси.
В позу встав, поет в миноре гусь.
Подберу перо — и залуюбуюсь.
Песню запишу — не изолгусь.
Осень. Перебрали крылья гуси.
Всполюшили берег речки Димь.
Осенины в их гусяном вкусе:
Свадьбами ответят гуси им.
Волосы береговой наяды
С ивами причерными свились.
Павшим перьям брачного наряда
Счет вести мы с нею собрались.
Плавало перо и не тонуло:
Димь — известная ворожея.
Это одиночество толкнуло
Нас к тебе, гусянина семья.
Волны Дими белы, словно крылья,
Всякий раз, когда леса горят,
Кажется, что это изобилье
Продолжает свадебный обряд.
Перья я считал, считал и сбился,
Я водой крылатою умылся.
О себе задумался тогда,
Подсчитал минувшие года.
Время, когда жил да веселился,
Не вернется больше никогда.

Перевела с татарского
Марина Кудимова

ПОСЛЕДНИЙ

ШАНС

СИСТЕМА ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ. РЕАЛЬНА ЛИ ОНА НА УРАЛЕ?
НАШ СОБЕСЕДНИК — ЗАВЕДУЮЩИЙ ОТДЕЛОМ ПРИКЛАДНОЙ ЭКОЛОГИИ ИНСТИТУТА ЭКОЛОГИИ РАСТЕНИЙ И ЖИВОТНЫХ УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК, КАНДИДАТ БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК ОЛЕГ ФАГИМОВИЧ САДЫКОВ.

— Олег Фагимович, давайте начнем разговор с личных мотивов. Я знаю о том, что еще ваш дед долгое время боролся против проекта Нижнеобской ГЭС. Расскажите, пожалуйста, об этом подробней.

— В конце 50-х годов проект строительства Нижнеобской ГЭС был готов. Самая большая в мире электростанция вырабатывала бы энергию, которую попросту некуда было бы девать. Мой дед Борис Петрович Ильин поехал к С. П. Залыгину, который, по-моему, заведовал тогда кафедрой в Тюмени, и вошел в так называемый «Комитет-250», борющийся против предполагаемого затопления просторов Западной Сибири. В течение пяти лет противники проекта бились, доказывая его абсурдность. Одним из аргументов была полная неисследованность региона предполагаемого затопления. Потом в этих краях нашли нефть и газ, которые обещали огромные доходы в валюте. Появился водохранилище — страна лишилась бы Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. История с Нижнеобской ГЭС — первый случай в Союзе задержки реализации крупного проекта. С открытием нефтяных запасов вопрос отпал сам собой.

Еще в 1956 году мой дед писал лично Н. С. Хрущеву о том, что начался процесс интенсивного промышленного загрязнения окружающей среды. И если это будет продолжаться систематически, писал дед, то через двадцать лет ситуация может стать катастрофической. Именно к такому положению в конце 70-х годов и пришли. Но в 1956 году его выступление было гласом вопиющего в пустыне. Уже тогда, занимая ответственные посты, мой дед «использовал служебное положение», чтобы бороться с экологическим варварством. Работая в Челябинском облисполкоме начальником управления водного хозяйства, он выступал против загрязнения озер и рек Челябинской области (прежде всего реки Миасс) и сопредельных территорий Урала и Казахстана.

...Пускали на Челябинском металлургическом заводе стан «2500». Все было готово. В Москву отпрапортовали. Оставалось Ильину свою подпись поставить. Он отказался, потому что не было очистных сооружений. Его убрали из комиссии. Обошлись...

Затем дед занимался проектированием безотходных технологий, сапропелями. Это — озерный ил: прекрасное и, главное, экологически чистое удобрение. Сейчас о сапропелях заговорили. А тогда дед долго пробивал идею использования сапропелей в сельском хозяйстве, выступал, в частности, по радио. Возвращаясь из радиостудии после передачи, скорострительно скончался... Было ему 57 лет...

— Теперь мне понятно, откуда ваши бойцовские качества...

— Пример деда многое мне дал. С детства я был посвящен в его проблемы, видел, как он отчаянно борется с наступающим экологическим кризисом...

— Можно ли сказать, что в Уральском регионе экологический кризис — реальность?

— На мой взгляд, оснований для этого вполне достаточно. Хотя подлинные масштабы бедствия еще предстоит оценить. На Урале сложилась весьма сложная экологическая ситуация, которая в ряде промышленных центров — Аша, Березники, Карабаш, Каменск-Уральский,

Нижний Тагил, Пермь, Салават, Стерлитамак, Уфа — крайне опасна. Наблюдается сильное загрязнение воздуха, воды, почв, продуктов питания. Происходит широкомасштабная деградация экосистем. Увеличиваются размеры техногенных пустошей, площадь некоторых из них достигает сотен квадратных километров. Суммарная техногенная нагрузка превосходит критический уровень в десятки, а кое-где и в сотни раз. Подорвано здоровье населения. О том, что наш Урал находится в районе экологического бедствия, сказал недавно член-корреспондент Академии наук СССР А. В. Яблоков в книге «Иного не дано» (Издательство «Прогресс», 1988 год). Можно говорить о значительном превышении предельно допустимых концентраций загрязняющих веществ почти во всех городах Урала. Но есть и «рекорды»: в реке Чусовой ПДК по хromу шестивалентному превышены в 1300—1380 раз, в Магнитогорске отмечено превышение ПДК по бензпирену порядка 1900 крат.

Сейчас в печати появились данные по среднемесячным и среднегодовым параметрам загрязнения окружающей среды. Но эти цифры мало о чем говорят. Если ты в данный момент задыхаешься, то тебе никто не сможет назвать фактическую цифру превышения загрязняющих веществ, которая может быть в сотни раз больше, чем допустимо. А в среднем — все будет нормально. При среднем расчете, абсолютные величины экстремальных выбросов как бы растворяются в общем потоке.

Используются и многие другие уловки, а фактически же контроль в городах ведется по столь малому количеству точек, что экстраполировать их на территории города невозможно. Пункты мониторинга размещены без всякой системы и где «почище». А там, где люди живут, чаще всего бывают — в магазинах, на перекрестках, в жилых кварталах, — там часто нет никакого контроля. Когда начинаешь этот вопрос исследовать, страшно становится...

По нашим данным, во многих районах Урала среднегодовая суммарная нагрузка по осаждающимся промышленным выбросам на единицу площади нередко в десятки, а то и в сотни раз превышает аналогичные показатели в самых «грязных» северо-восточных штатах США. Ситуация у нас хуже, чем в Бельгии или Польше — признанных регионах экологического бедствия.

— Если такие жизненно важные для человека показатели состояния окружающей среды не учитываются, то для чего же тогда существует Институт экологии?

— Институт экологии растений и животных УрО АН СССР был создан для решения фундаментальных проблем биологии и экологии популяций растений и животных. Никакого отношения к проблемам загрязнения окружающей среды, промышленного влияния на нее институт исходно не имел никогда. Но поскольку потом экологией стали называть все, что касается взаимодействия общества и природы, а на вывеске института есть слово «экология», то обстоятельства заставили нас заняться и этим. В основном институт продолжает работать как чисто биологическое учреждение и с этой функцией успешно справляется, хотя я лично склонен считать более актуальными проблемы обеспечения экологической безопасности.

— В то время как само существование человека на Земле оказалось под угрозой экологических катаклизмов, многие чиновники-технократы не хотят ничего делать под тем предлогом, что, мол, природу десятилетиями уничтожали, а вы требуете разрубить этот узел немедленно...

— Да, сразу изменить сложившуюся ситуацию невозможно, но надо сделать все, чтобы переломить ход развития, остановить сползание к всеобщей катастрофе, исключить реализацию новых проектов без тщательной экологической экспертизы. А такие ведомства, как Минводхоз, Минэнерго, Минчермет, Минцветмет, Миннефтегазстрой и многие другие, продолжают проталкивать через Совет Министров и Госплан экологически несостоятельные проекты. Ныне они вполне освоили и современную демагогию в духе перестройки.

— Но давайте все же, отойдя от алармизма, поговорим более конкретно о том, что можно сделать для улучшения экологической ситуации в Уральском регионе.

— Нужно прежде всего провести комплексную экологическую диагностику, исследовать фактические нагрузки на природу и население региона, провести экологическую аттестацию действующих технологий, выявить те, которые необходимо в первую очередь экологизировать или демонтировать.

— Но довольно-таки часто приходится слышать, что у нас в стране нет прогрессивных, экологически чистых технологий...

— Технология есть!

За пятнадцать последних лет, с момента принятия во всех развитых странах законодательства по охране природы, разработано огромное количество технологий — малоотходных, безотходных, ресурсо- и энергосберегающих, замкнутых. Одна только Франция представила их на мировой рынок около сотни. А мы в угоду нашим министерствам и затратному экономическому механизму продолжаем наращивать водо-, ресурсо- и энергопотребление. Если и нет у нас собственных технологий, то их можно купить. Обидно, что многие из них первоначально были разработаны у нас в Союзе.

Сейчас в мире «чистят» все. Я недавно вернулся с острова Шпицберген, где мог сравнить, как работают наши и норвежские ТЭС. В пятидесяти метрах от норвежских ТЭС снег абсолютно чистый, вокруг наших — загрязнен в сильной степени на многие километры.

Минэнерго, к примеру, распространяет миф об отсутствии эффективных технологий по очистке выбросов ТЭС от окислов серы и азота и планирует сжигать уголь на КАТЭКе. В большинстве стран низкосортные угли не используются в топках, их «сжигают» сначала под землей, а затем уже пускают в дело с минимумом вредных примесей. Мы снабжаем газом страны Европы, а у себя дома пользуемся топливом, в котором угля лишь 30 процентов. Никто никогда не испытывал, может ли вообще уголь КАТЭКа нормально гореть.

Ложь об отсутствии у нас экологически чистых технологий выгодна ведомствам, заинтересованным в сохранении сложившегося положения. Экстенсивного природопользования, грозящего всем нам катастрофой. Значит, их надо заставить! Но для этого надо буквально поднимать весь народ на борьбу, т. е. экологизацию тормозить именно те самые бюрократы, которые стараются остановить и повернуть вспять и саму перестройку. Лозунг «Вся власть — Советам!» актуален, как и в 1917 году. Добровольно свою власть командно-административная система не уступит...

— Довольно часто приходится слышать и другой аргумент: на охрану природы, на оздоровление окружающей среды нет средств.

— Это аргумент серьезный. Экономическая ситуация крайне тяжелая. Но мы предлагаем начать более рационально и эффективно тратить те средства, которые уже выделяются на цели охраны природы. Огромные деньги природоохранного значения тратятся на что попало, и если сохранить старые подходы, то никаких денег не хватит. Но на альтернативные решения средства есть, и все-

гда нужно проводить четкую грань: что экономически осуществимо, а что — нет. Конечно, идеального состояния еще долго не будет достигнуто по экономическим причинам, но, по крайней мере, двигаться в нужном направлении необходимо. Мы же не только на месте стоим, но и продолжаем сползать в пропасть. Это и страшно.

Вопрос о деньгах, конечно, важный, но надо посмотреть, на что расходуются государственные средства: львиную долю валового национального дохода министерства поглощают на самоедство — 330 миллиардов госбюджетных средств ежегодно забирают себе 8 перерабатывающих министерств, не делая взамен почти ничего для реального повышения благосостояния и качества жизни народа. К ним относятся Минводхоз, Минэнерго, Минчермет, Минцветмет, Минуглепром, Минудобрений и так далее. Главные виновники наших экологических бедствий. Наши доморощенные монополии буквально разворовывают народное достояние. Три четверти валового национального дохода летит в трубу! Под угрозой поставлено наше будущее, по сути, мы грабим самих себя и будущие поколения.

Есть и другая грань у этой проблемы. Считаю, что центральные министерства привыкли просто грабить Урал, оставляя нашим предприятиям лишь 10—15 процентов прибыли. Как еще можно назвать такую политику Центра, если не колониальной? На положении колониий находятся и многие другие регионы. Например, Сибирь...

— Но самое интересное, что порой и сами предприятия не хотят большего: куда, мол, мы эти деньги будем девать?

— Эти средства могли бы пойти в региональные фонды развития на реализацию той самой стратегии экологизации, которую сейчас министерства и ведомства не хотят финансировать...

— Вот мы и подошли к вопросу о региональном хозрасчете. Как вы его понимаете?

— С вводом подлинного регионального хозрасчета на Урале у нас бы сразу появились огромные средства экологизации, возник бы региональный фонд охраны природы. Но пока у нас нет четкой стратегии развития региона, соответствующих правовых и экономических механизмов, бессмысленно вводить и хозрасчет: деньги опять будут бездарно и впустую растрачены. Региональная стратегия социально-экономического развития — важное условие перехода на хозрасчет. Пока же эта «стратегия» выглядит так: каждая отрасль составляет свои собственные планы — что хочет она иметь на той или иной территории, потом все это собирается в одну папку и — вот тебе, пожалуйста, региональный план социально-экономического развития! А нужно чтобы все это шло не «сверху», а «снизу», от потребностей территорий. Нам нужна концепция гармоничного развития территории, сбалансированного по экологии, экономике, социальной сфере. Только при таких условиях будет целесообразно перевести регион на полный хозяйственный расчет.

— Все это правильно и хорошо. Но как разрубить сеть различных ведомственных инструкций, мешающих вести природоохранную деятельность?

— Создание Госкомприроды СССР эту сеть разрывает. Комитет отвечает за все, и нет там пока таких инструкций, которые связывали бы его деятельность. Это качественно новый орган, не успевший наплотить инструкций. Но многие чиновники, как в Центре, так и на местах, приходя туда работать из других ведомств и министерств, нередко оглядываются на свои прежние инструкции и заявляют, что связаны по рукам и ногам. Действительно, когда-то они были связаны: около 30 тысяч различных инструкций регламентировало деятельность министерств и ведомств. Но пока-то у Госкомприроды руки развязаны. Плохо то, что на Урале руководителями территориальных подразделений Госкомприроды становятся, по сути, случайные люди, плохо знающие экологию.

— Давайте вернемся к экологии. Как, на ваш взгляд, могут действовать сейчас различные общественные природоохранные силы, в том числе и движение студенческих

Не море, а горе

дружин по охране природы? Кстати, выступая на школьно-семинаре движения дружин по охране природы, состоявшейся в Уфе в конце октября 1988 года, вы обмолвились, что дружины могут зарабатывать деньги. Мне показалось это утопией...

— Это — не утопия! У нас в Свердловске уже сейчас центры НТМ зарабатывают миллионы рублей. Можно арендовать треть смены на предприятиях, где оборудование позволяет производить высококачественную продукцию, пользующуюся спросом в стране и за рубежом. В НТМ на сотню работающих приходится всего один директор и больше никаких промежуточных бюрокрагов, забирающих себе основную часть производимого дохода.

Зарабатывание собственных денег — одна из возможностей дружинного движения выйти на качественно новый уровень. Оснастись собственным аналитическим и диагностическим оборудованием и вести экологический контроль на современном уровне. Оно получило бы собственный экономический базис, без чего ни одно широкое экологическое движение невозможно. Надеяться, что виновные в экоциде ведомства будут что-то давать дружинам на борьбу против себя — это утопия! Значит, нужно научиться зарабатывать самим.

— Скажите, как может противостоять студенческое движение — да и любое другое общественное экологическое движение — могущественным ведомствам?

— Единственная возможность противостоять — объединиться с Академией наук. Это моя личная точка зрения. Сейчас если кто-то и оказывает содействие «зеленому движению», то это независимые ученые. У нас много здоровых сил и на уровне Президиума, и на местах. Мы — единственная сравнительно независимая организация, не связанная кровными узами с министерствами и ведомствами. В Академии наук разработана программа обеспечения экологической безопасности. Мы постараемся связать нашу деятельность с Госкомприродой СССР. Общественность должна с нами взаимодействовать, вклиниваясь в этот тандем. Комсомол мог бы взять на себя общественную экспертизу проектов. Пока ни одна общественная организация не взяла на себя ответственность за создание общественных экспертиз. Пусть возьмутся «зеленые дружины», комсомол, хоть кто-нибудь!

— Помечтаем немного. Как вы представляете мир будущего?

— Как планетарную коммунистическую федерацию территориальных ячеек — нооценозов. И все они будут вполне способными воспроизводить жизненные блага в пределах своей исторически сложившейся территории, полностью гармонично взаимодействовать с природой, как это и предполагает Программа КПСС. Это будут качественно новые эколого-энерго-экономические системы, способные к неограниченному прогрессивному саморазвитию в условиях гарантированной экологической безопасности. Совокупность нооценозов образует ноосферу Земли — среду жизни коммунистического общества, как это и предвидел академик В. И. Вернадский. Очень надеюсь, что путь человечеству в ноосферу, как и в космос, проложит наша обновленная Родина — СССР, и Урал станет одним из первых на Земле форпостов ноосферы. Утопическое по сути учение о ноосфере мы должны как можно быстрее превратить в стройную научную теорию ноосферогенеза — это главная задача академической науки. Другого способа выжить у нас нет. Только на такой основе мы сможем обеспечить экологическую безопасность на Урале.

Интервью вела С. ГАФУРОВА

Ни одна крупная стройка, затрагивающая среду обитания человека, не должна ныне утверждаться без государственной экологической экспертизы. В нее должны входить не только отдельные ученые, коллективы экологов разного профиля, а также представители общественных организаций. Иначе экспертиза станет узко ведомственной, кабинетной.

Примером может служить строительство Башкирского (Иштугановского) водохранилища на реке Белой. Освоено уже более ста миллионов из 430, а проект экологически несостоятелен.

В Башкирский республиканский совет общества охраны природы, в Союз писателей БАССР стали поступать тревожные сигналы с мест, люди просили разобраться: для чего нужно еще одно искусственное море, судьба которого уже сейчас просматривается на примере нугушского соседа (вода в этом водохранилище «зацветает»). Увлажнился также климат, что повлияло на заболеваемость пчел, на здоровье людей. Снизились рыбные запасы. Уже сейчас Нугушская «сырая дыра», втягивающая синие газовые шлейфы заводов городов Мелеуза, Салавата, Стерлитамака, оказывает неблагоприятное влияние на национальный парк, заповедник Шульган-Таш. А что будет с климатом, если построят новое море, почти в десять раз большее по объему воды, протяженностью в сто километров?

И еще: население промышленных городов южного региона республики понимает, что водохранилище строится под новые производства, главным образом, химические, которые окончательно загрязнят воздушный бассейн, и жить здесь будет нельзя, заболеваемость повысится, особенно — детская. Молчание обо всем этом смерти подобно!

В июле — августе 1987 года была создана общественная экологическая комиссия республиканского совета ВООП, которая изучала проект Башкирского (Иштугановского) водохранилища, обследовала район строительства, посетила ряд крупнейших предприятий в городах Белорецке, Мелеузе, Стерлитамаке, провела беседы с жителями затопляемых деревень. Вопрос вынесли на заседание Президиума, обсудили результаты работы комиссии и пришли к выводу, что строительство этого объекта является серьезной ошибкой.

Однако выводы общественной экологической экспертизы не вызвали озабоченности у правительства Башкирии, бывшего Минводхоза БАССР и проектировщиков. Но мы не успокоились. Материалы о несостоятельности проекта были опубликованы в газете «Советская Россия». Это коллективное заявление геологов и гидрологов, биологов и географов также было встречено без восторга. Нас объявили дилетантами. Хотя под материалом подписалось десять докторов наук.

Однако и этой экспертизе «творцы» будущего мертвого моря не поверили. Напротив, признали ее несостоятельной. А строительство продолжалось, только теперь уже в ускоренном темпе.

Поднялась общественная волна, пошли письма в центральные органы, на экологических конференциях принимались однозначные решения: просить правительство республики прекратить строительство водохранилища, а оставшиеся средства направить на жилье, больницы, детские сады.

И вот наконец проект-страдалец лег на стол долгожданной государственной экологической экспертизы Госкомприроды СССР. Казалось бы, можно было облегченно вздохнуть. Хождение по ведомственным мукам приближалось к своему логическому концу. Да, экспертиза обнаружила серьезные ошибки в проекте. В выступлениях экспертов на заседаниях в Госкомприроде СССР об этом четко, убедительно говорилось. Например, расчеты по водопотреблению неточны, ориентированы на завышенные и неоправданные объемы. Не учтено влияние водохранилища на заповедный режим этого уникального природного места, где создавались башкирские героические эпосы, легенды, складывались национальные традиции... Так что надвигается вторжение не просто в урочище, а будут погублены культурно-нравственные ценности. И к тому же здесь находится Башкирский национальный парк, в задачу которого входит сохранение популяции дикой бортовой пчелы, редких и исчезающих видов растений и животных. Эксперты недоумевали, как можно в нарушение закона строить водохранилище на территории национального парка. Почему-то не придают значения пагубному влиянию водохранилища (что также проектировщиками не изучено) на всемирно известную пещеру Шульган-Таш (Капову), в которой находятся наскальные рисунки древнего человека. Водохранилище зальет нижний этаж пещеры, угроза рисункам, значит, особенно велика. Будут затоплены также, например, некоторые пещеры (неизученные) Кутук-Суумганского урочища.

Поток писем против строительства водохранилища не прекращается. Более 80 тысяч жителей промышленной зоны южного региона республики поставили свои подписи под письмом, в котором требуют прекратить строительство гигантского водоема. Они не желают, чтобы природа их родного края исчезла навсегда только лишь для того, чтобы накопить грязную воду с тяжелыми металлами и ртутью. Необходимо совершенствовать технологию производства, переходить на обратное водоснабжение, вести борьбу с эрозией почв, внедрять современные малоотходные системы. Словом, надо учиться у передовых стран экономии природных ресурсов. Если воду реки Белой расходовать рационально, ее хватит на все. Об этом и заявили эксперты.

Много было экспертиз! Будет ли им когда-нибудь конец? Пора остановить антинародное строительство.

КУЧЕРОВ Е. В., председатель научно-технического совета Башкирского республиканского совета ВООП, доктор биологических наук, профессор, заслуженный деятель наук Башкирской АССР.

ПАВЛОВ Б. Н., писатель, член научно-технического совета Башкирского республиканского совета ВООП.

ПОДПИСЧИК ВСЕГДА ПРАВ

В первые месяцы года в редакцию хлынул поток жалоб — из Москвы и Могилева, Саратова и Иркутска, Воронежа и Ленинграда, Минска, Перми, Калининграда, Якутска, из районных центров, деревень, рабочих поселков. Читатели «Уральского следопыта» недоумевали, возмущались, спрашивали: что случилось, почему они не получили последние номера журнала за предыдущий, 1988 год, первые — за этот? И хотя редакция не занимается распространением и доставкой журналов — и подписчикам это известно, — мы ни одну жалобу не оставили без внимания. С ответственностью пошлши к жалобам подписчиков и работников свердловских служб связи, куда мы обратились за помощью и разъяснением.

Вместе с тем неслучайный, массовый характер «проколов» в доставке журнала требовал анализа случившегося. Почему участился поток жалоб на задержку «Уральского следопыта»? Что мешает четкой работе предприятий связи? Какие принимаются меры для бесперебойной работы служб экспедирования и доставки? На эти вопросы нашего корреспондента отвечает Ираида Уваровна ЖИДКИХ, заместитель начальника по почтовой связи Свердловского ОПТУС.

Небывалый поток жалоб на плохую доставку журнала поступил в марте этого года.

Считаю необходимым ответить через журнал всем подписчикам и принести извинения от имени связистов Свердловска, не обеспечивших своевременную отправку «Уральского следопыта».

По всем поступившим жалобам были приняты меры, ответы направлены каждому заявителю, копии — редакции.

Что же случилось, почему сложилась такая ситуация? Для прояснения ее необходимо, хотя бы в общих чертах, представить обстановку, влияющую и на рассылку «Уральского следопыта».

Свердловскими связистами экспедируется, обрабатывается и отправляется по стране: 4,5 миллиона экземпляров разного тиража 24-х газет; 3,1 миллиона экземпляров журналов 6 наименований, 6,8 миллиона литературного приложения к журналу «Огонек». Из Свердловска газеты отправляются в 17 областей страны, журнал «Крокодил» — в 51 область, «Человек и закон» — в 7 областей. А тиражи четырех журналов отправляются по узлам связи всей страны и за рубеж.

Как видим, объем обработки огромен, он растет из года в год, а база, мощност, технические возможности связистов остаются на прежнем уровне. Достаточно назвать одну цифру: пропускная способность производственных площадей, которой располагают связисты, составляет только 44 процента потребности!

Откуда такое несоответствие? А вот откуда. Все тиражи печатаются в типографии «Уральский рабочий». Центральное издательство «Правда», на которое приходится львиная доля заказов, при заключении на «высшем уровне» — с Министерством связи СССР — договоров на экспедирование и доставку печатной продукции практически не берет в расчет реальные возможности экспедиционных предприятий тиражи «разбрасывались» по областным центрам только с учетом ПОЛИГРАФИЧЕСКИХ возможностей издательства, что же касается их обработки и дальнейшей отправки, то это считалось делом само собой разумеющимся.

Но, к сожалению, само собой бывает только в сказке.

В том, что условий для экспедирования таких объемов нет, руководство Главного почтового управления СССР убедилось воочию, побывав у нас еще в 1987 году — после показа по Центральному телевидению в «Прожекторе перестройки» помещений экспедиционного предприятия и прижелезнодорожного почтамта.

Убедились! Однако, несмотря на категорические возражения свердловских связистов, несмотря на телеграммы и прото-

колы совместного совещания управления связи, представителей издательства «Правда», «Уральский рабочий», Средне-Уральского книжного издательства, редакций журналов «Урал» и «Уральский следопыт», подчеркивавших невозможность обработки дополнительных объемов тиража 1989—1990 гг. на существующих площадях, — несмотря на все это с 1 января 1989 года БЕЗ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО УВЕДОМЛЕНИЯ Свердловску ДОБАВЛЯЮТ зону экспедирования на 63 дополнительных пункта и увеличивают тираж печатающегося здесь журнала «Человек и закон» на 200 тысяч, то есть с 900 тысяч до 1 млн. 100 тыс.

Как же можно так не считаться с коллективным связистов и подписчиками?

Читатель может задать вопрос, для чего я излагаю проблемы отрасли, которые должна решать сама отрасль? И конечно, будет совершенно прав. Но, во-первых, от этих проблем зависит и доставка «Уральского следопыта». А во-вторых — в этой отрасли трудятся советские люди и, поверьте мне, совсем не лодыри, а любящие свою профессию и в невероятных условиях обрабатывающие многомиллионные тиражи. Не все зависит от них. Вот пример: из-за отсутствия необходимых площадей для обработки журналов в цехе экспедирования при типографии «Уральский рабочий» тиражи печатной продукции, в том числе и «Уральского следопыта», вывозятся в помещение, подлежащее сносу и расположенное, по сути, за городом, далеко и от типографии, и от вокзала. Малое количество люковых окон и производственных площадей не позволяет в кратчайшие сроки обработать почти полумиллионный тираж «Уральского следопыта». В результате и график приема тиража от издательства растянут на 20 дней!

Еще одна проблема — уж воистину узкое место! — недостаточная пропускная способность прижелезнодорожного почтамта и специального железнодорожного тупика для почтовых вагонов. Не хватает и самих почтовых вагонов, отсюда — ограниченная провозная способность. Это порождает нестабильность, сбои технологического процесса при отправке журнала в отдельных направлениях. Словом, вагонов не хватает, имеющийся же парк с каждым годом изнашивается и никакие «заплаты» здесь не помогут. Ничего утешительного железнодорожники нам не обещают. Что ждет связистов и подписчиков? — неясно. Вопрос не ршен и на уровне Совета Министров СССР и Госплана.

Не могу не сказать читателям и о такой подробности. В период осенне-зимних повышенных потоков посыльной почты трудности с отправкой журнальной продукции усугубляются. Недостаток вагонов не только рует все сроки отправок, но и

порождает порчу вложений, утрату посылок, газетно-журнальных пачек.

Что же представляется нам необходимым сделать в первую очередь?

Начать с издательства «Уральский рабочий». Здесь наращивали мощности, но не увеличивали экспедиционных площадей. И без того тесная площадка у люковых окон цеха экспедирования для вывоза печати в прижелезнодорожный почтамт за последние годы при реконструкции издательства еще больше уменьшилась. А ведь ежедневно сюда прибывают 72 автомашины. Мы считаем: в связи с увеличением объема печатной продукции и для ускорения доставки ее подписчикам необходимо использовать большегрузные автомашины — чтобы осуществлять перевозку прямо от цеха экспедирования до Челябинска, Уфы, Перми и других городов Урала. Это сократит непроизводительные простои, устранит промежуточные перегрузки, сэкономит место в почтовых вагонах и обеспечит сохранность печати. В сегодняшнем же дворе издательства такому автомобилю не развернуться. Следовательно, надо искать приемлемое решение.

Мы надеемся также, что два издательства — «Уральский рабочий» и Средне-Уральское книжное — смогут между собой договориться, чтобы журналы наши печатались и обрабатывались в одном помещении. Это сократит затраты на перевозку, в конечном счете — время прохождения продукции от типографии до подписчика. Межведомственные заборы не должны препятствовать интересам подписчика.

Следующее узкое место — прижелезнодорожный почтамт. Здесь прием печатной продукции для погрузки в вагоны производится в помещении площадью... 62 кв. метра с двумя люковыми окнами. Несложно подсчитать, даже без науки, что никак не проглотить огромный объем отправлений через это узкое «горло». Значит нужны дополнительные тупики для погрузки и выгрузки печати напрямую в почтовые вагоны. Наши предложения сейчас рассматриваются в управлении Свердловской железной дороги, и мы надеемся на положительное решение.

Где еще резервы ускорения?

В определении оптимальной зоны экспедирования, в ликвидации бессмысленных встречных перевозок.

В чем они заключаются? Да в том, что тираж для подписчиков северо-западных и близлежащих от Москвы областей печатается и вывозится из Свердловска, а розничный тираж для областей Урала, Сибири, Дальнего Востока печатается в... Москве. И гоняем вагоны с печатью из одного конца страны в другой.

Почему бы не подключить ЭВМ для определения зоны экспедирования и оптимального варианта перевозок?

Пока же Свердловское управление связи обратилось в Министерство связи с просьбой решить вопрос о переводе части печатаемого в Свердловске тиража «Крокодила» в другие типографии страны. Это частично разрядит обстановку, позволит своевременно обрабатывать и отправлять всю остальную печать. Что же касается других мер, то наш прижелезнодорожный почтамт готовится к реконструкции, пропускная возможность возрастет, но это только к концу 13-й пятилетки.

Мы, свердловские издатели и связисты, должны совместными усилиями сократить период печатания, экспедирования и отправки журнала «Уральский следопыт».

Если дружно возьмемся, мы это сделаем.

Подписчик, получив этот номер журнала в разгар подписки, надеемся, поверит нам.

БЕЗ ОСОБЫХ ПРИМЕТ

Повесть

Анатолий РОМОВ

Рис. Евгения Охотникова

Вернувшись в свой кабинет, Иванов начал приводить в порядок бумаги, но довести работу до конца не успел — пришла Гарибова.

Светлана Николаевна выглядела как и в первый свой визит: дорогое, но скромное платье, минимум украшений. Войдя, дежурно улыбнулась:

— Здравствуйте, Борис Эрнестович.— Присела на предложенный стул.— Вы просили — я пришла.

— Спасибо.— Он решил сразу начать с главного.— Светлана Николаевна, я вызвал вас затем, чтобы вы рассказали об окружении вашего мужа. Друзьях, знакомых. Причем давайте договоримся с самого начала — по возможности откровенно,

Окончание. Начало см. в № 7.

— Н-ну... Если, как вы просите, говорить откровенно... У него их очень много. Знакомых. Я бы даже сказала, бесчисленное количество. Не знаю даже, с кого начать.

— Наверное, с самых близких друзей. С тех, с кем вы дружите семьями.

— Это, в основном, мои друзья.

— Понимаю. Я о них не спрашиваю. Я спрашиваю о друзьях вашего мужа.

— Они одновременно и друзья Георгия... Эти друзья... Но... как бы вам объяснить. У него есть еще друзья.

— Что-то мы с вами совсем запутались. Как понять — еще друзья?

Гарибова явно колеблется. Это может значить только одно: он, Иванов, на правильном пути. Выждав, он сказал мягко:

— Светлана Николаевна... Мы ведь условились говорить откровенно.

— Ну хорошо. Хорошо, Борис Эрнестович. Я расскажу о всех его друзьях. Но только... Я опять хочу попросить вас, чтобы ни муж, ни его друзья об этом не знали.

— Это подразумевается. Светлана Николаевна, я жду. Нельзя же останавливаться на середине.

Гарибова долго молчала. Наконец выдохнула еле слышно:

— Какие дела могут заставить мужчину не обращать внимания на женщину?

— Разные.

— Борис Эрнестович, неужели не ясно? Это карты.

МОДЕЛИРОВАНИЕ

Подписав Гарибовой пропуск, Иванов проводил ее до двери. Вернувшись, сел за стол. Значит — это карты... Еще раз перечитал фамилии и должности названных Гарибовой друзей мужа. Самый близким другом, почти членом семьи, она считала Шестопалова. Большинство же остальных были для нее лишь карточными партнерами мужа, не более. Чаще всего в доме Гарибовых появлялись некто «Илья Егорович», директор «Гастронома», «Юра», называвший себя стоматологом, и «Игорь Борисович», работавший, опять же по непроверенным данным, администратором филармонии.

Да, сейчас Иванов наконец понял: Гарибов, Шестопалов и их партнеры — так называемые «лобовики». Все эти люди играют в карты по-крупному, «лоб в лоб». Отсюда и само слово «лобовик». И сейчас все, что он узнал после встреч с Шестопаловым и Гарибовой, говорит, что он столкнулся именно с ними. Лобовики среди любителей карт занимают особое положение — в отличие от всех остальных картежников, в том числе и от карточных шулеров, так называемых «катал». Негласный кодекс запрещает лобовикам в игре между собой прибегать к какому-то ни было шулерству. Игра ведется только на очень крупные суммы с обязательной немедленной отдачей. Если вдруг не оказывается наличных денег — долг необходимо отдать как можно скорее, в считанные часы. Что же касается отношений с законом... Карточные игры в СССР в принципе запрещены. Карты можно купить в любом табачном киоске. Если человек проиграл в карты десять ты-

сяч, не нарушая при этом общественного порядка — это нельзя квалифицировать как нарушение закона. Но Иванов прекрасно знал о связях лобовиков с преступными элементами. Лобовиками бывают только «солидные люди», как правило, занимающие высокое положение. Безусловно, не исключено, что среди лобовиков, если постараться, можно найти и честного человека, такого, который, садясь за карточный стол, принципиально полагается только на свое реноме и реноме партнера. Но это скорее исключение, чем правило. Честность не та основа, на которую могут полагаться крупные игроки, — ведь счет в их игре идет на тысячи, а то и на десятки тысяч рублей. Именно поэтому на страже интересов крупных картежников стоят «шестерки-вышибалы». Вербуются вышибалы, как правило, из бывших уголовников. Виновному в неотдаче долга сначала делается предупреждение, а потом он может заплатить увечьем или даже жизнью.

Довольно долго Иванов сидел молча, разглядывая исписанный календарь. Сейчас он попытался понять, все ли так, как он рассчитал. Нет ли каких-то неучтенных фактов, ложных ходов... Нет, кажется, момент, которого он так долго ждал, все-таки наступил. Он вычислил «Кавказца». Человек, убивший на Ленинских горах инспектора ГАИ Садовникова, — «шестерка-вышибала». После разговора с Гарибовой сомнений в этом нет никаких. Собственно, дело теперь только в технике — его и его товарищей. Снял трубку, набрал номер.

Отозвался Линяев, он спросил:

— Сережа, что там?

— Пока все то же. Кудюм не проглядывается.

— Хорин?

— Звонил. Передал: объявится только к вечеру.

— Зайди-ка, есть дело.

Иванов коротко передал Линяеву все, что услышал от Гарибовой. После сообщения о картах и «Жемчуге» майор легко поступал кулаком в ладонь:

— Похоже, тепло, Борис Эрнестович? «Кавказец» — вышибала?

— Не знаю. Во всяком случае, времени у нас с тобой сейчас мало. Во-первых, сразу от меня иди к генералу. Сообщи новость, ну и... Шеф — человек мощный, пусть поднимает все силы. И ориентирует на «Кавказца» всех, кто так или иначе связан с каталами, лобовиками и так далее. Понял?

— Понял. Что, можно идти?

— Подожди. Учти, нам с тобой все это организовывать некогда. Как только утрясешь вопрос с шефом, отправляйся в ближайший табачный киоск.

— Табачный киоск?

— Да. Мне нужно шесть колод карт. Даже лучше семь. Нераспечатанных. Но это не все. Нужно срочно найти парня, похожего на «Кавказца». С использованием до конца дня. В Министерстве, я думаю, пара-другая таких найдется?

— Может, Подошьян Валера? Из нашего отдела? В нем почти метр девяносто. Ну там — и все остальное.

— Подойдет. Предупреди, пусть не уходит. И давай за колодами. Дорогих не покупай, нужны самые дешевые. Деньги оформим, не волнуясь.

— Я не волнуюсь. Тогда я с колодами — прямо к вам?

— Давай. — Нажав на рычаг, набрал номер дежурной по второму этажу гостиницы «Алтай». — Де-

журная? Простите, Лена Малахова сейчас дежурит? Позовите, пожалуйста...— Подержав трубку у уха, услышал знакомый голос:

— Да, я слушаю.

— Лена, это один ваш знакомый. Из милиции. Мы с вами беседовали, в дежурке. Помните? Насчет жильца из двести девятого номера. Иванов моя фамилия.

— А-а... Помню. Здравствуйте.

— Здравствуйте. Леночка, только два вопроса. Помните, вы рассказывали, как вы убрали в номере? А жилец в это время что-то переставлял на столе?

— Переставлял? А, ну да. Помню. А что?

— Вы тогда сказали, у него в мусорном ведре были белые хрустящие бумажки. Обертки от вафель. Помните?

— Н-ну... Как будто. Да, были вроде обертки. — Леночка, вспомните — кроме этих белых хрустящих бумажек, вы не видели этикетки от вафель? На вафлях же сверху этикетки. На них название, цена.

— Ой, я не помню. Может, и были. Там разве разберешь? Этикетки, не этикетки. Я же не вглядывалась.

— Еще вопрос — когда вы в тот раз вошли, во что ваш постоялец был одет? Когда на столе что-то переставлял.

— Сейчас... Подождите... В спортивном костюме. Знаете, такой, импортный? Синий, с тремя полосками.

— Все ясно, Леночка. Ждите, мы к вам скоро подъедем. На месте я все объясню.

Положив трубку, снова набрал номер. Услышал отзыв:

— Подошьян слушает.

— Валера, это Иванов. Линяев тебя предупредил?

— Да. Я в полной готовности.

— Вот что, Валера, достань до вечера спортивный костюм-пижаму. Фирмы «Адидас», синий с тремя полосками. На твой рост. Причем срочно, в течение двадцати минут. До выезда.

— Но, Борис Эрнестович...

— Все, встречаемся внизу, в машине.

Следующий, кому он позвонил, был Прохоров.

— Леня, это Борис Иванов. Ты очень занят?

— Дела есть всегда. А что? Что-нибудь случилось?

— Особенного ничего. Ты мне нужен часа на два. По нашему делу. Если я сейчас заеду, как? Минут через двадцать?

— В принципе можно, только объясни хоть примерно. Что случилось?

— Объясню потом. Смотри в окно. Увидишь мою машину — выходи.

ЭКСПЕРИМЕНТ

Свернув направо, он проехал под железнодорожным мостом. Перед самым входом в «Алтай» затормозил, почувствовав, как качнулись сзади Линяев и Подошьян. Сидящий рядом Прохоров покосился:

— С такими молодцами только кого-то брать. А? Надеюсь все-таки, брать мы никого не будем?

— Не будем, не беспокойся. Потерпи. Я хочу, чтобы все было чисто.

— Эксперимент? Судя по всему.

— Сейчас увидишь. Пошли.

Вчетвером они прошли в гостиницу. В холле было пусто. Швейцар, узнав Иванова, сделал знак бровями — мол, не волнуйтесь, все помню. Вместо молодой блондинки за стойкой сидела худая девушка в очках. Иванов протянул удостоверение. Девушка изучала его долго. Вздохнула:

— Опять по поводу второго этажа? Да? Двести девятый?

— Двести девятый, угадали. Номер сейчас занят?

— По-моему, там живут. Только, кажется, они ушли. — Выдвинула ящик. — Да, вот ключи. Вам что, нужен этот номер?

— Нужен, но... — Он замолчал. Проводить эксперимент без согласия владельцев номера нельзя. Впрочем, для того, что он задумал, может подойти другой номер, аналогичный. — А свободные номера у вас есть? Желательно на этом этаже. Двухместные.

— Сейчас... — Карандаш дежурной пополз по квадратам схемы. — Вот, двести пятнадцатый. А... зачем?

— Надо провести эксперимент. Так называемое моделирование. Для этого нам нужен свободный номер, а также — представитель администрации. Вы бы, например, нас устроили как представитель администрации. Как? Договорились?

Вслед за администратором Иванов вместе с Прохоровым, Линяевым и Подошьяном поднялся на второй этаж и остановился у двести пятнадцатого номера. Посмотрел на стоящего рядом Подошьяна. Для эксперимента капитан подходил идеально: высокий, широкоплечий, с пышными черными усами. Впрочем, подумал Иванов, во время эксперимента горничная увидит Подошьяна только со спины. Так что усы в данном случае будут неиграющей деталью.

— Коротко установку. Пока мы одни, — сказал Иванов.

— Сейчас, — Подошьян потер лоб. — Значит, так — в номере я снимаю плащ, остаюсь в тренировочном костюме. Вскрываю шесть колод карт. Седьмую, контрольную, не трогаю. Затем снимаю с шести колод бумажные обертки. Мну их. Кроме того, мну несколько газетных обрывков. Затем бросаю в мусорную корзину смятые газетные обрывки. Сверху — смятые бумажные обертки от карт. Потом все колоды, кроме двух, прячу в стол. Сажусь за стол лицом к окну, спиной к двери. Начинаю тасовать карты. Обе колоды. Делаю это медленно, размеренно. Причем, чтобы со стороны двери карт не было видно. После стука в дверь говорю: «Войдите». Входит горничная, спрашивает: «Можно я уберу?» Не оборачиваясь и продолжая медленно тасовать карты, говорю: «Пожалуйста». По-моему, все?

— Все. Ты, Сергей?

— Я беру шесть пачек вафель и корзину, сдираю обертки... — Линяев поискал глазами. — Ну, хотя бы вон там. За выступом коридора. Подходит?

— Вполне.

— Мну газетные обрывки, кидаю в корзину. Сверху бросаю смятые обертки от вафель. Правильно?

— Правильно. Кажется, они идут.

Дежурная по этажу, с которой подошла администратор, оказалась совсем молодой девушкой. Высокая, с ямочками на пухлых щеках, она выдохнула еле слышно:

— Здравствуйте. Меня зовут Тамара.

— Здравствуйте, Тамарочка. — Иванов улыбнул-

ся.— Видите, сколько молодцов я к вам привел? Это Леонид Георгиевич, это Сергей, это Валерий. Меня зовут Борис Эрнестович. Кстати, Тамара, вы что-то продаете на этаже? Вафли, например?

— Есть вафли. Вафли есть, лимонад. Чай, сахар. Ну, там, спички, сигареты «Прима».

— Позовите-ка горничную.

Дежурная по этажу ушла и через минуту вернулась с Леной Малаховой. Увидев Иванова, горничная приставила швабру к стене.

— Я вас давно жду. Я номер убираю, ничего?

— Наоборот, очень даже хорошо. Помните, вы убирали при постояльце? Вы вошли, взяли мусорное ведро, чтобы его вынести, и среди прочего мусора заметили смятые хрустящие белые бумажки. Еще раз спрашиваю — вы видели рядом с этими смятыми белыми бумажками этикетки? Тоже смятые, тоже бумажки, но на которых написано, как называются вафли, цена, и так далее?

— Я уж думала. Не помню. Вы прямо так уж серьезно. Кто их знает, эти этикетки. Может, они внутри были. В бумажках. Или там на дно провалились. Дело какое, подумаешь. Еще долго будете спрашивать?

— Все, больше не буду. Сейчас вы должны повторить все то, что сделали в тот раз. Постучать в номер, услышав отзыв, войти. Спросить, можно ли убрать. Делайте это спокойно, так, как делаете всегда. Представьте, что вам действительно нужно убрать в номере. После того как находящийся в комнате разрешит вам произвести уборку, вы возьмете мусорное ведро и вынесете к нам. Для нас это важно, как восстановление событий. По-современному — моделирование. Понятно?

— Понятно.

— Человек, которого вы увидите в номере, со спины похож на Нижарадзе. Сидеть он будет, как сидел в тот раз Нижарадзе, к вам спиной. Этот человек будет делать определенные движения. Ваша задача — сказать нам после эксперимента, похожи ли эти движения на те, которые делал Нижарадзе. А также — похоже ли то, что вы увидите в мусорном ведре, на то, что вы увидели в этом ведре в тот раз. Вот и вся задача. Все, можете стучать. Ну! Стучите!

Помедлив, Лена постучала в дверь. Оттуда донеслось: «Да, войдите!» Девушка открыла дверь и вошла, из-за закрытой двери было хорошо слышно, как она спросила — можно ли убрать в номере. Чуть погодя дверь открылась. Лена показала мусорное ведро — в нем на газетных обрывках лежали смятые обертки от карт.

— Я правильно все сделала?

— Правильно.— За Леной Иванов видел спину Подошьяна — тот продолжал медленно тасовать карты.— Как движения? Похожи на те, которые делал Нижарадзе?

— Похожи. Я теперь поняла, что он делает. Карты тасует. Правильно?

— Правильно, только почему же вы тогда об этом не догадались?

— Так ведь я второй раз уже на это смотрю. И внимательно. Тогда мне как-то все равно было. Ну, а сейчас — я же не слепая.

Иванов обернулся:

— Сергей Александрович! Пожалуйста!

Все молча следили, как вышедший из-за выступа Линяев ставит на пол корзину. В этой корзине по-

верх таких же, как в первой, газетных обрывков лежали смятые обертки от вафель вместе с этикетками.

— Посмотрите внимательно,— сказал Иванов.— Лена? Какие бумажки были в корзине в тот раз? Белые? Или вот такие, с этикетками?

Лена несколько раз перевела взгляд с одной корзины на другую. Поставила свою корзину на пол.

— Нет. Все-таки бумажки тогда были вот такие. Как в моей.

Из эксперимента следовало: неизвестный, проживавший в гостинице «Алтай» под фамилией Нижарадзе, скупал в большом количестве карточные колоды. Далее — пока этот неизвестный вынужденно находился в номере, он тасовал карты. Этого занятия он не прекращал даже при появлении горничной. То есть «Нижарадзе» занимался тем, чем обычно занимаются в свободное время для тренировки зрительной памяти профессиональные картежники — тасовал карты, запоминая их «рубашки».

Значит, соответственно с этим следовало ориентировать и розыск.

ВТОРАЯ ВСТРЕЧА

Вернувшись к вечеру в Управление, Иванов застал в сборе всю опергруппу. У Хорина, появившегося лишь сейчас, к концу рабочего дня, вид был усталый. После короткой беседы выяснилось: ничего такого, что выглядело бы для Иванова неожиданностью, Хорин не узнал. Как и ожидалось, никаких грехов по части ОБХСС за Шестопаловым не числилось. Дача, кооперативная квартира в центре города и машина были приобретены на средства, полученные от внедрения ценного изобретения. Шестопалов был одним из авторов научного коллектива, разработавшего новое покрытие для шоссе дорог. Единственное, что показало Иванову интересным,— Хорину удалось выяснить, что часть своего отпуска, причем совсем недавно, с 25 января по 11 февраля, директор НИИ «Дорстрой» провел в Сочи. Останавливался Шестопалов в гостинице «Жемчуг», занимая номер «полуплюкс» на пятом этаже. Любопытно были также два списка, которые Хорин не поленился полностью переписать в агентстве Аэрофлота. Один перечислял пассажиров авиарейса № 1045 «Москва — Сочи» 25 января, второй — авиарейса № 1046 «Сочи — Москва» от 11 февраля. Согласно этим документам, 25 января одним рейсом с Шестопаловым вылетел Гарибов Георгий Константинович. Он же вместе с Шестопаловым вернулся в Москву 11 февраля — опять же одним рейсом. Больше знакомых фамилий в двух списках Иванов не нашел. Тем не менее он принялся тщательно изучать оба реестра. В конце концов, просмотрев списки несколько раз, подчеркнул строчку: «Палин Илья Егорович». Причем фамилия «Палин» значилась как в первом, так и во втором списке. Главным, конечно, было имя-отчество, а не фамилия — именно это имя-отчество, «Илья Егорович», упомянула в своих показаниях Гарибова. Хорин тут же позвонил в отдел кадров управления торговли. Там попросили перезвонить и через двадцать минут сообщили: Палин Илья Егорович работает директором магазина «Гастроном» № 26. Значит, Гарибова имела в виду именно этого Илью Егоровича. Похоже, вся тройка летала в Сочи своей компанией. Зачем, ясно: поиграть. Иванов попросил Линяева связаться с Сочи и выяснить, в какой гостинице останавлива-

лись Гарибов и Палин. Впрочем, он был убежден, что они, как и Шестопапов, сняли номера в «Жемчуге».

Оставив Линяева и Хорина в отделе, Иванов спустился вниз. До встречи с Шестопаповым оставалось минут двадцать. Усевшись в машину, он не спеша двинулся к центру. Остановившись у кафе, подумал: пока ничего особенного в факте выезда тройки в Сочи нет. На размышления наводит только то, что все трое вернулись в Москву 11 февраля, то есть за три дня до убийства Садовникова. Конечно, это может быть случайным совпадением. Но может и не быть. Кроме того, в его расчеты пока не очень укладывается фамилия «Палин». С Палиным, по словам Гарибовой, ее муж познакомился недавно.

Шестопапов сидел за тем же столиком и выглядел так же, как вчера: крахмальная рубашка, подобранный в тон галстук, отлично сшитый костюм. Кофе был уже подан. Увидев Иванова, Шестопапов поднял руку. Подождал, пока Иванов усядется, улыбнулся:

— Я заказал кофе, вы не против?

— С удовольствием. Как, Алексей Петрович, вы посоветовались со своими друзьями?

— Посоветовался.

— И что же?

— Ну...— Шестопапов взял чашку. Пригубив кофе, оба посмотрели друг на друга. Со стороны этот взгляд наверняка выглядел мимолетным, ничего не значащим. Но оба сейчас, и Иванов, и Шестопапов, отлично поняли, что означает секундная пауза. Директор НИИ пытался понять, много ли успел узнать о нем Иванов. Иванов — определить, насколько откровенным решил быть с ним Шестопапов.

— Видите ли...— Достав сигарету, Шестопапов посмотрел на Иванова.— Видите ли, прошлый раз я вас обманул.

— Обманули?

— Да. Я закуря, вы не против?

— Пожалуйста.

Щелкнув зажигалкой, Шестопапов прикурил. Сделал несколько затяжек.

— Прошлый раз я сказал, что опасаясь за своих друзей. Может быть, этот убийца действительно придет к кому-то из моих знакомых. Не знаю. Но на самом деле я опасаясь только за одного человека.

— За кого же?

— За себя. Увы, Борис Эрнестович, только за себя. Я живу сейчас в состоянии панического страха. Понимаете? Панического. Последние дни я вообще не сижу у себя в кабинете. Приезжаю в НИИ, отдаю распоряжения и тут же уезжаю.

— Чем же это вызвано?

— Тем что сейчас моя очередь. Моя, вы понимаете?— Помедлив, Шестопапов аккуратно положил сигарету на край пепельницы. Поднял глаза:— Борис Эрнестович, вы случайно никогда не играли в покер?

По взгляду Шестопапова ясно: это признание. Кажется, Шестопапов действительно решился на полную откровенность.

— Почему же. Играл.

— Впрочем, вопрос задан неточно. Играть в покер мало, надо понимать, что это за игра.

— Надеюсь, я и это понимаю.

— Ну, если понимаете...— Шестопапов снова взял сигарету. Затянулся.— Если понимаете, то поймете, как много значит в покере чутье. Интуиция. Смею

надеяться, я играю в покер неплохо. Так вот, то, что сейчас моя очередь, я понял чутьем. Конечно, это можно было и высчитать. Но я понял чутьем.

— Объясните?

— Охотно. Видите ли, я любитель игры в карты. Вас это не шокирует? Как работника милиции?

— Если вы не нарушаете при этом закон — почему же. Не шокирует.

— Закона я не нарушаю. Наоборот, всегда стою за предельную честность. Что же касается карт... Думаю, вы слышали — есть так называемые спортивные карты? И знаете, что в нашей стране ежегодно проводится любительское первенство — скажем, по игре в вист? Собственно, для меня карты — разрядка. После довольно-таки тяжелой работы. Единственная в своем роде разрядка, отдых...— Шестопапов все-таки еще колеблется.— Вы, конечно, слышали о гостинице «Жемчуг» в Сочи? И знаете, что там собираются любители карточной игры?

Еще бы он не знал гостиницы «Жемчуг». Одна из лучших сочинских гостиниц с закрытым пляжем. В бархатный сезон, когда там собирается элита «лобовиков», попасть в «Жемчуг» практически невозможно. Места на это время года расписываются заранее. Впрочем, «лобовики» собираются в «Жемчуге» не только в бархатный сезон. Найти их там можно практически круглый год. Значит, теперь разговор действительно пошел начистоту.

— Знаю.

Шестопапов притушил сигарету.

— Для нас с вами не секрет, что в «Жемчуге» собираются не только любители? Не секрет, Борис Эрнестович?

— Вы правы. Не секрет.

— В таком случае, вам многое будет ясным. В «Жемчуге» есть и жучки, и шулера, так называемые «каталы». К сожалению. Есть просто уголовники — на мой взгляд. Так называемые «вышибалы». Ведь мы договорились быть откровенными? Так ведь?— Договорились. Я внимательно слушаю, Алексей Павлович.

Шестопапов отхлебнул кофе. Поставил чашку.

— Ну вот. Недавно, в конце января, я выехал в «Жемчуг» с двумя своими друзьями. На две недели, развеяться. Естественно, и поиграть. У нас это традиция, мы каждый год выезжаем в Сочи в это время. За честность, по крайней мере, за карточную честность каждого из этих людей я ручаюсь. Одного из них вы знаете, это Георгий Константинович Гарибов. Второго я знаю меньше, но тоже готов за него поручиться. Учитывая даже, что должность, которую он занимает, довольно... Как бы это сказать, — особая, что ли.

— Что же это за должность?

— Директор «Гастронома». Крупного московского «Гастронома». Фамилия его Палин. Палин Илья Егорович. Не знаю, как по работе, но по чисто человеческим качествам...— Шестопапов сделал паузу.— По чисто человеческим качествам Илья Егорович вне всяких подозрений. За это я ручаюсь.

Выверенная фраза. Похоже, «отсрочку» на сутки Шестопапов попросил именно из-за этого. Еще раз проверить, все ли чисто у Палина в магазине.

— И что же случилось за время этого путешествия?

— За время путешествия ничего. Случилось после. Мы вернулись в Москву одиннадцатого февраля.

Через четыре дня, пятнадцатого, к Палину на работу пришел этот выродок. И заставил, угрожая пистолетом, отдать двадцать тысяч рублей. Еще через пять дней, двадцать первого, этот же бандюга пришел к Гарибову. С тем же пистолетом. И так же потребовал двадцать тысяч. Георгий вынужден был подчиниться. Ужас в том, что Палин, когда его ограбили, ничего нам не сказал. Он думал, это никак не связано... с «Жемчугом». Когда же ограбили Георгия, все стало ясно. Теперь вы понимаете? Моя очередь. Я — последний.

Шестопалов снова закурил. Откинувшись на стуле, стал безразлично разглядывать вьющиеся в полутьме кольца дыма. Все, как по расписанию, подумал Иванов. Четырнадцатого был убит Садовников. Пятнадцатого «Кавказец» пришел к Палину. Угрожая пистолетом системы «Макаров». Двадцать первого «раздел» Гарибова. Если бы Палин сразу обратился в милицию... Даже не обязательно сразу... Хотя бы на третий день. Пусть даже на четвертый. И рассказал бы при этом про поездку в Сочи... Если бы Палин все это сделал, они могли бы задержать «Кавказца» уже двадцать первого. Прямо в «Автосервисе». Впрочем, рассчитывать на это смешно. Палин не рассказывал о происшедшем даже близким друзьям. Иванов вздохнул:

— Жаль, что сам Палин сразу не обратился в милицию. И вы не рассказали обо всем в прошлый раз.

— Палин придет к вам завтра. Сам. Он боялся за семью, поэтому и не сообщил сразу. Его можно понять. Как и меня.

Ясно — суточная «отсрочка» была взята Шестопаловым и для этого. Чтобы вместе с Палиным решить, как обезопасить директора «Гастронома» еще и от уголовной ответственности за укрывательство преступления. Словно угадав мысли Иванова, Шестопалов слабо улыбнулся:

— Я надеюсь, вы это учтете? Борис Эрнестович?

Вдруг, глядя на лицо директора НИИ, внешне спокойное, Иванов ощутил неприязнь. Можно поверить — Шестопалов действительно хорошо играет в покер. И еще в одно можно верить: каждый из этой тройки отлично устроил свою жизнь. Именно это отличное устройство жизни, написанное сейчас на лице Шестопалова, выводит его, Иванова, из себя. Сам он никогда бы вот так свою жизнь не устроил. Никогда. Они совершенно разные люди — с Шестопаловым. Да, другого чувства, кроме неприязни, у него сейчас просто не может быть. Хотя — даже чисто теоретически — он не знает, можно ли привлечь кого-то из этой тройки к уголовной ответственности. За что? За злоупотребление служебным положением? За принуждение к соавторству? Допустим, к соавторству, которое принесло Шестопалову несколько десятков, а может, сотен тысяч рублей? Мало ли... Нет. Даже если допустить, что Шестопалов, Гарибов или Палин и совершили какие-то противоправные действия, следов после этих действий они не оставили. Уж точно. Никаких. Тут же подумал: дурацкие рассуждения. Вообще, если уж на то пошло, раздражаться на кого-то только из-за того, что тот хорошо устроил свою жизнь, — глупо. Он, юрист, просто не имеет на это права. Видимо, все это как-то отразилось на его лице.

— Борис Эрнестович, надеюсь, это учтется? Мы ведь хотим помочь милиции. И потом, слабость Палина — ее ведь можно понять?

— Безусловно, это учтется. Вообще, Алексей Павлович, я должен поблагодарить вас — за то, что вы обратились ко мне. Как к представителю милиции.

Кажется, Шестопалов не заметил его переживания. Нервно улыбнулся:

— Ну что вы... Понимаете, тут даже не пахнет выполненным долгом. Просто... Просто я впал в панику. И все. Поверите — я сейчас со страхом думаю о моменте, когда вы уйдете. Я останусь один. И... И на каждом перекрестке мне будет мерещиться этот бандит. Что мне делать? Объясните?

— Не волнуйтесь. С вашей безопасностью мы что-нибудь придумаем.

— Спасибо... Но — вы понимаете меня?

— Понимаю.

Они замолчали. Казалось, сейчас в зале в такт тихой хрустальной музыке мерцают, переливаются разноцветные фонарики. Кафе притихло, голоса умолкли. В воздухе в этот момент существовало что-то совершенно отдельное, чуждое их разговору. Да, Иванов вдруг понял, как далеки они сейчас с Шестопаловым от всего этого «молодняка». От тех самых мальчиков и девочек, которые, сидя за своими столами, знать ничего не знают о «Кавказце». И не хотят знать. И правильно делают. Помедлив, он спросил:

— Алексей Павлович, может быть, это кто-то из тех самых сочинских «вышибал»? Которые обитают около «Жемчуга»?

Шестопалов занялся зажигалкой. Поставил, положил, перевернул.

— Понимаю, Борис Эрнестович. Думаете, он взыскавал с Палина и Гарибова карточные долги?

— Почему бы и нет?

— Неотданные карточные долги... — Казалось, директор НИИ сейчас вслушивается в тихо звучащую музыку. — Нет, исключено. Решительно исключено. Прежде всего долги у нас принято отдавать сразу. Потом, я знаю своих друзей. Палин и Гарибов прекрасно играют и редко проигрывают. Но уж если они кому-то проиграют, в должниках ходить никогда не будут. Гарантия. Отдадут сразу. Да и к чему им лишние беспокойства? Нет, Борис Эрнестович, все это бессмыслица. Никаких долгов у них не было.

— А у вас нет карточных долгов?

— Обижаете. У меня их просто быть не может. Физически.

Некоторое время оба молчали. Если грабил Палина и Гарибова действительно не «вышибала» — плохо. То, что начало было проясняться, снова уходит в пустоту. Шестопалов помешал ложечкой остатки кофе.

— Оба, Палин и Гарибов, сказали мне, что их ограбили. Грабил их один и тот же человек, неизвестный им. Ни с какого бока неизвестный. Понимаете?

— Ваши друзья могли вас обмануть.

— Если бы они хотели меня обмануть, неужели бы я это не понял? Достаточно любому из них шевельнуть бровями, и я уже знаю, что он имеет в виду. Нет, они говорили правду. Никаких долгов у них не было. Просто это... какой-то беспредельщик.

Значение слова «беспредельщик» Иванов понял отлично. Человек, не признающий никаких законов.

В общем, это согласовывалось с его первоначальной точкой зрения. Шестопалов пригубил кофе:

— Ясно только одно: зацепил этот беспредельщик нас в «Жемчуге». Я это знаю точно. Я ведь не выгляжу неопытным юношей? Не правда ли? — Шестопалов на секунду поднял глаза.

— Действительно, не выглядите.

— Человек в моем возрасте всегда понимает, где мог произойти... будем говорить так — прокол. — Директор НИИ замолчал, явно подбирая выражения. — В «Жемчуг» мы поехали расслабившись. Много говорили. Мне казалось — никто из посторонних услышать этого не мог. Но, видимо, все-таки кто-то нас услышал.

— О чем вы говорили?

— О многом. В том числе и о своих денежных делах. В частности о том, что у каждого из нас есть сейчас «свободные деньги». Единственное, что нас извиняет, — все мы были в крупном выигрыше. Но вообще, глупость — говорить о каких-то «свободных деньгах». Дурацкий, ребяческий разговор... Впрочем, что теперь сожалеть — задним числом. Да и вообще, в этот раз в «Жемчуге» нас окружала какая-то легкомысленная атмосфера. Но ничего конкретного, понимаете, конкретного я вспомнить не могу. Человека с внешностью этого бандюги ни рядом с нами, ни вообще в «Жемчуге» не было. Но я знаю, что все тянется оттуда. Знаю. Этот бандит пронюхал что-то про нас. Ну и — взялся за дело. Двое «обработаны», остался третий. Я. И вопрос будет закрыт.

Если уж быть дотошным, то до конца. Подумав об этом, Иванов спросил:

— Может быть, именно вас он трогать уже не решится?

— Это почему?

— Понимая, что Палин и Гарибов могли вас предупредить.

Шестопалов положил зажигалку.

— Получается, как у страуса: прячь голову в песок. Здесь не тот случай.

— Почему?

— Во-первых, это смертник. Решившийся идти до конца. Терять ему нечего. А потом — он абсолютно убежден, что ни Палин, ни Гарибов меня не предупредят. Да и в самом деле — когда он пришел к Гарибову, тот ведь ничего не знал. И я бы ничего не узнал, если бы не чутье. Когда Георгий двадцать первого приехал ко мне, на нем лица не было. Но о том, что его только что ограбили, он не сказал. Только предупредил: «Леша, будь осторожней». Хорошо, вечером я догадался позвонить Светлане. Ну, а потом, когда встретился и с Палиным, все стало ясно.

Они снова замолчали. Похоже, Шестопалов прав, «Кавказец» убежден, что все ограбленные им будут молчать. Уж во всяком случае, не заявят в милицию. Расчет на полную безнаказанность. Но если допустить, что «Кавказец» действительно не «вышибала», откуда же он тогда взялся? Из Сочи? И как-то связан с гостиницей «Жемчуг»? Непонятно.

— Алексей Петрович, еще раз спасибо за открытый разговор. Что касается вашей безопасности — не беспокойтесь. Во всех подозрительных случаях сразу же звоните мне. Вот еще телефон дежурного, если не застанете меня. В случае чего, вам достаточно будет просто позвонить, указав свое местонахождение. Об остальном позаботимся мы.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Директор «Гастронома» № 26 Илья Егорович Палин действительно утром пришел к Иванову на работу. Он позвонил снизу, из бюро пропусков, и через некоторое время уже сидел в кабинете. Грузноватый, с носом картошкой и маленькими глазками, Палин выглядел не так подтянуто, как Гарибов и Шестопалов. Одет он тоже был попроще. Рассказ Палина ничего не добавил к тому, что Иванов уже знал. По словам потерпевшего, утром 15 февраля в его кабинет, расположенный на первом этаже магазина, вошел высокий молодой человек, одетый в оранжевую куртку «аласка». Описание молодого человека, данное Палиным, в целом соответствовало уже известным описаниям «Кавказца» и «племянника». Угрожая пистолетом системы «Макаров», молодой человек потребовал немедленно отдать ему двадцать тысяч рублей. По словам Палина, во внешнем облике молодого человека было что-то особенно его испугавшее. Как выразился директор «Гастронома», он буквально потерял голову от страха и мало что понимал. В состоянии шока Палин предложил грабителю восемь тысяч рублей государственных денег, находившихся в тот момент в его сейфе. Грабитель, взяв восемь тысяч, заявил, что оставшиеся двенадцать потребует все равно. Не в этот раз, так позже. Но угрожать в таком случае он будет уже не только Палину, но и его семье — жене и двенадцатилетней дочери. Если же Палин снимет сейчас эти двенадцать тысяч со своего счета в сберкассе и передаст ему, он гарантирует, что никогда больше к нему не придет. Подумав, Палин с этим требованием согласился. Вместе с молодым человеком на машине Палина они подъехали к сберкассе. Сняв с аккредитива двенадцать тысяч рублей, Палин в соседнем подъезде передал их вымогателю, все еще находясь в состоянии шока. Сложив деньги в сумку, грабитель исчез. Опасаясь за жизнь жены и дочери, Палин решил о случившемся никому не говорить. Сняв со своего счета еще восемь тысяч, он вернулся в магазин и положил деньги в сейф. По утверждению Палина, человека, приходившего к нему с пистолетом, он раньше не видел никогда. Все сообщенное Шестопаловым о поездке в Сочи и пребывании в гостинице «Жемчуг» было Палиным полностью подтверждено. Никаких людей, хотя бы отдаленно напоминавших грабителя, и вообще ничего подозрительного во время поездки и пребывания в Сочи Палин не заметил.

После ухода Палина Иванов попробовал подвести некоторые итоги. Кажется все-таки, Шестопалов прав. Во всяком случае, предположение Шестопалова, что кто-то слышал ведущиеся втайне от всех разговоры тройки в «Жемчуге», выглядит очень близким к истине. В обоих случаях «Кавказец» действовал так, как мог действовать только очень хорошо осведомленный преступник. Знающий все о своих жертвах — от их личной жизни до кредитоспособности. На какое-то мгновение у Иванова даже мелькнуло подозрение — может быть, оба нападения инсценировал и организовывал сам Шестопалов? Все-таки, подумав, он это подозрение отбросил. Шестопалову, жизнь которого сейчас отлично налажена, не имело никакого смысла вступать на скользкий путь явной уголовщины. Даже если допустить, что директору НИИ вдруг срочно понадобились большие деньги, вряд ли он пошел бы на столь отчаянный риск. Тем бо-

лее — не стал бы связываться с убийством работника милиции. Нет, «Кавказец» наверняка действует самостоятельно. Похоже, Шестопалов прав, это действительно «беспредельщик». Уголовник-рецидивист, решившийся на все и получивший непонятно каким образом подробную информацию о Палине, Гарибове и Шестопалове. И действующий сейчас в соответствии с этой информацией. Впрочем, может быть, это «новичок». Иванов совсем не исключал, что «Кавказец» мог раньше к уголовной ответственности не привлекаться. Если так, похоже, именно полученная в «Жемчуге» информация о трех «состоятельных» людях могла заставить «Кавказца» разработать план, который он сейчас приводит в исполнение. Тройка выехала из Сочи в Москву 11 февраля. «Кавказец», имевший к этому времени подробные сведения о каждом, выехал следом. Он хорошо понимал, чтобы заставить отдать двадцать тысяч рублей таких людей, как Палин или Гарибов, доводы нужны очень серьезные. Лучшим доводом могло быть только оружие. Это оружие он добыл 14 февраля, убив на Ленинских горах Садовникова. По крайней мере, по датам все совпадает. Взвесив все еще раз, Иванов понял: именно сейчас необходимо его присутствие в Сочи. В гостинице «Жемчуг». Необходимо хотя бы для того, чтобы просто осмотреться. Понять, кто и где мог получить столь подробную информацию о Палине и Гарибове. Приехать он может, скажем, под видом того же «любовика». Мысленно он «проиграл» этот вариант несколько раз. Из Тбилиси в Москву он переехал пять лет назад. В Тбилиси его хорошо знали, но знали главным образом жители Авлабара. Крупных «любовиков», да еще выбирающих местом игры Сочи, насколько он помнит, в Авлабаре никогда не водилось. Что же касается «любовиков» московских, здесь его просто никто не знает. Исключая, естественно, Шестопалова, Гарибова и Палина.

Со всем этим он пошел к генералу. Выслушав, шеф некоторое время делал вид, что рассматривает на свет кончик ручки. Возражения, которые могли бы найтись у генерала, Иванов примерно представлял. Поэтому, после того как ручка наконец легла на стол, продолжал терпеливо ждать. Генерал вздохнул:

— Вы сами когда-нибудь играли в карты?

— Обижаете, Иван Калистратович. Я из Тбилиси. И не просто из Тбилиси, а из района Авлабара. Играл с детства во все игры.

— Понятно, что из Тбилиси. Но насколько я понимаю, в «Жемчуге» собираются акулы. Даже не акулы — киты. Допустим, сыграть на их уровне вы сможете. Но что будет, если вы проиграете? Вы ведь знаете, какие суммы там проигрываются?

— Понимаю, что вы хотите сказать. Никакое ФПУ мне таких сумм не выделит, это ясно. Ответ на это один: я не должен проигрывать. Думаю, со своей квалификацией я все же потяну. А поехать туда я должен. Согласитесь — информация идет оттуда.

— Оттуда, — согласился шеф.

— Причем — я поеду не один. А с двумя партнерами. Играющими гораздо лучше меня.

— Даже с двумя?

— С двумя, Иван Калистратович. Так будет лучше.

— Интересно. Кто же эти партнеры?

— Один — Шестопалов.

— Шестопалов... — генерал помолчал. — Что ж, это вариант. А второй?

— Второго называть пока не буду. Должен с ним поговорить.

— Тоже... посторонний?

— Да, в МВД он не работает. Но думаю, этот человек меня не подведет.

— Надеюсь, в конце концов, о нем доложите?

— Конечно, Иван Калистратович.

К концу рабочего дня Иванов заехал к Прохорову. Следователю он рассказал все, что удалось узнать за вчерашний вечер и сегодняшний день — от встречи с Шестопаловым до разговора с генералом. Идею выехать в Сочи с двумя хорошо играющими партнерами Прохоров одобрил.

РАЗГОВОР С ДРУГОМ

Закончив дела с Прохоровым и выйдя из подъезда следственной части, Иванов сел в «Ниву». Подумал друг: нет, он все-таки не пришел еще к определенному решению. И не знает, имеет ли право предложить поехать с ним в «Жемчуг» под видом «любовика» Ираклию Кутателадзе. Хотя вроде бы со всех сторон Ираклий — идеальный партнер именно для такой поездки.

Он вдруг поймал себя на том, что непрерывно повторяет эти два слова — «идеальный партнер», — проезжая светофоры. Хотя лучше всего здесь подойдет другое слово: приманка. Ираклий, выехавший под видом «любовика» в «Жемчуг» и затем вернувшийся в Москву, станет идеальной приманкой для «Кавказца». Директор мясокомбината. С грузинской фамилией. Любящий муж и отец. Хорошо — только не нужно перегибать палку. Любящий муж и отец — ну и что? Проплыло: они с шефом разработают двойную систему подстраховки. Манану с Дато можно будет временно переправить на другую квартиру. Безопасность будет абсолютной. А «Кавказец» клюнет. Клюнет и — они его возьмут. Снимут без единого выстрела. С Мананой же и Дато ничего не случится. Он, Иванов, позаботится об этом лично. Ведь случай-то особый. Совершенно особый. Усмехнулся. Нет. Все-таки он, Иванов, не имеет на это права. Не имеет. И все же, проехав немного и свернув на Ленинградский проспект, Иванов понял: его снова начинают грызть сомнения. Да, Ираклий особый человек. Но ведь и случай совершенно особый. Именно тот, единственный в жизни, когда можно пойти на это. Если он, Борис Иванов, действительно хочет успеха. Ираклию он доверяет, как самому себе. Ираклий понимает его не просто с полуслова — с полувзгляда. У Ираклия феноменальные шахматно-математические способности. Но главное — уникальная зрительная память. И связанное с ней абсолютное понимание всех карточных игр. Шахматы, конечно, Ираклий давно оставил, сейчас он наверняка не сыграет даже в силу мастера. Но карты — другое дело. Карты вспомнить гораздо легче. Что же касается карточных «рубашек» и их запоминания — насколько Иванов помнит, в юности Кутателадзе ухитрялся запоминать всю колоду после третьей, иногда даже после второй сдачи. Если у Ираклия осталась хотя бы половина этих способностей, он окажется намного сильнее даже таких игроков, как Гарибов и Шестопалов.

Именно с этими мыслями он остановил машину

у дома Кутателадзе. Поднялся на третий этаж, позвонил. Но когда увидел Ираклия, а затем Манану и Дато, понял — сказать о своем предложении он просто не сможет. Дальше все было, как обычно. Он поцеловался с Ираклием, махнул рукой Дато, выдержал объятия Мананы. После ужина на кухне Манана, как обычно, ушла. Они довольно долго молча пили чай. Наконец, Ираклий оставил чашку. Сказал тихо:

— Боря, хватит. Говори, с чем пришел. Ну? Говори, я же не слепой.

Собственно, этого следовало ожидать. Скрыть что-то от Ираклия, впрочем, как и Ираклию от него, Иванову никогда не удавалось. Помедлив, он рассказал все — об убийстве Садовникова до собственного решения поехать под видом «любовика» в «Жемчуг». Ираклий долго бесцельно помешивал чай ложечкой. Наконец посмотрел на Иванова:

— Боря, ты ведь не все сказал. Ты забыл объяснить, зачем со всем этим пришел ко мне? При чем тут я? Я правильно понял? Боря?

— Правильно. — При ответе Иванову пришлось отвести глаза. — Понимаешь, Ираклий, мне пришла в голову дурацкая, idiotская мысль. Мне показалось, будет неплохо, если со мной в «Жемчуг» поедешь ты. Под видом «любовика». Но теперь я понимаю — мысль была глупой. Поэтому все отменяется.

— Собственно, почему отменяется?

— По очень простой причине. После поездки в «Жемчуг» ты станешь приманкой. Но не только ты. Приманкой станут еще Манана и Дато.

Ираклий подошел к окну. Сказал, не оборачиваясь:

— Ну, во-первых, мы всегда являемся приманкой. Таков философский закон жизни. Потом — Манану и Дато можно на время куда-то отправить. Пока вы не арестуете... этого. Вы как-то его называете?

— Называем. «Кавказец».

— «Кавказец». Любопытное название. Слушай. У него осталась семья? У Садовникова?

— Осталась. Жена и двое детей.

— Жена и двое детей... — Вернувшись, Ираклий сел за стол. Посмотрел на Иванова. — Боря, а ведь знаешь — я с тобой поеду. Это точно.

— Нет, Ираклий. Ты со мной не поедешь. И — прости меня. Как друг, прости — за то, что я вообще сегодня пришел к тебе.

ГОСТИНИЦА «ЖЕМЧУГ»

Минут через двадцать после резкого набора высоты Иванов почувствовал: оглушительный гул двигателей стал тише. Вскоре выровнялся и наклон самолета. Покосился на сидящего в соседнем кресле Шестопалова. Тот читает газету; вот, поймав его взгляд, улыбнулся, поднял брови: «Что?» После того как Иванов сделал знак: «Ничего», — директор НИИ снова углубился в изучение спортивных новостей. Если в полете ничего не случится, через два часа они приземлятся в Адлере. И вскоре займут забронированные Шестопаловым два номера «полулюкс» на пятом этаже гостиницы «Жемчуг». С окнами на море.

После памятного разговора с Ираклием прошло пять дней. Для Иванова это были дни напряженной работы. Выбор он сделал в тот же вечер — выйдя из квартиры Ираклия и сев в машину. По пути от Ирак-

лия она оформилась окончательно. Для того чтобы «Кавказец» клюнул, нужна приманка. Для поимки крупной дичи всегда лучше, чтобы приманок было больше. Пока из приманок у них есть только одна — Шестопалов. Причем приманка не очень надежная, если Иванов прав и «Кавказец» из осторожности решит оставить последнего из тройки в покое. Но в таком случае почему он, Иванов, остальные приманки должен искать на стороне? Почему бы ему самому не стать приманкой? В полном смысле этого слова? И не выманить «Кавказца» на себя?

В тот вечер, подыхав к дому, Иванов в этой мысли утвердился окончательно. Решено — в «Жемчуг» они выедут вдвоем с Шестопаловым. Третий не нужен. Наоборот, третий может помешать осуществлению замысла. Здесь же, в Москве, надо будет провести некоторую подготовку. Иванов примерно представлял себе «образ», который мог бы заинтересовать «Кавказца» — применительно к его, Иванова, внешности. Скажем, Иванов мог стать человеком, занимающим небольшую, но «денежную» должность. Естественно, любящим крупную игру. И, конечно, хорошим семьянином. Детей сюда можно не приплетать. Но почему бы с завтрашнего дня в квартире Иванова не появиться приятному женскому голосу? Отвечающему на телефонные звонки?

Шестопалов, конечно, в эти подробности посвящен не был. Он знал лишь, что полетит вместе с Ивановым в Сочи и будет выдавать его там за своего приятеля. В Москве помощь Шестопалова выразилась в знакомстве с серьезными «любовиками» и в организации нескольких пробных игр. И вот сейчас Иванов, ставший заведующим Краснопресненским межрайонным пунктом сбора стеклотары Багратом Элизбаровичем Чубиевым, летит в Сочи, чтобы вместе с приятелем провести короткий весенний отпуск в уютной гостинице.

В адлерском аэропорту они приземлились благополучно. Дождавшись, пока объявят выход из секции, Иванов взял оставленную на стеллажах небольшую кожаную сумку и вместе с Шестопаловым спустился по трапу.

Площадь перед адлерским аэропортом, постоянно забитую машинами и людьми, Иванов хорошо знал, знал и то, что вытянувшиеся в ряд свободные такси в большинстве своем поедут только по определенному маршруту и возьмут далеко не каждого. Тем не менее Шестопалов, оглядев опытным взглядом вставшие в очередь такси, кивнул на ближнюю машину:

— По-моему, эта нам подойдет. Садимся?

Уверенность Шестопалова, как вскоре выяснилось, строилась на хорошем знании местных обычаев. Как только они без всякого приглашения устроились на заднем сиденье, водитель, услышав «В «Жемчуг»...», молча кивнул. Примерно через полчаса они уже стояли перед стойкой администратора в гостинице «Жемчуг». Еще минут через двадцать Иванов, бросив на диван куртку и плащ, оценил огромные габариты кресла в своем номере. Некоторое время он сидел, рассматривая синее море за окном.

Впрочем, долго любоваться морем ему не пришлось. Раздался стук в дверь, вошел Шестопалов. Усевшись напротив, закурил, испросив разрешения взглядом.

— Понимаю, вам хочется отдохнуть, посмотреть на море. — Сделав несколько затяжек, вздохнул. —

Мне тоже. Но если мы хотим, чтобы все шло по плану, отдыхать некогда. Во-первых, я уже договорился, вечером у нас игра.

— С кем?

— Кроме нас будет еще двое. Оба — мои хорошие знакомые, ленинградец и киевлянин. Учтите, это люди очень серьезные. Шутить не любят. Расслабляться с ними нельзя.

— Постараюсь не расслабляться.

— Во-вторых, если хотите держать марку, нам надо идти. Прямо сейчас. Сначала в бассейн и сауну, потом обедать. Все уже подготовлено и заказано. — Заметив колебания Иванова, добавил: — Кстати, в сауне могут быть еще... интересные знакомства.

Иванов вместе с Шестопаловым спустился в сауну. Пока Шестопалов договаривался с невысоким пожилым банщиком, он быстро разделся и прошел в парную. Усевшись на деревянном полке и чувствуя, как тело распаривается в стоградусном мареве и пот начинает заливать глаза, заметил рядом еще три фигуры. Вошедший Шестопалов познакомил его с сидящими рядом любителями пара. Двое оказались научными работниками, третий — тренером по теннису. Разговор сначала шел вяло, но после нескольких выходов в бассейн и рассказанных Шестопаловым анекдотов обстановка разрядилась. По крайней мере, перед уходом, когда все пятеро, завернувшись в простыни, пили в предбаннике настоенный на травах чай, Иванову показалось, что он в компанию принят. Так или иначе, теперь все называли его «Баграт». Сам он также получил привилегию называть каждого из новых знакомых по имени.

Вернувшись в номер, Иванов дождался Шестопалова. Теперь он убедился: тот ничего зря не делает. Вдвоем они спустились в ресторан. Усевшись за столик на четверых, Шестопалов сделал вид, что изучает меню, хотя ясно было — заказ у него давно готов.

— Понимаете, Баграт Элизбарович... Тут такое дело... Только поймите меня правильно. Я примерный семьянин и вообще... Человек далеко не легкомысленный. Но если вы хотите, чтобы мы выглядели теми, за кого себя выдаем, надо, чтобы за нашим столиком находилось приятное женское общество. Причем совсем не обязательно потом... Ну, вы меня понимаете. Переходить какие-то границы. Но девушки за столиком нужны. Уж поверьте.

— Понимаю. Расслабляет партнеров?

— В какой-то степени и это. Но главное — это некий знак. Указывающий, что мы серьезные люди. Именно серьезные. Думаю, вы это должны знать. Я угадал?

— Что, девушки у вас уже приготовлены?

— Ну... — Шестопалов усмехнулся. — Я буду через пять минут.

Он ушел и вскоре вернулся с двумя довольно милыми девушками, которых представлял как Риту и Алису. Каждой из них можно было дать от двадцати до двадцати трех лет. В разговоре выяснилось, что обе живут в Сочи и заканчивают музыкальное училище. Более общительной и смешливой оказалась Рита, блондинка с курносой веснушчатой носом и большими серыми глазами. В отличие от нее коротко стриженная темноволосая Алиса вступала в беседу лишь изредка. Хотя Алиса была близорука и носила очки с большой диоптрией, она явно была лидером в этой паре. Судя по поведению и по от-

дельным репликам, действительно нельзя было предположить, что девушки привыкли «легко переходить границы». Иванов даже мог поверить, что обе часто ходят сюда лишь потому, что здесь неплохо кормят. Что же касается распространения о нем сведений, могущих привлечь «Кавказца», знакомство было неоченимым. Если «Кавказец» действительно крутится где-то около «Жемчуга», он может попытаться что-то выяснить о новом «друге» Шестопалова. Когда Рита простоудушно намекнула, что она с подругой не прочь продолжить знакомство и, может быть, даже сходить один раз с новыми знакомыми на танцы, Иванов, поймав вопросительный взгляд Шестопалова, сказал, отхлебнув кофе:

— А что. Очень даже возможный вариант. Но только...

— Да, — подхватил Шестопалов. — Только не сегодня. У нас важный разговор с Москвой.

Ночью, засыпая в номере после «серьезной игры», в которой Шестопалов крупно выиграл, Иванов подвел итоги дня. Пока все как надо. Он остался «в нуле». Но только с точки зрения денег. В остальном он выиграл. Наиболее значимые постояльцы «Жемчуга» узнали многое о своем новом знакомом, москвиче Баграте Чубиеве. Он богат, любит играть только по-крупному, недавно женился и боготворит молодую жену. Визитную карточку, в которой Иванов был обозначен «Старшим товароведом Управления торговли Краснопресненского райисполкома г. Москвы», он незаметно сунул Рите. Рита, он был в этом абсолютно уверен, наверняка уже сегодня успела показать карточку «товароведа из Москвы» многим приятельницам. Может быть, и приятелям.

ВСТРЕЧА

Утром, проснувшись, Иванов ощутил непривычную тяжесть в голове. Посмотрел на часы — восемь. За окном светает. Откуда же тяжесть... В Москве он привык вставать в половине седьмого. Ну да — вчерашняя игра. «Пуля со скачками», которую они расписали на четверых, закончилась поздно ночью. С полчаса он не мог заснуть, возбужденный игрой.

Откинул одеяло. Вспомнил — здесь есть бассейн. Взял полотенце, спустился вниз. На контроле перед входом в бассейн дежурил все тот же невысокий банщик. Узнав его, кивнул: проходите.

Нырнув, начал отмерять брассом дорожку за дорожкой. Несмотря на ранний час, купающихся в бассейне было довольно много. По его дорожке плавали две дамы в колпаках для волос, соседние дорожки тоже не пустовали. Примерно на двадцатом повороте, он, наконец, почувствовал в голове привычную ясность. Продолжая плыть, стал автоматически перебирать всех, кого встретил вчера. «Лобовиков», окружавших их людей, официантов. Остальных работников гостиницы. Посетителей ресторана, просто случайных встречных. Среди этого круговорота постепенно выделилось несколько лиц. Тех, кого он мог бы заподозрить. Вообще, не его дело, ломать сейчас над этим голову. Всеми подозрительными лицами в «Жемчуге» и около него давно уже занимаются сочинцы. Он может не беспокоиться и о другом. А именно — о каналах ухода информации, о сауне и посетительницах ресторана. Этим тоже займутся сочинцы. Он же должен просто продолжать гнуть свою линию. Как

можно больше людей должны узнать, кто он. Узнать его адреса и телефоны — как домашний, так и рабочий. Узнать, что он только что женился. Узнать, наконец, что ему некуда девать деньги. Деньги... В этом смысле для полной гарантии было бы неплохо, чтобы в «Жемчуге» у него состоялось несколько крупных выигрышей. Вчерашняя игра была скорей проверкой. В дальнейшем Шестопалов обещал позаботиться о нужном подборе партнеров.

Выйдя из воды, он принял душ, насухо растерся полотенцем. Натянул костюм, поднялся по витой лесенке на смотровую площадку. Оперся о перила, разглядывая разноцветное море. Сзади кто-то кашлянул. Повернул голову и — увидел Ираклия.

Ираклий был примерно в таком же, как у него, спортивном костюме, и наверняка тоже только что искупался — волосы были мокрыми. Встретившись с Ивановым взглядом, Ираклий улыбнулся:

— Боря, извини, но... я вот приехал. Я понимаю, ты очень сердисься. Но клянусь, мой приезд ничему не помешает. Ничему.

Иванову смысл этих слов можно было не объяснять. Ясно — Ираклий приехал сюда по собственной инициативе. Конечно же — с целью помочь ему, Иванову, поймать «Кавказца». Не понимая, что теперь, когда все изменилось, и главное, изменилась установка, он может только помешать. Впрочем, теперь рассуждать об этом бессмысленно. Да и все это было бы не страшно, если бы не одно обстоятельство: Манана и Дато. Стараясь подавить внезапно вспыхнувшее раздражение, Иванов сказал тихо:

— Ты... давно здесь?

— Третий день. Считаю сегодняшний. И... не волнуйся. Нас никто не слышит. И вообще, до нас никому нет дела.

Иванов вдруг почувствовал: раздражение пропало. Осталась только благодарность. Пусть Ираклий не согласовал все это с ним. Он, Иванов, знает, зачем Ираклий это сделал. Только потому, что понял: ему, Борису Иванову, это нужно. Других причин не было. Ираклий усмехнулся:

— Понимаешь, Боря... Может, я действительно зря сюда приехал. И в чем-то тебя подведу. Но когда ты ушел от меня, в тот раз... Я ведь все понял. И понял, что тебе легче было повернуться и уехать. Чем продолжать просить меня. Но я-то знаю, ты зря не придешь. Все. Что-то еще нужно объяснять?

— Не нужно — Иванов некоторое время рассматривал море, чтобы продумать все еще раз. — Ты как меня заметил? Случайно?

— Сейчас случайно. Но о том, что ты здесь, я знал еще вчера. Кроме того, я знаю, что ты — Баграт Элизбарович Чубиев.

— Откуда?

— Я все-таки из Тбилиси. И знаю, что у «лобовика» должна быть девушка. Не волнуйся, моя совесть перед Мананой чиста. Но девушку я завел в первый же день. Ну и вчера ее подруга показала мне визитную карточку. С твоим домашним телефоном.

— Эту подругу зовут Рита?

— Совершенно верно. Рита.

— А твою девушку — Алиса?

— Юля. Но Алиса — из их компании. Извини, вчера я был вынужден повести их в ресторан.

— Понятно. Прости за нескромный вопрос — откуда у тебя деньги?

На секунду их взгляды встретились. Иванов отлично знал: Ираклий, особенно в последние годы, став директором мясокombината, не бедствует. Но при этом его никак нельзя назвать человеком с лишними деньгами. Конечно, двух зарплат, его и Мананы, на жизнь вполне хватает. И на то, чтобы регулярно посылать деньги родителям. В последние три года Ираклий стал откладывать деньги на машину. Но не более того. Все это наверняка отразилось сейчас в глазах Иванова. Так или иначе, Ираклий усмехнулся:

— В каком смысле понимать вопрос?

— Вопрос надо понимать в смысле очень обыденном. Для того чтобы приехать сюда и устроиться, нужна приличная сумма. Состояние твоих денежных дел я примерно знаю. Вот и все.

— Неужели я не нашел бы денег, чтобы приехать сюда и устроиться?

— Допустим. Но для остального? Для игры? Или для того, чтобы повести трех девушек в ресторан?

— Боря, хочешь, я тебе займу? Сколько тебе нужно? Десять тысяч? Двадцать? Тридцать? Впрочем, тридцати, наверное, у меня не наберется. Но тычонок десять могу подкинуть. Честное слово. Причем — без отдачи.

— Выиграл?

— Угадал. Причем в глупейшую игру. В «секу». Я и не знал, что деньги могут доставаться так легко. На каждой сдаче — сто рублей. Расплата наличными. Правда, играть заставляют почти все время. Передышки делаются только на обед и на ужин. Зато теперь я могу заплатить за все. В том числе за ужин с тремя девушками.

Услышав, как за ними спускается после завтрака вниз шумная компания, Ираклий замолчал. Как только смех и разговоры стихли, сказал:

— Учти, Боря, я все понимаю. И знаю, как все это делается. Деньги, которые я здесь выиграю, отдам государству — все до копейки. Если ты волнуешься за Манану и Дато, не волнуйся. За день до моего отъезда они уже жили на другой квартире. У знакомых, которые уехали в командировку.

— Как ты это объяснил Манане и Дато?

— Сказал, что задумал длительный ремонт. Правильно? Насколько я понял, я должен стать приманкой для вашего... «Кавказца»? Что для этого нужно делать?

Иванов медлил. Вообще-то, если действовать правильно, — приезд Ираклия мало что изменит. Надо только скрыть от остальных, что они с Ираклием знакомы.

— Вот что... Для всех здесь — мы с тобой раньше друг друга не знали. Это обязательное условие. Запомнишь?

— Постараюсь.

— Второе — со мной приехал один человек. Некий Шестопалов Алексей Павлович.

— Я его видел. Ваш сотрудник?

— В том-то и дело — нет. Он тоже ничего не должен знать.

— Не должен — не узнает.

— Но желательно, чтобы вы с ним познакомились. Естественно, без моего участия. Тогда мы могли бы встречаться ежедневно. Понял?

— Значит, сегодня же я с ним познакомлюсь. Вообще — кто он?

— Директор НИИ «Дорстрой». Настоящий лоб-

вик. Ну и... в какой-то степени помощник. Но тебя это не должно касаться.

— Не должно — значит, не коснется.

ЗНАКОМСТВО

Сославшись на сонливость, Иванов оставил Шестопалова в холле и пошел на пляж. Здесь, раздевшись и устроившись на лежаке, сделал вид, что дремлет. Но, конечно же, он хорошо видел все, что происходит вокруг.

Примерно через час у лестницы, ведущей с террасы на пляж, появились Ираклий и Шестопалов. Отвернувшись, Иванов выждал минут пять — и незаметно осмотрелся. Оба лежат поблизости. Отлично. Посмотрев в их сторону чуть позже, увидел — Шестопалов тасует колоду.

В карты Ираклий и Шестопалов играли до самого обеда. Перед обедом Иванов задремал было по-настоящему, но его разбудил легкий кашель. Открыл глаза — рядом на корточках сидит Шестопалов.

— БаграТ Элизбарович, видите человека за моей спиной? На лежаке, в синих плавках?

— Вижу. Кто это?

— Некто Кутателадзе, директор московского мясокомбината. Не против, если я вам его представлю?

— Совсем не против.

— Думаю, этот Кутателадзе нам не помешает. Человек он довольно милый. К тому же денежный.

— Что ж, давайте — если денежный.

По знаку Шестопалова Ираклий подсел ближе — и «знакомство» состоялось.

ЗАПИСКА ПОД ДВЕРЬЮ

Следующие три дня Иванов, Ираклий и Шестопалов провели вместе. В основном их сутки разделялись на игру, начинавшуюся, как правило, к ночи, и на все остальное. То есть на отдых, сон и еду. Так уж сложилось, что немалую часть «остального» занимало посещение ресторана с Юлией, Алисой и Ритой.

Каждый, кто хотел бы узнать всю подноготную о «БаграТ Элизбаровиче», наверняка всю эту подноготную уже знал. Кроме того, по «Жемчугу» гуляло несколько визитных карточек «Чубиева».

На четвертый день, с трудом открыв глаза в четверть второго, Иванов подумал: может быть, хватит? Задача, которую он себе поставил, выполнена.

Вскочив, принял душ. Оделся, подошел к двери, взялся за ручку, но почти тут же пришлось нагнуться. Поднял лежащий под дверью бумажный квадратик, развернул: «Уважаемый Б. Э! Вас срочно просил позвонить в Москву Леонид Георгиевич».

Леонид Георгиевич... То есть Прохоров. Значит, записка — сигнал сочинцев.

Спустившись в холл, зашел в будку телефона-автомата. Набрал номер Прохорова; через секунду в трубке щелкнуло:

— Слушает Прохоров.

— Леня, это Борис. Я в Сочи. Что — какие-то новости?

— Еще минут двадцать, и я бы уехал во Внуково. Вчера позвонили из Гудауты. «Кудюм» там.

— Вот те на... Ну и — как он себя чувствует?

— Вроде — в спокойном состоянии. Гудаутцы взяли у него паспорт, якобы для проверки. Так что деться ему некуда. Короче, у меня уже билет на самолет, я вылетаю. Ну и... хотел бы тебя увидеть.

— Ты летишь до Адлера?

— До Адлера. Рейс десять — пятьдесят два.

— Отлично. Давай так: в адлерском аэропорту тебя встретят. А я сяду в машину через чуть позже. Скажем, у Гантиади.

Ираклию и Шестопалову Иванов объявил, что срочно вылетает в Москву. Потом по телефону-автомату позвонил в сочинское УВД и попросил дежурного выслать машину для встречи Прохорова. Предупредил: вместе с Прохоровым эта машина должна подождать его в Гантиади.

Через три часа он уже сидел рядом с Прохоровым в синей «Волге», направляясь в Гудауту.

ГУДАУТА

В Гудауту они приехали около восьми вечера. Здравомысленно рассудив, что разговор с Нижарадзе-Кудюмом лучше отложить до утра, остаток дня оба решили посвятить уточнению связанных с Кудюмом обстоятельств. Только выяснив их, можно было выработать тактику завтрашнего допроса.

Ожидавший их начальник Гудаутского отделения внутренних дел молодой майор, хоть и был готов к разговору, ничего нового о Кудюме сообщить не смог. По его сведениям, Кудюм, вернувшийся после отбытия наказания к семье в Гудауту, бывал здесь крайне редко. На все вопросы участкового Кудюм всегда отвечал одно: ездил к родственникам. Родственники у него были — в Тбилиси, Пицунде и Лазаревском. Но где в действительности бывал во время своих отлучек Кудюм, пока не установлено. Выдвинутая было версия, что на «гастроли» Кудюм выезжает в Псковскую и Новгородскую области, в дальнейшем не подтвердилась. Что касается паспорта — Кудюм твердо уверял всех в Гудаутском ОВД, от участкового до начальника отделения, что действительно потерял паспорт в поезде. То же самое он сказал и вчера, когда паспорт у него под видом проверки был изъят. Вообще же, по словам начальника ОВД, этим фактом, изъятием у него паспорта, Нижарадзе-Кудюм остался крайне недоволен. Он уверял, что ему опять якобы нужно ехать к родственникам, сначала в Тбилиси, потом в Пицунду. Поэтому сейчас он наверняка с нетерпением ждет, когда ему вернут паспорт.

Обсудив все это еще раз перед сном в комнате для приезжих, оба решили: конечно, было бы хорошо, чтобы на первых порах Кудюм о приезде сюда знакомого ему Иванова не подозревал. В таком случае, если предположить, что Кудюм начнет темнить, Иванов, внезапно подключившись к допросу, мог бы использовать фактор неожиданности. Но все же лучше будет, если Иванов на этот раз просто посидит за столом. Молча. Делая вид, что якобы не помнит Кудюма. Такое поведение должно дать двойное преимущество: во-первых, Кудюм, столкнувшись с непонятным ему пока поведением Иванова, наверняка будет нервничать. Во-вторых, Иванов, разместившись в стороне, сможет наблюдать, как будет реагировать Кудюм на подготовленные заранее вопросы.

ДОПРОС

Утром Прохоров и Иванов вошли в комнату, отведенную для разговора в Гудаутском ОВД. Кудюм появился точно к десяти. Иванов отметил: за время, прошедшее с их последней встречи лет семь назад, Кудюм почти не изменился. Среднего роста, сухопарый, разболтанный, Кудюм выглядел на свой возраст — что-то около тридцати — тридцати двух лет. Заглянув, Кудюм сказал: «Можно?» Прохоров ответил спокойно:

— Пожалуйста, заходите. И дайте повестку, я отмечу.

Кудюм протянул повестку и уселся на единственный свободный стул. Покосился на Иванова. Тот зевнул, прикрыв рот рукой. Ясно, Кудюм его узнал. И сейчас лихорадочно пытается понять: зачем он здесь. Вот, посидев немного, Кудюм снова сделал вид, что осматривает комнату, и снова покосился на Иванова.

Прохоров начал задавать вопросы, хорошо почувствовав, что почва для допроса готова. Работал он, как отметил про себя Иванов, по высшему классу. Говорил спокойно, мягко, почти дружелюбно, но при этом непрерывно расставлял скрытые ловушки. Очень скоро эти ловушки начали срабатывать. Тем не менее, хотя метод действовал безотказно, ответа на главный вопрос — на самом ли деле Кудюм потерял паспорт или кому-то его передал или продал — Прохоров получить так и не смог. Довольно скоро Иванову, внимательно наблюдавшему за Кудюмом, стало ясно: Кудюм врет. Паспорта он не терял, но сказать правду боится. На это твердо указывало то, что, даже

окончательно запутавшись, Кудюм все-таки стоял на своем: паспорт он потерял в поезде. Наконец Прохоров выложил главный козырь:

— Гурам Джансугович, вы знаете, что вашим паспортом воспользовался особо опасный преступник?

— Не знаю никакого опасного преступника.

— Совершивший ряд тяжелых преступлений, в том числе убийство? Причем убийство работника милиции?

— Ничего я не знаю.

— Значит, теперь знаете. Хотите сказать что-то по этому поводу?

— Что мне говорить? Я все сказал.

— Хочу напомнить: скрывая связь с этим преступником, вы сами становитесь участником тяжелого преступления. Надеюсь, меру наказания за соучастие в убийстве с отягчающими обстоятельствами вы знаете?

— Да ладно вам... — Кудюм замолчал.

Прохоров повертел лист протокола:

— Гурам Джансугович, давайте признаваться. Ведь и вам будет легче, и нам. Скажите, кому вы передали свой паспорт? Скрывая истину, вы становитесь соучастником тяжелого преступления. Наоборот, рассказав правду, докажете свою сознательность. Ответственность перед обществом. Ну? Гурам Джансугович?

— Никому я его не передавал. И не мучьте меня, гражданин назальник. Потерял я паспорт. Потерял, и все тут. В милицию я пришел сразу, заявив сразу. Какие претензии?

— Претензия только одна, Гурам Джансугович: вы не хотите сказать правду. Допускаю, вы боитесь.

Может быть, вас пытались запугать. Было такое?

— Ничего не было. Никто меня не запугивал.— Сказав это, Кудюм опустил голову и замолчал. Воспользовавшись паузой, Иванов показал Прохорову взглядом: настала пора поговорить с Кудюмом мне. И наедине. Прохоров кашлянул:

— Хорошо, Нижарадзе. Думаю, на сегодня хватит.

Кудюм поднял голову:

— Вы что... паспорт мне не отдаете?

— Вашим паспортом занимаются работники милиции. Обращайтесь к ним.

— Милиции? А вы кто?

— Я работник прокуратуры. Я ведь сказал, дело касается убийства.

Кудюм посмотрел долгим взглядом.

— Понятно. Мне что, можно идти? Сейчас?

— Если не трудно, подождите меня в коридоре,— негромко сказал по-грузински Иванов.— Нам надо поговорить.

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

Выйдя в коридор, Иванов кивнул сидящему на стуле Кудюму:

— Может, пройдем на улицу? Тут скверик есть недалеко. Посидим, поговорим.

Кудюм смотрит недоверчиво.

— У вас какие-то возражения, Нижарадзе?

— Н-нет... Хорошо, пойдём.

Выйдя из здания ОВД, они прошли в соседний скверик. Иванов уселся на единственную среди чахлак акаций скамейку. Подождал, пока Кудюм сядет рядом. Подставил лицо солнцу. Не оборачиваясь и чувствуя дыхание Кудюма, сказал по-грузински:

— Нижарадзе, ты ведь меня знаешь? Знаешь или нет?

— Знаю,— неожиданно решительно сказал Кудюм.— Знаю, батоно Борис. Но поймите— в жизни человека иногда бывает сложный переплет. Очень сложный. Я взят за горло, понимаете? За горло!

— Кем же? Назови имя этого человека.

— Не могу я назвать его имя. И не человек это. Судьба.

— Значит, судьба взяла тебя за горло. Ты хочешь сказать— людей при этом не было? Я правильно понял? Судьбы без людей не бывает. Ты, Нижарадзе, это хорошо знаешь. Так же, как я. Поэтому очень прошу: не выводи меня из себя.

Человек, который убил Садовникова, явно жил в «Алтае» по паспорту Кудюма. Кудюм этого человека знает. Но вместо того чтобы назвать— сидит, уставившись в землю. Иванов внезапно ощутил раздражение.

— Вот что, Кудюм. Ты знаешь, с тобой, со всеми твоими родственниками, поездками, вообще со всем я еще не разобрался. Не до этого. Хотя подозреваю, сильно подозреваю— переключился ты после колонии. Ушел со средней полосы. Здесь, на Кавказе, в родных краях, фармазонить лучше. Так ведь?

— Что вы, батоно Борис. Никуда я не ушел. К родственникам ездил...

— Ладно. К этому еще вернемся. Говорю в последний раз. В самый последний. Если ты не скажешь сейчас кому отдал паспорт, все сделаю, но спокойной жизни здесь, на побережье, тебе не будет. Земля будет гореть под ногами, понял? Где бы ты

ни был. В Тбилиси, Пицунде, Лазаревском. В любом другом месте. Обещаю. Понял?

— Понял. Только— статью на себя брать надо.

— Какую еще статью?

— Ладно, батоно Борис, возьму статью. Если правду говорить, отдал я паспорт. Не знаю, может, даже вашему отдал.

— Что значит «нашему»? Работнику милиции?

— Да.— Кудюм долго молчал.— Вообще-то, глупо все получилось. Поймал он меня на «хибе»¹. Все уже прошло, я даже бабки взял. Вдруг он откуда ни возьмись. «Стой, ни с места... И вы, потерпевший, ни с места...»

— Подожди, подожди... Где все это было?

— В Сочи. На Морвокзале. У меня сразу застучало— «влип». Выйти не успел, и на тебе.

— Он что, был в форме?

— Нет, в гражданском.

— Какой из себя? Опиши, как выглядел?

— Такой... высокий. Руки, плечи... Короче, бугай.

— Грузин? Армянин?

— Нет, европеец. Белый.

— Что значит «белый»? Волосы белые?

— Ну да. Не белые, конечно. Такие... русые, что ли. Усики тоже светлые.

— Он документы показывал?

— Какие документы? Паспорт у меня взял, и все. «Стойте здесь. И вы, потерпевший, стойте здесь». И исчез. Я, наверное, минут двадцать его ждал. Тот лох² ушел почти сразу, он с теплохода был, турист. С «Ивана Франко». Я постоял, потом думаю: что делать? Не в отделение же идти, глупо ведь. Потом уже понял— чистю он меня. «Бирку»³ взял, и с концами. Верите, батоно Борис, я до сих пор не просек, ваш это был или не ваш.

По лицу Кудюма было ясно— он говорит правду. Собственно, сомневаться в этом не приходилось. Иванов хорошо знал: человека из ИТК заставить признаться в повторном преступлении не так просто. «Размотал» же всю правду Кудюм по одной причине: во-первых, чтобы избавиться наконец от мучившей его ложной ситуации. Во-вторых, исходя из его, Иванова, репутации. Кудюм знал— если он сейчас его обманет, ему несдобровать.

МОСКВА

От Гудауты до Адлера они доехали без приключений— на той же машине. С Прохоровым Иванов для верности попрощался в самолете. Во Внуково, сойдя с трапа, посмотрел, как следователь пошел к стоянке такси— и двинулся влево, к отделению воздушной милиции. Вскоре увидел в темноте присыпанную хлопьями снега знакомую «Волгу». За рулем сидел Лилиев. Усевшись рядом, Иванов бросил:

— Привет. Как Москва?

— В порядке, Борис Эрнестович.

— Надеюсь, шеф не ушел?

— Нет. Ждет вас.

— Давай в управление. И чем скорее, тем лучше.

¹ «Хиба» (жарг.) — точная копия ценной вещи.

² «Лох» (жарг.) — простак, недотепа. В данном случае — жертва мошенничества.

³ «Бирка» (жарг.) — документ, паспорт.

ВЕРХОТУРЬЕ: четыре века жизни и семь печатей тайны

Всеволод СЛУКИН

Фото Игоря Горячева

Однажды привелось мне увидеть чудо. Раным-ранехонько я оказался на одной из улиц бывшей некогда Ямской слободы. Только-только забрезжил рассвет. Часть неба, как гигантский театральный задник, непрерывно подновляемый рукой спорого художника, светлела. И на ее фоне из неясности рассеивающегося легкого тумана появились контуры удивительной панорамы — между мной и рассветом было древнее Верхотурье.

Громада Крестовоздвиженского собора с его сложным переплетением византийского аскетизма и русской веселой дробности пластики, мягкой округлости оконных арок материализуется, плотнеют ее формы, она обретает власть над пространством.

А чуть правее, в самом «корне» Троицкого холма, прибрежный утес которого все еще держит остатки ночной тьмы, просматривается рвущийся вверх стройными формами Свято-Троицкий собор. Среди его маленьких лукович с ажурными крестами путается уходящая ночная звезда. Еще правее, продолжая панораму, высится одинокая маковка Старо-Покровской церкви. Робкие потоки света ударяют в центральный купол Крестовоздвиженского собора, давно лишившийся чешуйчатой кровли из листов чистейшего цинка, и гаснут в деревянной обшивке. Но зато матово скользят по покрытию куполов колоколен, вызывая не острый блик, а ровное сияние. Так сияют старые доспехи. Именно на это сияние, словно имеющее неземные причины, и рассчитывали строители.

Еще несколько мгновений, и пиришество утреннего света охватило все. Высветился не только Крестовоздвиженский собор, но и Надвратная церковь Николаевского монастыря, и башенки его ограды. Солнце, все еще низкое и красноватое, хлещет в бойницы остатков кремлевской стены у Свято-Троицкого собора. Растворяется тень в подбрежной части Троицкого мыса, освобождается от тумана старый подвесной мост, зелен и камни обретают свои истинные краски. Световое торжество архитектуры и природы! Как тут не вспомнить старинное, поруганное слово «благолепие»? Это Верхотурье. Да разве ж это? Старые рисунки и гравюры, а ранние из них относятся к первой половине XVIII века, позднее — фотографии передают великолепие всего грандиозного архитектурного ансамбля, редкий лад и тонкость его композиции, едва уловимый сплав истории и архитектуры. Кое-что из этого, несмотря на геркулесовы разрушительные старания, сохранилось до наших дней и вопиет.

Хочется сравнить этот городок с бутонем невиданного цветка, тронутого коварным весенним морозцем. Там, в недрах этого бутона, готовилось нечто удивительное и прекрасное и вдруг... не раскрылось. Не состоялось явление миру еще одного чуда света сродни садам Семирамиды.

Верхотурье... Древний город России, древний город Урала, которому меньше десяти лет осталось до 400-летия. Он не мог не появиться по многим причинам. Первая — место, выбранное и преподнесенное человеку природой.

Крутой утес, обрывающийся неприступно к реке Туре на западе, а с севера и с юга ограниченный скатами в небольшие долинки рек Свяги и Дернейки. Место потом

получит название Троицкого мыса, хотя было у него и совсем древнее первичное имя «городище Неромкуру», данное чуть ли не с неолитических времен. Чердынский воевода Сарыч Шестаков, выбравший место для крепости и города, сообщил в 1597 году: «...От реки от Туры по берегу крутово камени горы от воды вверх выотою сажен с 12 и болши, а саженми не меряно, а та гора крута-утес, и того места по Туре по реке по самому берегу 60 сажен больших, и по смете-де тому месту городова: стена не надобе, потому что то место добре крепко, никоторыми дельи взлести не можно, разве б по тому месту велети хоромы поставить вряд, что город же, да избы поделати и дворы б поставити постенно, а то по углам города от реки от Туры поставити наугольные башни...» В этих нескольких строчках — весь проект будущего города. Таким он и осуществлялся.

Вторая причина — нужен был здесь, на гребне Каменного пояса, город-крепость, который сторожил бы пути на восток, явился бы базой экспедиций в пока еще неведомую Сибирь, служил бы таможней на живом потоке товаров. Третья причина — огромному краю нужен был просветительский центр, нужны были пастырская рука и книжное слово.

И вырос на Троицком утесе кремль со стенами, башнями и собором. Горело все это не раз и нещадно, пока на месте деревянных построек не появились каменные. Кремль оброс посадами, где селились «служивые люди, дети боярские, ружники, стрельцы, люди торговые и посадские, да пашенные крестьяне». Ямская слобода насчитывала многие десятки дворов, хозяева которых подражались в караванах и обозах возить товары.

А по правую и левую «руки» кремля встали монастыри: Николаевский и Покровский, которые потом в столь дальнем, считавшемся «медвежьим» углу России достигли положения и значимости, сравнимых разве с Троице-Сергиевой лаврой или Оптиной пустыней. Монастырские библиотеки славились обилием редких книг и рукописей.

Но случилось непредвиденное — прошли вдруг мимо живейшие торговые пути, спустились южнее, к золотой исетской долине. И жизнь в Верхотурье замерла, остановилась, словно путник перед закрытой дверью...

Каждая постройка в Верхотурье примечательна и неповторима. Взять хотя бы Свято-Троицкий собор в кремле, построенный в первые годы XVIII века. Специалисты считают уникальным его «крещатое пятиглавие», кажущуюся простоту капителей колонн, особую четкость и законченность наличников. Известный на Урале историк архитектуры А. Ю. Капников пишет: «Троицкий собор во многом предопределил дальнейшее развитие архитектуры барокко на Урале, хотя композиция с большим восьмериком и не получила в этом регионе распространения». Значит, другого такого нет.

Остановим величальную песнь Верхотурью и заглянем в его тайны. И те, которые были даны природой и историей, и те, что мы наплодили сами, не утруждая себя почтительностью к древним камням предков.

Природа сообщила месту некую странность. Современные экстрасенсы говорят нам о колоссальной актив-

ности биополя на земле Верхотурья. Мне и раньше доводилось слышать, что на территориях монастырей и отдельных соборов рамки экстрасенсов показывают аномалии биополя (назовем своим именем этот эффект, ибо отместить его нельзя, но можно следовать выручающей концепции отмечать все, до конца еще не познанное, спасительным определением: в этом что-то есть). Может быть, действительно монахи обладали даром сверхчувствительности, чтобы выбирать место? А может быть, как считают ученые, на таких участках в глубине земных недр есть зоны средоточия разломов, дающих ералаш физических полей, эффект которых улавливается только высокочувствительной биосистемой. Разгадка впереди.

Но вот другое, не менее загадочное. Верхотурье с глубокой старины славится как центр народной медицины. Наверное, здесь была самая высокая в мире плотность знахарей, ведунов, знатоков лечебных трав, хранителей секретов древней медицины, доставшихся от коренного населения. Занимались этим и монахи верхотурских монастырей. Говорят, у них лечился от алкоголизма юный Григорий Распутин, здесь он познал искусство гипноза и заговоров, что и вознесло его в царские чертоги. В Верхотурье есть симпатичный деревянный дом-теремок в стиле псевдорусской архитектуры. Его называют «Гришкин дом». Этот дом имеет отношение к Распутину, который хотел привезти сюда больного неизлечимой гемофилией наследника российского престола царевича Алексея. Зная о суровом приговоре медицинских светил, Распутин надеялся на всеильность верхотурских волхвов. Помешала первая мировая война, поездка не состоялась. Дом-теремок остался пустым.

В монастырских и посадских огородах выращивались сотни видов целебных трав, в далекую глухомань уральских лесов каждое лето уходили всезнающие собиратели, блюда до часов сроки сбора природных лекарств. Ведь именно в Верхотурье священник красногорской церкви привил оспу своим детям. Считают, что он сделал это раньше знаменитого Дженнера, основоположника оспопрививания.

К сожалению, деятельность народных лекарей угасла. Ушли в мир иной знатоки, не оставив учеников, закрылись монастыри, разбрелись кудесники-черноризцы. В период всеобщего осмеяния народной медицины замкнулись в себе оставшиеся знахари. Тихо стало насчет ведунов в Верхотурье.

А вот еще одна неразгаданность. Оказывается, Верхотурье было центром народной метеорологии. Здесь столетиями накапливался опыт наблюдения за погодой, тысячи, казалось бы, незримых примет складывались в прогнозы, порой в долготлетние. Особенно тщательно этим занимались монахи Покровского женского монастыря. К ним приходили и приезжали крестьяне деревень верхотурской округи, бывали и более далекие гости, беспокоившиеся за судьбу урожая, сенокоса и зимних работ. Старожилы вспоминают: предсказания погоды были настолько точными, что возникало подозрение — не получают ли святые матери информацию о погоде из самых первых рук?

Много загадок хранит и сама верхотурская земля. Володя Копылов, шофер тяжелого трехосного грузовика, ведет меня по крышам, карнизам и чердакам Свято-Троицкого собора к тому единственному месту, откуда можно попасть на уцелевшее прясло кирпичной кремлевской стены. Вот он ступает на ветхие доски покрытия бокового выступа и... почти исчезает в самой стене, мелькнув золотом головы. Вскоре из глубины кирпичной кладки доносится его голос, потом и он гложет. На выступе — внутрискатный лестничный спуск в сторону собора. Спуск завершается площадкой, от которой в стены ведут тесные проходы, а вниз — засыпанный ныне колодец. Когда-то он уходил в лабиринт подземелий собора и окружающей его территории.

Верхотурские подземелья... Еще одна тайна славного городка. Немало людей побывали в них в разное время. Кто рассказывает о своих впечатлениях, кто передает

услышанное от близких. Говорят о подземной связи монастырей, обозначенной на поверхности земли устьями колодцев, часто игравших не только роль водозабора, но и служивших вентиляционными каналами для подземных путей. Из Свято-Троицкого собора убегали в застройку подземные ходы, через которые собор мог приютить беглецов в случае общей беды. Есть основания считать, что собор связан с воеводским домом, где сейчас располагается райисполком.

В Покровском монастыре где-то под землей до сих пор находится тайная церковь — крипта, в которую ведут скрытые тоннели из разных монастырских зданий. Эти здания также имеют подземные связи между собой. Входы в крипту и тоннели давно потеряны.

В Николаевском монастыре о подземельях знали от бывших монахов и воспитанников. Из многочисленных раскопок складывается впечатление, что под всей территорией бывшей обители простирается разветвленное подземелье с камерами и тоннелями. Совсем недавно во время каких-то земляных работ лом после очередного удара ушел в пустоту. Образовалось отверстие в своде подземной постройки, соединенной, видимо, с другими обширными полами, так как дыра длительное время со свистом втягивала воздух.

С 1988 года в Верхотурье устремились экспедиции. Принято решение к 400-летию Верхотурья восстановить утраченное, реставрировать обветшавшее. Архитектурно-историческое наследие древнего городка должно выглядеть таким, каким было на рисунках и гравюрах прошлого. Тогда Верхотурье сможет стать притягательным туристским центром, а может быть, и основой будущего Уральского золотого кольца. Всему этому, как и положено, предшествуют исследования того, что еще осталось, поиск того, что потеряно, собрания воедино всего, что дает целостную картину культурного наследия.

Экспедиция Свердловского архитектурного института изучала территорию Верхотурского кремля инженерно-геофизическими методами, не разрушающими ни грунт, ни объекты культурного наследия, находящиеся в нем.

Первые результаты интересны. Найдены фундаменты двух кремлевских башен, утраченных еще в первой половине прошлого века. Кстати, одна из башен называлась Водяной, видимо, по нахождению в ней водозаборного тайника — колодца или лестничного спуска с тоннелем к реке Туре. Если такой тайник существовал, то он должен хорошо сохраниться в скальных породах берега. Находка его и расчистка обнаружат уникальнейшее оборонное сооружение периода создания Верхотурского кремля и, может быть, единственное сохранившееся на Урале.

Обнаружены остатки фундаментов одной из старых каменных кремлевских построек, примыкавшей к северо-западной башне и имевшей, согласно документам, глубокие подвалы. Установлено местоположение западной и северной крепостных стен. Пробные археологические раскопки, проводившиеся археологами Уральского университета, подтвердили эти результаты.

Открытие древнего Верхотурья только начинается. Но главная тайна городка — его будущее. Что оно сулит архитектурной диковине Урала? Чтобы стать заповедным местом и одновременно дать жителям все блага современного жития, городку нужен сильный благодетель, который, делая свое дело, жил бы и нуждами заповедного места. Кто окажется им: Уральский туристский центр, православная церковь или какой-нибудь «Нефтехим», завораживающий своими миллионами? Выбирать нам, выбирать верхотурцам. Но только очень бы хотелось, чтобы замерзший бутон прекрасного цветка отогрелся и, дай бог, раскрылся.

См. 1—2 стр. вкладки.

«Привет вождю народов!»»

Геннадий ШЕВАРОВ

3 ЯНВАРЯ 1937 ГОДА СТРОИТЕЛЬ М. А. ТАМАРКИН — ПРОТОТИП ГЕРОЯ КАТАЕВСКОГО РОМАНА «ВРЕМЯ, ВПЕРЕДИ» ИНЖЕНЕРА МАРГУЛИЕСА, — НЕ ДОЖИДАЯСЬ АРЕСТА, ОСТАНОВИЛ ВРЕМЯ СОБСТВЕННОЙ ЖИЗНИ В САМОЙ СЧАСТЛИВОЙ, ВОСТОРЖЕННОЙ ЕЕ ПОРЕ. ПОСЛЕ НЕГО ОСТАЛИСЬ ДНЕПРОГЭС, МАГНИТКА, УРАЛВАГОНЗАВОД...

Из газеты «Уральский рабочий», 3 апреля 1937 года: «Закончилось собрание Тагильского партийного актива. Партактив проглядел искусное вражеское обволакивание ряда партийных работников троцкистами-двуручниками Окуджавой*, Марьясиным и другими. В атмосфере бахвальства и самодовольства, хвастовства и самоуспокоенности враги чувствовали себя как рыба в воде. Эта атмосфера продолжала существовать и после разоблачения Окуджавы».

4 апреля газета сообщает: «2 апреля состоялся пленум Тагильского горкома ВКП(б). Пленум обсудил вопрос о роспуске бюро горкома, проглядевшего японо-германских троцкистских шпионов, проникших в бюро горкома (секретарь горкома Окуджава и начальник Уралвагонстроя Марьясин). Бюро горкома распущено».

Это только одна из множества драм тридцатых годов. Из тех, кто мог бы рассказать о том страшном времени, из тех, кого оно опалило, в живых остались немногие, остались единицы.

В Москве я встретился с Ксенией Дмитриевной Орловой. Сейчас она пенсионерка, а была прежде архитектором. Первый муж ее — один из тех «троцкистов-двуручников», что заодно с Окуджавой и Марьясиным занимались в Тагиле «искусным вражеским обволакиванием» доверчивой массы партийных работников.

Мы говорили с Ксенией Дмитриевной за чашкой чая. Рассказ нетороплив, а поначалу и сдержан... Я записал его на пленку и решил не обрабатывать, чтобы не исчезло обаяние характера, которое в живой речи непременно угадывается.

— Вот я наблюдаю, что очень часто человеческая жизнь складывается не так, как ее планируешь, а порой от каких-то случайностей зависит. Я заканчивала архитектурный техникум, и мы сидели... Сокольнический вал, 12 — делали проекты. Через день, через два должны были их защитить и разлететься по разным местам, куда кого пошлют.

У нас в группе были все молоденькие. Мне еще 18 не было. Наш руководитель — он сейчас очень старый и очень больной — Бельский Илья Яковлевич мне говорит: «Поедем, в Тагил... это же тайга, там такие красоты... поедешь?» Я говорю: «Поеду». Он отобрал человек 30 из треста. Потому что ведь когда проектируешь большой комплекс — там же разные профили, каждый ведет свое. Я себе представляла: боже мой, я буду делать генеральный план такого гиганта!

Ну, и приехали мы. Не было, конечно, тогда ни одного большого дома. А на площадке — только залы ТЭЦ, вылезал немножко цех колес Гриффина. И цех... я никак

не могу вспомнить его, двухэтажный. И весь верх заняли мы, проектировщики.

В то время промышленность очень нуждалась в вагонах. А такой гигант строился впервые. Я очень хорошо запомнила, как мы все участвовали в разбивке вагонсборочного цеха... Уже приехал туда Тамаркин. Я знала, что он строил Днепрогэс, Магнитку, что и там, и там очень отличался. Говорил всегда не очень громко, никогда не жестикулировал, но вот его отношение... Он говорил: «Братцы, ну мы сделаем это, мы же обещали!», и буквально звука не пролетало лишнего.

— Сколько же лет ему было, когда вы познакомились?

— Ему было 30, мне 18. Я же совсем девчонка была. Помню, говорят: Тамаркин, Тамаркин. «Но он же не очень красивый». А Бельский говорит: разве это ценится в человеке, ты вот с ним познакомишься поближе, тогда увидишь, красивый он или некрасивый. И действительно, очень скоро я поняла, что красота у него душевная, такая большая душевная щедрость... Вот Марьясин был высокий, импозантный, с красивым голосом. А этот брал совсем другим — своим внутренним обаянием, теплом, желанием трудиться. Для него не существовали день-ночь. Надо — значит он сутки не уйдет. Валентин Катаев Маргулиеса с него списал. Лет десять назад в Переделкино я встретила Катаева и спросила: «Валентин Петрович, вы помните вот такого... на Магнитке... Тамаркина Моисея Александровича?» Он остановился: «Конечно, помню, я же с него писал свое «Время, вперед!». А вы откуда его знаете?» — «Я жена покойного». — «Как, его нет?» — «Да, — говорю, — к сожалению, его нет и уже очень давно...»

Я стою на краю почти бездонного черного котлована, окаймленного бурьяном и пыльцой. На этом месте когда-то знаменитая Магнит-гора, у подножья ее гремела в 30-х годах на весь СССР небывалая по размаху и масштабам стройка, ставшая гордостью страны, символом ее индустриализации.

И вот — котлован, огромная зияющая выбоина в теле земли. Железную руду доставляют теперь в Магнитогорск эшелонами за сотни, если не тысячи километров.

Ветер шевелит угрюмую серую пыль на склонах как бы перевернувшейся и ушедшей глубоко в земную твердь горы.

Стою и слушаю голоса из 30-х годов...

— ...А потом подошел Моисей Александрович ко мне. Я делала вертикальную планировку. «Скажите, Ксана, кажется, вас зовут, а что это у вас за стрелочки такие?»

Я ему серьезно так стала объяснять, а когда он ушел, наши засмеялись: ну ты даешь, да что он тебя, серьезно, что ли, спрашивал? А то он не знает, что это за стрелочки.

Февраль 1934-го... 17-й съезд ВКП(б) принимает резолюцию, где считает необходимым особое внимание сосредоточить... на строительстве Уралвагонзавода... 10 мая 35-го года: создается конструкторский отдел по вагоностроению.

— ...А как вы замуж вышли?

— Поехала в Москву — уволиться на своей работе и попросить разрешения у родителей. Ну, приехала. Папа

* Отец известного поэта Булата Окуджавы. — Прим. ред.

с мамой еще были молодые. Как им сказать? Утром проснулись — я говорю: «А вы знаете, я вышла замуж». Мама: «Как вышла замуж? Да ты знаешь, сколько тебе лет?» — «Ну и что, — говорю, — я вышла за хорошего человека». — «Нет, нет, нет, ты куда не поедешь. Вот так и отпущай вас...» В это время стук в дверь — телеграмма. Оказывается, мне. Папа взял, читает: «Крепко скучаю маленькой любимой хозяйке большого дома, низко кланяюсь родителям, прошу их разрешения на сочетание браком с их дочерью Ксенией Дмитриевной Орловой». Окончание было такое: «Не задерживайся в Москве, встречу в Свердловске, целую».

И вот мы работали и жили вместе... Я сразу почувствовала себя взрослой. Строили планы, что вот кончится это строительство, пошлют в другое какое-то место, ведь не одна такая стройка. В это время или чуть раньше о нем была напечатана в центральной газете большая статья «Инженер трех эпох» — как он работал на Днепротресте, на Магнитке и вот здесь, на Уралвагонзаводе...

Помню, построили цех колес Гриффина. И крупнолитый... Литье хорошо шло — стали делать колеса. Но колеса не получались. Моисей Александрович (он не имел отношения ни к этому цеху, ни к колесам) сидел вечером: ну почему же, ну ведь все точно по технологии (американцы продали) делаем, а не получается — раковины. Огромные груды колес навалили. Я спрашиваю: а эти колеса куда же? Он говорит: да ты не беспокойся, они не пропадут, мы их пустим в переплавку, но уже на колеса они вряд ли пойдут...

Конечно, как на каждой стройке, были неприятности, но потом все выравнивалось, и в конце концов завод очень быстро построили. Очень быстро.

...Приезжал Серго. Вагон его ставили на отдельных путях. Он ходил по стройке, всем интересовался. Всех он знал по фамилиям, но то что просто так...

Это было уже второй приезд Серго Орджоникидзе на строительство Уралвагонзавода. «Перед началом каждого месяца, — признался нарком строителям Вагонки, — почти все Политбюро сидит и распределяет по дорогам эти проклятые вагоны». Через месяц после его отъезда Моисей Тамаркин, которого Орджоникидзе так же, как и Марьясина, хорошо знал по Магнитке, был назначен начальником строительства вагонносорочного корпуса. Это был решающий, главный объект на стройке...

— Я сейчас вспоминаю: до удивительности быстро шла стройка. Вы спрашиваете, не было ли предчувствия чего-то плохого... Абсолютно не было. Я за это вам могу поручиться...

Было ли, не было предчувствия трагедии... Как знать? Не забудем: они были молоды, и такой запас сил, любви, восторга переполнял их!.. Любили друг друга, любили стройку... Вот уже и долгожданные новенькие вагоны покатались по рельсам — это октябрь 36-го.

Марьясин, Тамаркин, Окуджава — они, конечно же, слышаны были о врагах народа, о таинственных покушениях на Сталина, Ворошилова, Орджоникидзе. Официальные версии тогда были такие. В Сталина террористы стреляли, когда он проезжал в моторной лодке у побережья Черного моря. Но промахнулись. По Ворошилову должны были стрелять на улице, по которой обычно следовал его автомобиль. Но из-за большой скорости машины террористы сочли бесполезным стрелять... Осенью 36-го японская разведка хотела устроить крушение поезда, в котором ехал Серго. Рабочий депо Р. разоблачил бандитов.

«Разведчики шныряют взад и вперед, в трамваях, в театрах, в кино, в пивнушке, — пугал прокурор Вышинский. — ...Нужно просто каждому взять за правило вести себя с любым человеком так, что если этот любой человек оказался врагом, то все равно он не сможет ничего извлечь из знакомства с тобой для своей вредительской и шпионской деятельности».

Об этом они читали, слышали, но старались гнать от себя сомнения и тревоги. С головой уходили в работу. Вагоны, стране нужны вагоны. Эта мысль подчиняла себе все другие. Так продолжалось до...

— Ну, я помню... Но можно ли все это говорить? Было так. Марьясин со своей женой уехали отдыхать на юг. Он говорит: в конце концов, столько лет я не был... И оставил Тамаркина за себя. А в это время Ворошилов устроил съезд жен-общественниц. И я поехала в Москву на съезд...

Утром Тамаркин уходит на работу. «Ну, ты сегодня уезжаешь?» А у самого какой-то... вот тут я в первый раз, может быть, что-то чуточку... то ли грусть это... трудно даже сказать. Он меня поцеловал и побежал к машине. А потом вернулся, еще раз в щеку поцеловал. Потом опять вернулся... «Ну, ты там не задерживайся, как кончится, побыстрее домой». И ушел...

И я приехала в Москву. На съезде, представляете, сразу такая обстановка. От Наркомтяжпрома нас пригласили, примерно человек сорок с разных строек, в том числе и Евгению Эммануиловну Весник, жену Весника, начальника тоже очень большой стройки — «Криворожстали»...

Хроника 36-го года

«В Большом Кремлевском дворце 20 декабря открылось Всесоюзное совещание жен командного и начальствующего состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Со всех концов Советского Союза, с рубежей Дальнего Востока, с границ Белоруссии, из Армении и Таджикистана, с морских берегов Севера и Крыма съехались боевые подруги командиров Красной Армии, чтобы поделиться опытом, развернуть замечательную картину своей многогранной, плодотворной, имеющей огромное культурное и оборонное значение работы. Три тысячи делегатов и гостей нетерпеливо ждут начала заседания. Тысячи глаз устремлены туда, где в глубине ниши стоит статуя бессмертного Ленина, туда, где вот-вот покажется гениальный продолжатель его дела, любимый и родной Сталин...»

— Съезд идет, на нем все Политбюро. Могу перечислить, кто помню... С краю сидел Литвинов, потом Тамаркин, Тухачевский, Орджоникидзе, Ворошилов, Буденный, Косарев — секретарь комсомола, Каганович... Калинина очень хорошо помню. Выступали жены военных и рассказывали про свои дела. На третий день Весник говорит: «Ну, сегодня мы докладываем». Сделано было так, что каждая делегация несла съезду подарки и очень много цветов. Подарки были сделаны своими руками. Весник поднялась на трибуну, и когда она говорила, вошел Сталин.

Всякий раз, когда Сталин заходил, начинались такие овации... обо всем забывали. Он послушал, так вот руку поднял, а другую заложил... его любимая поза. А Евгения Эммануиловна повернулась к нему и говорит: «Иосиф Виссарионович, женщины меня отсюда не выпускают, пока Вы всем нам не пожмете руки». Он прищурился немного и рукой показал: идите вот так. Он отошел на авансцену, а мы все мимо него проходили, и каждый жал ему руку и что-нибудь говорил. Я ему сказала: «Вождю народов привет!» И еще что отчетливо: вернулась и стала жать руки всему президиуму, начиная с Литвинова. Они хотали, было очень весело, смешно. Последним сидел Микоян. Он спрашивает: «Ты откуда будешь?» — «С Вагонки». — «О-о, — говорит, — молодец! Далеко пойдешь». И меня проводил...

Из Москвы Ксения поехала в Ростов, в гости к матери мужа. Здесь она решила дожидаться Моисея Александровича, чтобы вместе отправиться в отпуск, по примеру Марьясиных — на юг, к морю. Мать, сестра, родственники мужа ухаживали за ней — юной женой да еще москвичкой — наперебой. Школьные друзья Моисея Александровича, не дожидаясь его приезда, потянулись в дом Тамаркиных: поздравить с Ксенией...

— ...Накрыли на стол. Все в приподнятом настроении. И вдруг звонок. Мы думали, еще гости. Открывают — почтальон. Я бегу: наверное, телеграмма! Наверное, он уже едет. А в телеграмме несколько страшных слов: «МОИСЕЙ СКОРОПОСТИЖНО СКОНЧАЛСЯ». Ну, вы представляете — мать, сестра... Несколько дней назад человек был совершенно здоровый, и вдруг нет человека.

— А чья подпись?

— Цехмистренко. Заместителя. Они очень дружны были,

Как во сне мы собирались. Поехали, добрались до Москвы. И ни мама, ни сестра, ни я не можем дальше двигаться — такое состояние... Мать слегла совсем. А мы с Машей поехали. Ну, я его не видела... Он для меня остался навсегда живым. Когда приехали, его уже похоронили... А Марьясины были арестованы на отдыхе.

Из воспоминаний заместителя начальника участка Ивана Романовича Цехмистренко:

«...Тамаркина вызвали и предложили выступить на партийном активе, который был созван на вечер, с разоблачением Марьясина и о своих преступных связях с Марьясиным. Тамаркин, приехав на стройку, попросил меня вечером быть на совещании у главного инженера, так как он будет на партактиве, и уехал домой. Вечером, часов около восьми после совещания, я направился в контору строительства. Проходя через действующие пролеты сборочного цеха, я увидел уже готовый вагон, на котором ставили трафарет с номером и маркой: Уралвагонзавод. И как-то стало легче на душе: завод действует, дает продукцию, необходимую стране. Проходя к конторе, я увидел легковую машину, на которой обычно ездил Тамаркин. Спросил шофера: а где же Моисей Александрович? Он мне ответил: минут 15 тому пошел по направлению к цеху, но, кажется, зашел в подстанцию. Пока я разговаривал с шофером, вдруг потух свет в действующем цеху, в конторе и в окнах подстанции. В этот момент из конторы выходит диспетчер с фонарем «летучая мышь» и говорит, что в подстанции сейчас убило током человека. В это время подъезжает машина главного инженера... Мы зашли в подстанцию, где было темно. Дежурный техник докладывает следующее. Зашел в щитовое отделение Тамаркин и предложил пойти с ним в ту часть, которая находится в монтаже. Пройдя по всем трем этажам, перешли в действующий блок, где я предупредил товарища Тамаркина, что здесь все под напряжением. Он ответил: я знаю. Прошли мы, говорит техник, первый этаж, поднялись на второй, затем на мостик, сбоку у которого за металлическими перилами были смонтированы открытые алюминиевые шины под напряжением 6600 вольт. И когда проходили по мостику — я впереди, а Тамаркин за мной, — я инстинктивно обернулся назад и увидел, что Тамаркин, перегнувшись через ограждающие перила, руками вперед сползает на шины под напряжением. Не успев крикнуть, я схватил его за полы шубы, но в это время он уже руками замкнул шину. В тот же момент сработала защита, и всюду потух свет. Сомнений не было, что это самоубийство. Хотя вначале была мысль, что может — несчастный случай, учитывая близорукость Тамаркина.

Прибыли руководители, которые собрались на актив и не дождалась Тамаркина. От них я слышал замечания: значит, совесть нечиста, раз решился на такое. Я первое время был в растерянности, но когда уже сформулировалось мнение, что Тамаркин — враг народа и уже начали расходиться (а это было после 12 часов ночи), я спросил начальника ГПУ: что же делать... Только в два часа ночи я приехал домой, не сказав ничего своей жене о происшествии. Я всю ночь не спал, у меня никак не укладывалось в голове, что происходит. Ведь я знаю Тамаркина с 27-го года, около десяти лет, ведь мы работали вместе, рука об руку — я знал его не меньше, чем себя. И вдруг Моисей Александрович — враг народа... Утром заходит в дом работница Тамаркина — он жил в отдельном коттедже через дорогу, напротив нас. Она в недоумении спрашивает меня: где Моисей Александрович, он вчера приехал к обеду, сидел до вечера, писал и уехал, до сих пор не возвращается. На письменном столе у него я нашла два письма: одно вам и второе — Ксане. Я вынужден был сказать ей, что произошло с Моисеем Александровичем, и предложил дать телеграмму Ксане... В письме, адресованном мне, Моисей Александрович просил все, что осталось, передать матери и жене, а в письме на имя жены Ксаны он писал...»

В руках у Ксении Дмитриевны — пожелтевший листок из блокнота:

«...Прощай, Ксаненок, забудь обо мне, моя любимая.

Ты еще молода — найди себе хорошего друга, спутника жизни. Клянусь тебе всем, что у меня дорогого, я чист. Меня забрызгали грязью... Позаботься о маме. Передай Маре (младший брат. — Г. Ш.) — пусть теперь поддерживает ее вместе с Машей. Ты еще тоже молода. Пусть старшие научат тебя, как жить, как надо идти по дороге к коммунизму. Я мало работал над тобой...»

— Дальше еще были две странички — забрала сестра Маша на память...

Потрясенная этой неожиданной, непостижимой гибелью Тамаркина 3 января 37 года, Вонгака не знала еще, что всего через несколько недель уйдет из жизни Серго Орджоникидзе, будут арестованы Окуджава, Кабаков, что 31 мая застрелится начальник Политуправления Рабоче-Крестьянской Красной Армии Ян Гамарник, а в июне Сталин и Ежов расправятся с маршалом Тухачевским и его боевыми товарищами-командирами, что волна этих репрессий обрушится на тысячи командиров и комиссаров, мужей тех самых женщин, кому совсем недавно, в декабре 36-го в Большом Кремлевском дворце так приветливо улыбался и жал руки Сталин...

Из газеты «Вагоногигант», 2 февраля 37 года: «Мы требуем от органов пролетарского правосудия со всей строгостью революционного закона судить бандита, шпиона, вредителя, реставратора капитализма Марьясина и его свору грязных псов, орудовавших на Уралвагонзаводе». 4 февраля: «В помойную яму истории отправлено немало гадов, проходивцев, врагов нашего народа. Голова всякого, кто посмеет выступить против нашей Родины, будет беспощадно снята с плеч...» 6 февраля: «Враг народа Марьясин не давал даже закончить полы, срывая пуск 1-й очереди фасонного литья. Урезая снабжение гудроном и рубероидом, эта фашистская скотина помешала окончанию кровли... Правой рукой атамана шайки вредителей Марьясина был бандит Тамаркин.»

Уже вернувшись в Свердловск из командировки в Москву, получаю письмо от Ксении Дмитриевны Орловой: «Пишу вдогонку вашему самолету... Многие события я не осветила Вам. А вот вечером, в тишине, в одиночестве прошлое снова тревожило мою душу... Когда я и сестра Тамаркина приехали в наше разоренное остьшее гнездо, Маша все время плакала в голос, причитала: за что вы убили его. Все эти дни к нам приходили люди, и вот кто-то из них — не могу вспомнить — рассказал нам, что до того рокового дня Моисей Александрович ездил к Кабакову. Кабаков развел руки в стороны и сказал Тамаркину: «Я и сам, мой дорогой, не могу понять, что сейчас происходит... Теперь, через многие годы, нам, пережившим все эти ужасы, конечно, хотелось бы, чтобы появилась какая-то ясность...»

ЦЕЛОВАЛЬНИК

Александр ГЕРАСИМОВ

Наш в то время одноэтажный Челябинск взволновало известие, что в могилу какого-то целовальника с разрешения властей и церкви будут забивать осиновые колья. Мы, мальчишки Ключевской улицы, под руководством Борьки Писаря решили на это посмотреть. Прозвище «Писарь» Борька получил из-за своей матери, которая, вывешивая его матрасик сушиться, на всю улицу кричала: «Люди добрые, и это одиннадцатилетний лоботряс!» Борька быстро привык к своему прозвищу и отзывался на кличку быстрее, чем на имя.

Борькиным выдумкам не было конца. Это его идея перебивать вывески: закройщика Сурата — к гармонному мастеру Логинову, портного Минковича — к воротам врага всех ребят прачки Даши.

Тетка Даша бесплатно не давала нам воду из своего колодца, и мы ходили на водокачку кварталом выше, где жили наши враги братья Чубаровы и Ворнаки.

Борька, у которого умерший отец был «вольным старателем по золоту», принес ртуть. Ртуть вылили в Дашкин колодец. Тяжелая ртуть увела с собой воду. Приходил поп, освящал колодец, но вода так и не появилась.

Ох, уж эта тетя Даша. Стирая белье по всему городу, она знала все новости и с успехом заменяла радио, которого в то время еще не было. Она-то и сообщила, что в воскресенье в могилу целовальника, убитого днями «охвицерами», будут забивать осиновые колья, чтобы он не ходил по ночам, не клеил листовки революционного содержания и не вурдалачил. Когда я Борьку спросил, кто такой целовальник, он сказал: тот, кто спавивает офицеров водкой-смирновкой и не верит в русско-бога.

Я спросил его, в какого же бога верил целовальник, в вашего? (Борька был еврей). Он ответил: «Нет! Он верил в коммунистического бога, за что его и убили колчаковцы».

В воскресенье брат Иван с утра уговаривал меня остаться дома, обещал отдать всю коллекцию папирос-

ных коробок. Я отказался, тогда большие мальчишки решили от меня убежать. Я бежал за ними, поднимая пыль босыми ногами и размазывая слезы по лицу, до самых ворот кладбища. Перед воротами ходил жандарм, которого мы хорошо знали. Он гонял нас с ящиками для чистки ботинок и отнимал папирсы, которые мы продавали поштучно на главной улице Челябинска Уфимской.

Когда перелезли через кладбищенскую ограду, то сразу попали в толпу злых, полупьяных людей, плотным кольцом окруживших могильный холм.

Могилка находилась в стороне от кладбищенских берез, крестов, памятников и отсутствие на ней креста было сразу заметно.

Получая подзатыльники и шлепки, мы протолкались между ног в центр круга, где важно расхаживал огромный рыжебородый мужик в черной жилетке и красной косоворотке. Тут же лежали три свежих осинового кола и топор. Рыжебородый кого-то поджидал, время от времени вытаскивая за цепочку часы.

Вдруг в центр круга вошел наутюженный офицер. Начищенными до блеска сапогами встал на могильный холмик, поднял правую руку и писклявым голосом прокричал: «Господа! Так будет со всяким коммунистом, со всяким, кто распространяет прокламации. Этот целовальник в подвале своего дома имел печатный станок». Он топнул начищенным сапогом по могилке. Борька дернул меня за рукав и зашептал на ухо: «Этому гаду я чистил сапоги, а деньги за работу не получил. Ходит по покойнику, как по Уфимской улице. Ничего, в следующий раз я ему сапоги валерьянкой вымажу, пусть за ним вместо мамзелей кошки бегают!» Офицер пропичал какие-то угрозы и слез с могилки. Рыжебородый, не торопясь, помолился, сказал: «Ну, с богом!» Поплевал на руки и обухом топора вколочил в могильный холм три осинового кола. Каждый вбитый кол он крестил и засыпал землей, приговаривая: «Чтобы черти не отыскались». Для верности откуда-то прита-

щили огромный камень и положили на могилу.

Вечером все ребята со своих сараюшек и сеновалов пришли спать на наш сеновал. Борька принес мел, на дверях и окнах наставили кресты. Кто-то затеял спор: больно ли было целовальнику, когда заколачивали колья? Мишка Мухач разрешил спор, заявив, что до «сорокового» дня больно, а после «сорокового» душа покидает тело...

Мы жались друг к другу, никто не хотел спать с краю. Уснули, когда на улице заиграл пастуший рожок, защелкал кнут подпaska, замычали коровы и солнечные лучи через щели осветили сеновал.

...Бедные мальчишки, в первый год войны они все ушли добровольцами на фронт и погибли.

На этом история целовальника не кончилась. Спустила много лет из кладбища сделали городской сад. В тихое, летнее время по вечерам в саду играл духовой оркестр, и люди, утомленные работой, открывали окна, слушали музыку. Делалось на душе как-то покойно и хорошо. Я еще днем наводил стрелки на единственных штанах (брюками их назвать было рискованно), мазал зубным порошком брезентовые туфли и ждал первых звуков оркестра.

Дорогой в сад прохожу мимо открытого окна, где за легкой занавеской играет рояль. Я мяукаю три раза. Жду. Выходит Галина. Взвизывая за руки, мы бежим в сад. Я, как истинный джентльмен, на последние деньги покупаю ей входной билет, а сам лезу через забор.

Мы гуляем в саду, тронутым осенью. В глубине сада набредаем на осинки, которые о чем-то переговариваются и время от времени роняют на нас окрашенные «бабьим летом» листочки.

Садимся на большой камень под осинками. Я пытаюсь поцеловать Галку, она говорит: «Ишь ты, какой целовальник». И тут я вспомнил того целовальника, которому в могилу вколочивали осиновые колья. Именно из этих кольев выросли золотые осинки. Сама природа исправляла зло людей.

В ряду крупнейших операций гражданской войны на Восточном фронте была Екатеринбургская, осуществившаяся в июле 1919 года. Тема эта основательно разработана. А вот заключительный этап операции и обстоятельства освобождения центра Уральской области нуждаются в уточнении.

В многотомной «Истории гражданской войны в СССР» сказано: «...Войска 2-й армии подошли к Екатеринбургу и 14 июля вступили в город. Навстречу красноармейцам вышли рабочие с красными флагами». В монографии «Коммунисты Урала в годы гражданской войны» говорится: «247-й полк 28-й дивизии сбил противника с укрепленных позиций у села Решеты и 14 июля в 23 часа 10 минут взял город Екатеринбург». Те же сведения содержатся и во втором издании Большой Советской Энциклопедии.

Но с начала 60-х годов укореняется иная точка зрения. Например, в Советской Исторической энциклопедии сказано так: «Гл. силы 28-й и 21-й стрелк. дивизий фронтальным ударом сломали сопротивление белогвардейцев. 14 июля конная разведка ворвалась на окраины Екатеринбурга, а 15 июля при поддержке подошедших стрелк. частей город был освобожден». В качестве источника были указаны воспоминания А. Г. Лобанова, опубликованные в одном из сборников, а также книга Н. Кондратьева «Начдив Железной Азин», в которой также пересказываются воспоминания Лобанова. В них говорится о лихой атаке 2-го эскадрона 28-го кавалерийского полка под командованием Лобанова утром 15 июля. В уральскую периодическую печать широко вошла практика использования воспоминаний А. Г. Лобанова, несмотря на научные публикации, в которых доказывается несостоятельность этих «воспоминаний». В частности, А. Г. Лобанов летом 1919 года не был командиром эскадрона, каковым себя называет, и не мог совершать подвигов на железнодорожной линии Дружинино — Екатеринбург, ибо этот участок в то время еще не действовал — не был остроен.

Так когда же был освобожден Екатеринбург и какие части в этом непосредственно участвовали?

В оперативной сводке, направленной начальником 28-й стрелковой дивизии В. М. Азиным 15 июля 1919 года командующему 2-й армией В. И. Шорину, сообщалось, что Екатеринбург был занят 2-й бригадой 28-й дивизии в 23 часа 10 минут 14 июля. Те же время и дата значатся в оперативной сводке штаба Реввоенсовета Республики. Подтверждают эти данные журналы боевых действий 28-й и 21-й стрелковых дивизий. Эта же дата — 14 июля — зафиксирована и в приказе Ре-

Когда и Кто ОСВОБОДИЛ ЕКАТЕРИНБУРГ

Иван ПЛОТНИКОВ, доктор исторических наук

волюционного Совета Республики от 8 мая 1920 года в связи с награждением 247-го стрелкового полка 28-й дивизии.

Кроме того, есть немало источников в виде воспоминаний. В публикациях и письмах эту дату подтверждает бывший начальник артиллерии 28-й дивизии А. П. Гундорин. Практически характер документа носит представленная Гундориным фотокарточка В. М. Азина, подаренная ему лично. На ней есть собственноручная дарственная надпись Азина с указанием даты освобождения Екатеринбурга: «14/VII — 23 часа 10 минут 1919 года».

И еще один аргумент: 15 июля 1919 года В. И. Ленин в письме Н. К. Крупской писал: «На фронтах восточных — блестяще. Сегодня узнал о взятии Екатеринбурга». Будь город освобожден 15-го, Ленин написал бы примерно так: «Сегодня взят Екатеринбург».

Можно привести и много других мемуарных свидетельств — участников гражданской войны, подпольщиков, жителей города. При этом следует отметить, что к этому времени город еще не был занят частями Красной Армии и целиком очищен от остатков колчаковцев. Время 23 часа 10 минут названо Азиным с учетом освобождения западных, юго-западных кварталов и центра города, разгрома и пленения основных, в целом немногочисленных сил врага.

Занятие окраинных кварталов, освобождение политзаключенных и стычки с мелкими группами белогвардейцев продолжались и после 11—12 часов ночи. Но фактически Екатеринбург был освобожден Красной Армией к истечению суток 14 июля 1919 года. Версия о прорыве красноармейцев утром 15 июля и освобождении города в этот день совершенно несостоятельна.

Какие же части Красной Армии освободили Екатеринбург?

В районе города колчаковцы сосредоточили крупную группировку. Против нее действовала 2-я армия

Восточного фронта, ее 28-я стрелковая (начдив В. М. Азин) и 21-я стрелковая Пермская (начдив Г. И. Овчинников) дивизии. Разгром вражеской группировки и освобождение Екатеринбурга — это результат действий обеих, а отчасти и 5-й стрелковой дивизий. Наибольшего успеха добилась 28-я. Ее 3-я бригада (командир Крупенников) вышла в тыл врага и перерезала железнодорожный путь между Екатеринбургом и Челябинском. В город вслед за разведкой первым с запада ворвался 247-й стрелковый полк 2-й бригады (командир И. П. Пуринг), а затем части 1-й бригады 21-й дивизии. Об этом говорится в оперативной сводке начдива В. М. Азина, журнале боевых действий 28-й стрелковой, телеграмме В. И. Ленину о взятии Екатеринбурга и многих других документах, хранящихся в Центральном государственном архиве Советской Армии. Важнейшую роль в освобождении Екатеринбурга сыграл, по-видимому, 247-й полк 2-й бригады 28-й дивизии, ибо он в мае 1920 года был особо отмечен в приказе Реввоенсовета Республики. «...14 июля 1919 года под г. Екатеринбургом полк сбил противника с укрепленных позиций у села Решеты на протяжении 50 верст, к вечеру взял г. Екатеринбург, отбил несколько контратак на этот город и прочно закрепил его за нами». За этот подвиг полк был награжден орденом Красного Знамени. А вот 28-й кавалерийский полк, указанные А. Г. Лобановым эскадроны в связи с освобождением Екатеринбурга отмечены не были. Тогда же за боевые успехи был награжден и 250-й стрелковый полк, но он действовал на северо-западных подступах к городу.

Активно участвовала в освобождении города и 21-я стрелковая дивизия. Ее передовые части вступили в Екатеринбург в ночь с 14 на 15 июля — несколько позднее авангардных частей 28-й дивизии, но с разницей лишь в какие-нибудь один-два часа. Поэтому В. И. Шорин в

родному», а заодно умиловить ее вечной выплатой денег за разрешение.

22 мая 1733 года императрица повелела сибирскому губернатору Плещееву «немедленно съестись с генералом лейтенантом Генниним какое то место где селница челобитчики желают и в каком расстоянии от Тобольска и в Российском ли владении... Подлинное известие нашим местам планы и чертежи о том учинив... а для ведома в Комерц коллегию Указ о том из Сената послан а вышеозначенную ево Кузнецова челобитную прилагаеца при сему».

Своевременность постройки города-крепости Чебаркуля подтверждается следующими строками из «Пермской старины»: «Весной 1736 года башкиры напали на деревни вокруг Дамлатова монастыря, разграбили и выжгли несколько деревень... Летом разорена Крутихинская слобода, но крепость уцелела. То же было и с Шадринской слободой. В июле поручику Мамаеву было велено оставить Верхтеченское поселье и передвинуться в крепость Чебаркульскую».

г. Свердловск

ПЕЧКА В СТИЛЕ РОКОКО

Сергей СМИРНОВ,
журналист

В прошлом веке мастерство уральских умельцев чугунного литья славилось во всем мире. В Каслях и Кусе отливали уникальные изделия, получавшие призы на зарубежных выставках. Делали здесь и неброские, но необходимые в ту пору вещи, например, печные дверцы.

В коллекции художника из Томска Г. П. Бурцева собрано более ста печных дверец. Многие из них найдены при сносе ветхих зданий. Какие только стили не отразились в этих скромных, на первый взгляд, изделиях — рококо, барокко, классицизм, Возрождение и ампир... По надписям на дверцах Геннадию Павловичу удалось восстановить имена более десяти неизвестных доселе мастеров чугунного литья из Каслей и Кусы.

Коллекция томского художника участвовала в 67 вернисажах. Теперь она получила постоянную «прописку» — Бурцев подарил ее Челябинскому музею декоративно-прикладного искусства Урала.

г. Челябинск

ПИСЬМА из Ясной Поляны

Юрий МОЛОДЦОВ

Ефим Михайлович Рудометов, старожил Андреевского сельсовета Пермской области, по словам людей, знавших его, был человеком необыкновенным, хотя всю жизнь прожил в этих краях таким же крестьянином, как сотни его земляков. Необыкновенность его состояла в том, что он с ранней молодости, как только научился читать, пристрастился к книгам и за долгую жизнь собрал большую библиотеку. Но поехать в Андреевку больше всего побудило меня сообщение о том, что Рудометов якобы переписывался со Львом Николаевичем Толстым.

С волнением подходил я к небольшой деревушке, раскинувшейся на лесистом косогоре. Было начало семидесятых годов. Конец августа. Стояла богатая сухая погода. В деревне почти никого. Все в поле.

Я остановился у посеревшего от времени плетня. Домишко привалился одним боком к такой же, выдавшей виды, черемухе. Ни листьев, ни ягод на ней не было. Но толстый ствол надежно поддерживал освещенный угол.

Сразу бросились в глаза кучи хвороста у плетня, около осевшей стены, у обожженной солнцем и ветрами бани. И нигде ни одной поленицы из колотых дров. Говорили, что Ефим Михайлович не только переписывался с Толстым, но и был приверженцем его учения, одной из заповедей которого было благоговейное отношение к животному и растительному миру.

Я направился вдоль плетня с намерением отыскать калитку и в эту минуту увидел старика, идущего мне навстречу. В одной руке у него была палка, на которую он опирался, а в другой держал конец веревки с вязанкой хвороста за спиной. На нем была темно-серая рубаха-косоворотка, подпоясанная старым гасником, и такие же штаны. На ногах — резиновые глубокие галоши, перевязанные для прочности и удобства через подошву шнурком. Лицо в крупных морщинах, свидетельствовавших о долгожитии, но цвет кожи, загорелой и словно дубленой, говорил о вполне еще добром здравии. Это подчеркивали живые с голубинкой глаза.

Я поздоровался.

— Здравствуйте, здравствуйте, мил-человек! Вы кого-то ищете?

— Да. Рудометова Ефима Михайловича.

Старик улыбнулся, наклонил голову и, вскинув на меня свои живые, пронизательные глаза, ответил:

— Так ведь это я и есть! А вы из Перми? Из библиотеки?

— Нет. Я из редакции.

— А-а, вон как. А я подумал, опять из библиотеки. Они у меня часто бывают. Я уж им много всяких книг передал. Ну, проходите, мил-человек, гостем будете.

В горнице, куда мы вошли, в переднем углу стоял стол, вдоль стен — лавки. На столе лежала массивная, в кожаном тисненном переплете книга, напечатанная славянским шрифтом.

Продолжая разговор, Ефим Михайлович положил на нее заскорую ладонь, похлопал и сказал:

— Вот чего они у меня каждый раз просят, библиотекаря-то городские. Библия это. Мне вот скоро девяносто будет, а ей раза в два больше. Старая. Сейчас я, можно сказать, ее одну только и читаю. Много мудрости в ней, не одним человеком писана. Пока живой — при мне будет. А помру, пусть тогда берут на хранение.

Он уже суетился у печки, собираясь потчевать гостя чем бог послал. Я не мешал ему и разглядывал убранство дома. Оно было более чем скромным, типичным для толстовца-аскета. На стенах не было ничего. Они сплошь были оклеены газетами. Сначала я не придал этому значения, но, присмотревшись, увидел редчайшую портретную галерею видных партийных и государственных деятелей нашего государства, начиная с XV съезда партии. Газетные вырезки были наклеены в строго хронологическом порядке: от съезда к съезду. В живых из этих людей не было уже почти никого. Такой интерес никак не вязался с толстовством, и удивление, видимо, было написано на моем лице. Ефим Михайлович понял, чем оно было вызвано.

— Толстовец я давно не настаиваю! Так, кое-какие внешние признаки остались. Вся жизнь я привык довольствоваться малым, как

тот древний мудрец, который говорил: «Все мое ношу с собой». И верно. Много ли человеку разумному надо? Быть одетым, сытым да крышу иметь над головой. Все остальное в себе самом.

Ефим Михайлович поставил на стол железную чашку с едой, нарезал хлеба, положил деревянные ложки и, сказав: «Милости просим!», продолжал:

— Вот и еще одна привычка, появившаяся под влиянием Льва Николаевича, осталась на всю жизнь: я не ем мяса. Так что не обессудьте, трапеза моя скромная, вегетарианская.

Блюдо напоминало обычный вишнегрет, но по вкусу во многом превосходило его. Оказывается, Ефим Михайлович, кроме картошки, моркови, свеклы, луку, добавлял еще и отварную редьку, которая и придавала особую остроту и приятный вкус.

— На одну мою «причуду» вы уже обратили внимание,— продолжал он.— Хворост не от толстовства идет, а от рациональности. Я ведь каждый день в лес хожу. В любую погоду, и зимой, и летом. Так не с пустыми же руками возвращаться, вот и собираю старые сухие сучья. Даровое топливо, и горит как порох.

Я нет-нет да бросал взгляды на удивительные стены, с которых смотрела на меня сама История. Старик перехватил мой взгляд.

— Эта наглядная агитация началась в 1927 году. В деревне я самый грамотный был. Мужики по вечерам частенько у меня собирались. Я им читал, рассказывал о новостях. В том году был пятнадцатый съезд партии, с которого началась коллективизация. Мужики об этом гудели с утра до вечера. Да ведь как не гудеть? С испокон веков все единолично жили, а тут на тебе — всех в одну упряжку! Разве простое это дело? Как «Правда» с матерналами съезда пришла, я взял да для наглядности к стенке ее прикрепил, чтобы удобнее рассказывать. С тех пор и пошло...

— Ефим Михайлович,— вклинился я в образованную паузу,— говорят, что будто вы с Толстым переписывались. Правда это?

— Правда. Молодой был, про все знать хотел. Помню, зимой 1909 года прочитал его книгу «В чем моя вера». И так она меня взволновала, что набрался духу и написал письмо. На ответ, конечно, очень не рассчитывал. Доволен был и тем, что душу ему излил, про нашу крестьянскую жизнь рассказал.

Ефим Михайлович встал, подошел к окну, задумчиво, отрешенно посмотрел сквозь оконное стекло, перед которым едва покачивалась на ветру старая ветка почерневшей черемухи, и, повернувшись, весело сказал:

— И что вы думаете? Вдруг однажды почтальон приносит мне письмо. Глянул я, а обратный адрес на нем: «Ясная Поляна». Держу я этот конверт и вымолвить ничего не могу, руки дрожат и строки перед глазами прыгают...

Он подошел к книжному стеллажу, уверенным движением достал с верхней полки книгу, вынул из нее пакет и протянул мне.

— Вот, смотрите.

Развернув пакет, я увидел два больших, пожелтевших от времени листа, исписанных четким каллиграфическим почерком в старой орфографии. В верхнем углу стояло: «Ясная Поляна, 16 апреля 1910 года».

И далее:

«Дорогой Ефим Михайлович! Лев Николаевич поручил мне ответить на Ваше письмо, как человеку близкому ему по взглядам...

По его мнению каждый человек должен работать над самим собой. В самосовершенствовании задача человеческой жизни. Этим же достигается и общее благо: всем может быть лучше только тогда, когда каждый будет стараться жить лучше...

Самая нравственная и самая подходящая для человека жизнь — трудовая. Вы сейчас живете как рабочий, и я думаю, что вам не нужно расставаться с этим положением. Преимущество такого положения в том, что в нем можно находиться со спокойным сознанием, что ты не сидишь на шее у других людей, а кормишься сам, выполняя таким образом заповедь о любви к ближнему. Вся же сложная жизнь так называемых образованных классов есть не истинная жизнь, а только призрак истинной жизни. Она возможна только для праздных людей и основана на порабощении большинства людей-братьев. И стремиться к такой жизни я бы позволил себе Вам не советовать.

Любящий Вас Вал. Булгаков».

Человек, подписавший письмо, Валентин Федорович Булгаков, был личным секретарем Льва Николаевича Толстого. Этот высокообразованный человек глубоко разделял философские и нравственные взгляды писателя, был страстным приверженцем и пропагандистом его учения.

Во втором письме, которое Булгаков тоже писал по поручению Льва Николаевича, он сообщает: «...вместе с этим письмом посылаю Вам книги заказной бандеролью».

Закончив чтение, я задумался. И словно бы ощутил те незримые нити нравственных отношений, которые связывают нас с прошлым, настоящим и будущим. Эти два письма — только маленькие штрихи, которые, как живые свидетели, говорят нам об огромной просвети-

тельской работе Толстого, о его тесной духовной связи с народом...

— Что же, писать про это будете? — спросил Ефим Михайлович.

— Обязательно! Это же история наша...

Солнце уже садилось, и я стал собирать.

— Спасибо за беседу, мил-человек. Заезжайте в другой раз. Буду рад.

При этих словах Ефим Михайлович достал с полки книжку, на обложке которой было написано: «Хьюлетт Джонсон. Христиане и коммунизм».

— Это вам в память о встрече.

Переведенная на русский язык и изданная в Москве в 1957 году, эта книга настоятеля Кентерберийского собора доктора Джонсона, лауреата Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», сразу после выхода в свет стала библиографической редкостью. Я был тронут вниманием мудрого старика и с чувством благодарности пожал ему руку.

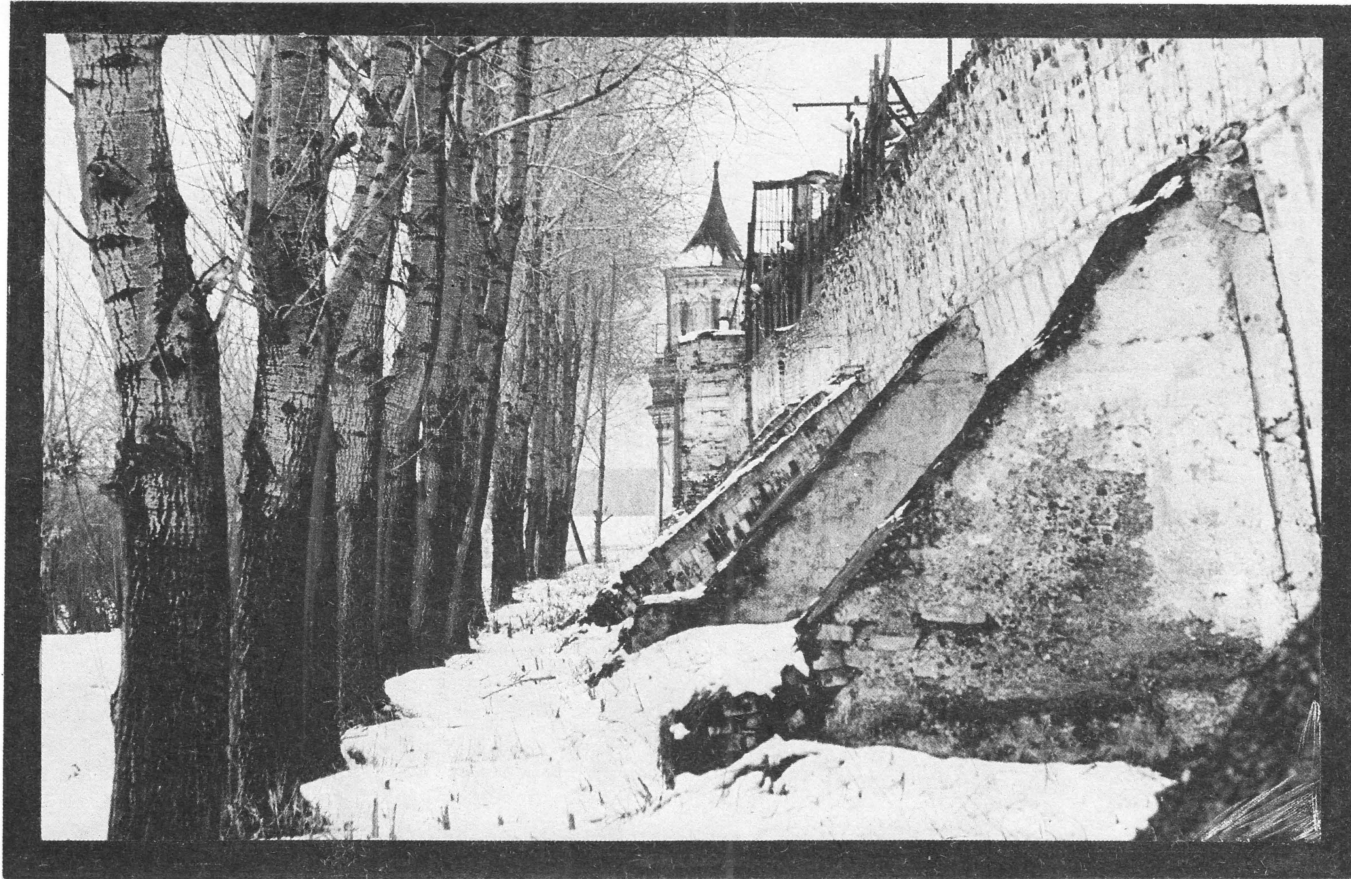
После этого Ефим Михайлович завернул письма из Ясной Поляны в пакет и, вложив их в подаренную книгу, сказал:

— Раз собираетесь писать, то письма эти пригодятся...

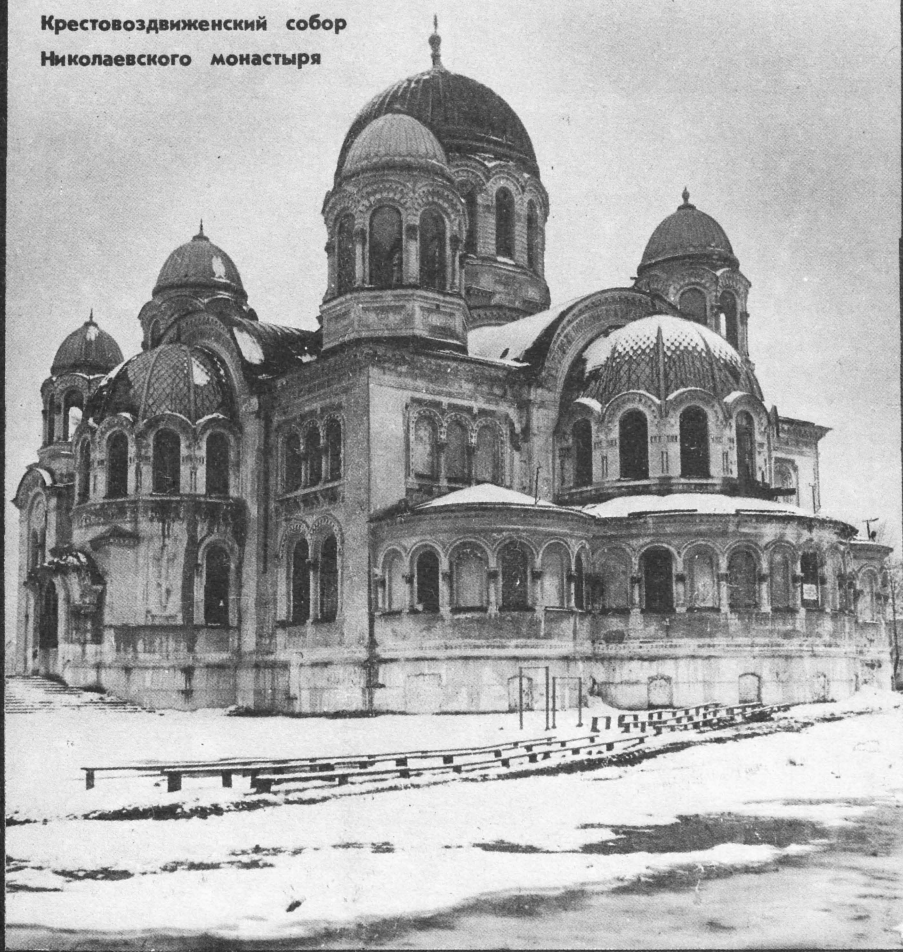
Мы вышли во двор. У калитки еще раз попрощались. У околицы я обернулся. Ефим Михайлович, защищаясь ладонью от заходящего солнца, все еще стоял у калитки и смотрел мне вслед. Я в последний раз помахал ему рукой и стал спускаться с поросшего березами косогора.

Почти двадцать лет прошло со времени моей встречи с Ефимом Михайловичем Рудометовым. Его уже нет. Но память живет в моем сердце. Среди дорогих мне реликвий храню я письма директора Центрального Государственного архива литературы и искусства Н. Б. Волковой: «...Подлинные письма В. Ф. Булгакова Е. М. Рудометову, присланные Вами, приняты на постоянное государственное хранение в ЦГАЛИ и помещены в фонд № 2226 В. Ф. Булгакова. Благодарим Вас за заботу о сохранности документов нашей отечественной культуры».

Прав был Ефим Михайлович, отдавая мне яснополянские письма. Пригодились!

Крестовоздвиженский собор
Николаевского монастыря

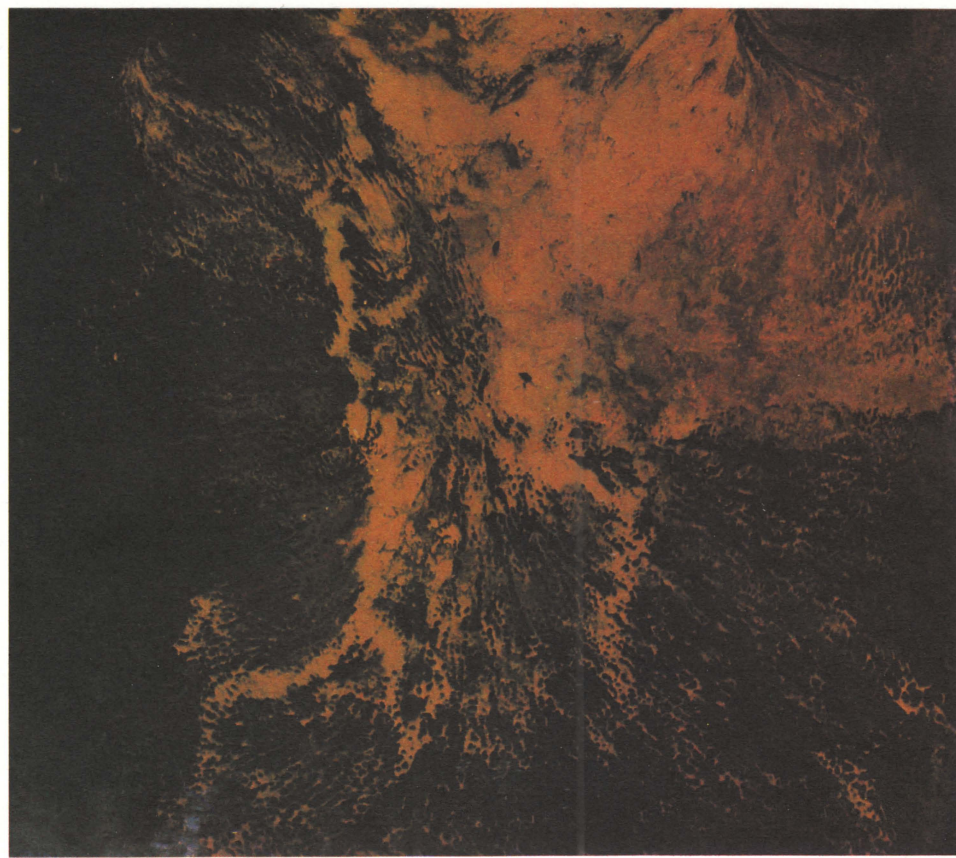

Надвратная церковь и Крестовоздвиженский собор

Девушка и смерть

Энергия

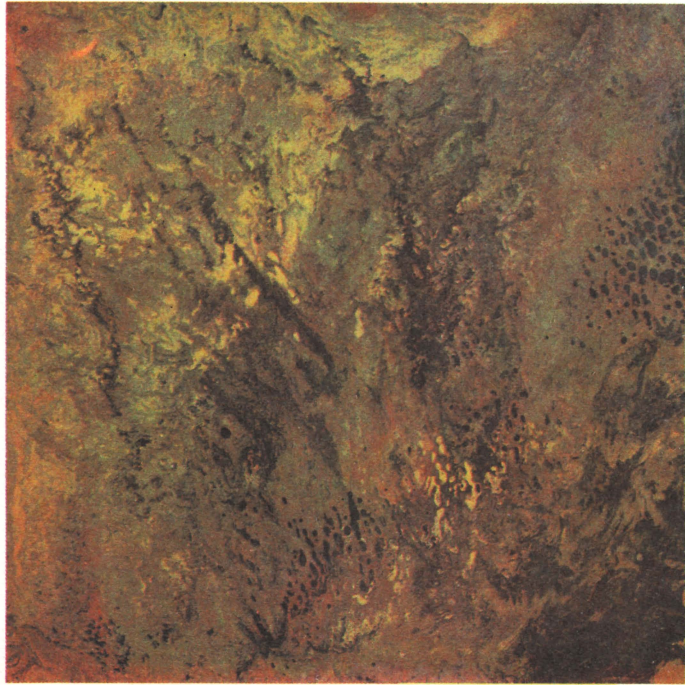
Колдун-гора

Когда цветет папоротник

Осень в горах Крыма

Повесть

Сергей ДРУГАЛЬ

Рис. Дмитрий Литвинова

Профессиональный инженер-наладчик должен обладать выдержкой укротителя, эрудицией психолога и реакцией боксера. Миллионы самопроизвольных связей, возникающих в блоках молемоделей, не поддаются анализу, поэтому поведение новорожденного кибера всегда неожиданно. Невозможно предвидеть, что из него получится: робот-полицейский, кибер для домашних услуг, сварщик-универсал или грузчик-укладчик. Отладка ведется по реакциям на контрольные ситуации, и здесь все зависит от наладчика. Доктор математики, воспитатель дошколят Нури Метти был кибернетиком высочайшего класса и легко, почти машинально выполнял работу, которая давалась Вальду с каждым годом все труднее. Поглядывая сверху на беспокойно снующего в боксе робота, Нури брал на клавиатуре пульта аккорды, одному ему известные сочетания частот влияющих излучений. Повинуясь этой неслышной музыке, кибер замирал, потом возобновлял движение, жесты и походка его теряли угловатость, становились осторожными и расчетливыми. С этого момента Нури начал обучение. Фирма не торопила наладчиков, в среднем на воспитание робота высокого

Продолжение. Начало см. в № 7.

[127] класса затрачивалось десять рабочих дней. Асы справлялись с этой работой за неделю и предъявляли дирекции тихого, исполнительного кибера с нормальными реакциями и ровным характером, кибера, навсегда лишённого агрессивности, незаменимого в быту, имеющего в запасе могучий набор анекдотов, превосходного собеседника, неутомимого слугу и терпеливейшего слушателя. Несмотря на высокую цену, эти автоматы не залеживались, имущие приобретали их охотно: ведь кибер в доме — это так престижно.

Нури работал неспешно, он мог бы отладить кибера за смену, но не хотел привлекать к себе внимания. Он размышлял о деле и о Вальде, который там на берегу выложился весь. Нури, чтобы не выйти из образа, ежевечерне прослушивал запись их разговора. Кажется, банк Харисидиса финансировал обучение Вальда, да, именно. Этот крупнейший банк Джанатии старался облагодетельствовать молодых людей, подающих надежды. Вальд подавал надежды и получил ссуду на весьма льготных условиях.

— Банк поддерживает таких, как вы, Вальд, молодых и со склонностью к технике, — говорил банковский агент. — Техники нам нужны.

Вальд не послушал тогда предостережений Нормана Бекета, своего компаньона по квартире. Норман говорил, что банк закабалает студентов, а потом годами сосет проценты из инженеров. Вообще, во многом прав оказался немногословный товарищ его студенческих лет. Норман готовил себя в космолетчики, электроникой интересовался только в предельном курсе и был славным парнем. На жизнь он подрабатывал журналистикой и здорово разбирался во всяких скучных вещах, вроде истории профсоюзов, в политике и прочем подобном. Их пути разошлись сразу после колледжа. Вальд устроился в фирму, а Норман уехал на стажировку по обмену, который тогда еще практиковался Джанатией. Вальд знал, что Норман был в составе второй венерианской экспедиции, потом работал пилотом на рейсовом транспорте и то ли был уволен, то ли сам ушел, занявшись журналистикой. Года три назад Норман звонил ему, рассказывал, что недавно вышел из тюрьмы, что снова работает в журнале, но Вальд не поддержал разговора. Почему не поддержал? Наверное, они слишком разные — Норман и Вальд.

Надо будет узнать, думал Нури, где сейчас Норман Бекет, это можно поручить Олле, это надо было сделать сразу, а то дни идут, а связи с оппозицией все нет...

Фирма щедро, как показалось сначала Вальду, платила ему, но почти сразу денег стало не хватать. Треть всего, что он зарабатывал, уходила на уплату процентов. Вальд

трудился как одержимый, ему удалось разработать блок взаимопомощи для шахтных роботов, фирма обогатилась, а Вальд расплатился сразу за два курса обучения. Потом умер дед; единственный родственник Вальда оставил ему в наследство ящик кассет по истории религии и десять акций. Вальд продал акции «Кибернетик инк» и погасил ссуду за третий курс. Оставалось не так уж много, но работа выматывала полностью, на вечерние занятия сил не оставалось, не оставалось сил на творчество, а только оно и оплачивается по высшим ставкам. Последние годы он нервничал, злился и с трудом брал себя в руки: расслабиться на работе — это конец. Сильно выручил Тим, проведя операцию с Ферро: был оплачен четвертый курс. И все! Дальнейших перспектив не было. И если ранее заводской психолог диву давался, глядя, как Вальд справляется с контрольными общими и специальными тестами, то в результате очередной проверки Вальд совсем не был уверен. Тесты. Немногие выдерживали проверку: за пять-семь лет работы реакции человека замедлялись, и фирма мягко, без нажима предлагала другую работу. Более легкую, но менее оплачиваемую... Подходит срок платежей, подумал Нури. Трогать кредитную карточку, оставленную Вальдом, не хотелось. Ничего, возьму наличными...

Цеховой мастер, точнее надсмотрщик, казалось, без дела прогуливался по своему узкому помосту, поднятому над боксами; он давно уже поглядывал в сторону Нури.

— Вам сегодня повезло, Вальд? Я говорю, тихий кибер достался!

— Случайность, мастер.

— Счастливая случайность! — мастер нажимом клавиши обездвижил кибера и вызвал кран. — Сегодня и завтра можете быть свободны.

— Спасибо, мастер. Ценю доброту.

— Ладно, ладно. Давайте вашу карту, я отмечу.

Выходя из проходной, Нури увидел в стороне на панели робота-полицейского, который дежурил возле лежащего ничком тела. Рядом стояла аккуратная табличка: «Он не кололся, не пил и не играл. Он умер здоровым». Вверху по фасаду здания бежала, мерцающая, реклама: «И здоровым и больным всем полезен жеватин». Прохожие обтекали убитого и андроида, редко кто замедлял шаг.

С Хогардом Нури связался через спутник из машины, унаследованной от Вальда. Совместить с ее бортовым компьютером мощную рацию для Нури труда не составило. Это было удобно во всех отношениях, спутниковая связь

(128) не пеленговалась и была защищена от преднамеренных помех. Нури пытался одновременно вызвать Олле, но тот не отвечал: то ли не позволяла обстановка, то ли не обратил внимания на тихие сигналы слабенькой рации, вмонтированной в браслет Амитабха. Впрочем, не заметить пульсацию браслета! Придется Хогарду из представительства непрерывно вызывать Олле, надо срочно разобраться с Норманом Бекетом, а если здесь пусто, забыть и искать другие пути выхода на местную оппозицию. Хогард ответил, что фамилия Бекета ему знакома. Может, не мудрить, а просто сделать запрос по информу? Вот и сделай, сейчас сделай. Хогард запросил — и тут же продиктовал Нури ответ:

Норман Бекет, технический колледж, участник второй Венерианской, пилот транспортника регулярной линии Земля — Луна, отличия — пояс космонавта. Сейчас сменный редактор журнала «Феникс», депутат парламента от партии «Гражданское движение за обновление Земли» (чистильщики, зеленые). Адрес... Шифр видео... Подробное досье — в ведомстве охраны прав граждан.

— «Феникс» — единственный в Джанати оппозиционный журнал, — пояснил Хогард. — Надо полагать, с редактора глаз не спускают: язычник. Но повидаться с однокашником — вполне безобидное дело, вряд ли это вызовет подозрения.

— Я увижусь с ним. Посмотрим, что получится... Все. Подъезжаю к дому. Связь окончена.

— Минутку, прими фотографию.

Нури подождал, пока из щели воспроизводящего аппарата выползло цветное стереофото Нормана Бекета, и отключил связь.

Возле коттеджа на псевдогазоне стояла машина, и это Нури сразу не понравилось: визит в неурочное время, когда хозяин заведомо на работе, мог означать одно — усиленную слежку. Где-то он приоткрылся, привлек внимание вездесущего министерства всеобщего успокоения.

— Мир вам, — сказал Нури, входя.

Два агнца рылись в ящиках стола и весьма удивились, увидев Нури. Но не испугались.

— Мы тут аппаратуру проверяем, — пояснил один из них, с громадным животом и в обтягивающем свитере. — Чирикает.

— В мое отсутствие? В столе?

— Ты, парень, не дергайся, посиди пока в сторонке. Паунты, какие есть, положи на стол.

Нури вздохнул с облегчением — мелкий грабеж, черт с ними, пусть берут наличные и уходят.

Агнцы сосчитали банкноты, разложили на две небольшие пачки. Они не спешили, им хо-

телось развлечься. Верзила расположился в кресле за письменным столом. Младший сидел на углу стола, покачивая ногой.

— Хорошо живешь. Старинные вещи, книги. Неужто все прочитал, а? — старший агнец сдвинул со стола пачку книг, она рассыпалась. — Подбери, мысляк. Видишь, непорядок.

— Вы взяли деньги. Прошу, уйдите.

Младший длинно сплюнул на ковер.

— Гляди-ка, разрешил.

Люди, подумал Нури, это ведь тоже люди. Он наклонился за книгой и получил очень точный и крайне болезненный удар ногой в печень. С трудом разогнулся, преодолевая шок оцепенение. Агнцы наблюдали за ним со спокойным любопытством. Нури скрипнул зубами, прогоняя боль. Люди. Агнец, не трогаясь с места, прицелился ногой в пах, не достал и скривился. А лица у них вполне нормальные...

— Ты, мысляк, подойди ближе, — сказал младший. — Я дам тебе урок, чтоб не баловался с аппаратурой. Подойди, говорю.

Нури не знал, что такое унижение, и был потрясен. Мир светлых человеческих отношений, мир, в котором профессия воспитателя самая добрая и считается самой главной, привычный и естественный для Нури мир внезапно рухнул: перед ним были люди, которым доставляло удовольствие причинять боль. Готовясь к операции, Нури не обольщался насчет Джанати. Но одно дело смутные и с долей иронии воспринимаемые предположения о том, что не все люди братья, а другое — такая вот практика, когда человека бьют ради развлечения... Нури не двинулся с места.

Младший агнец лениво оторвался от стола и вдруг с устрашающим воплем — «Йи-х!» — в прыжке выбросил ногу вперед, целя в подбородок. Нури не был бойцом, он даже не предполагал, что сможет поднять руку на человека. Но долгие уроки нинзя выработали в нем автоматическую реакцию на каратэ: неуловимым для взгляда движением он перехватил ногу агнца у лодыжки и носка, когда тот был еще в прыжке, и, откидываясь назад, резко вывернул книзу. С каким-то шлепающим звуком агнец упал лицом и животом на пол и остался лежать недвижим.

Старший был очень тяжел, пол вздрогнул, когда Нури вышиб из-под него кресло. Смерти я им не желаю, подумал Нури. Он бил в полсилы, но удар кулаком в темя выключил верзилу.

Сколько времени прошло, секунда, две? Что я стану говорить своим пацанам? Что реализовал свое право на защиту? Нури стоял над поверженными, ощущая, как уходит гнев и остается в душе пустота. И еще испуг от своего страшного умения.

Олле прибыл, как всегда, к вечеру. Он ходил вокруг, с приятным удивлением разглядывая агнцев. Те сидели на стульях, составленных спинками, касались друг друга затылками и были связаны между собой клейкой лентой. Они не двигались и только временами хрипло просили:

— Убери собаку, хозяин.

— Не уберу, — грубо отвечал Нури из-за стола. Он вертел в руках, листал, изучал и чуть ли не на свет смотрел листы толстого блокнота, который нашелся в куче бумаг, вываленных агнцами из ящиков стола.

— Глядеть на них одно удовольствие, — сказал наконец Олле, занимая привычную позицию в кресле. — Но что ты намерен делать с этими грубиянами?

Нури оторвался от блокнота, невидяще взглянул на Олле, на раскрытый портсигар. Потом взгляд его стал осмысленным.

— Отпущу, конечно. Они теперь будут тихие, воистину агнцы божьи. Да и пес у меня, — он кивнул на чемодан, поставленный посередине комнаты, — свирепый пес, они такого не видели! Если вообще видели в своей хулиганской и пьяной жизни хоть одну собаку.

Нури расклеил агнцев, ногой задвинул в угол чемодан. Агнцы тихо вышли, положив на стол деньги.

— Любите книгу, источник знаний, мерзавцы! — сказал им вслед Нури.

— Ты уверен, что полностью стер прошедшее?

— Э! Тряпки. Никакого сопротивления внушению. У любого из моих дошколят воля сильнее, чем у десятка таких. Ты почему на вызов не отвечал? — Почти полный альбинос Олле был весь в белом, этаким улыбчивый беловолосый гигант с невероятно выразительными глазами, сплошь из жил и мышц состоящий. Нури вздохнул: — Красив до невозможности.

— Положение обязывает. В охране у него все в белом, Джольф может это себе позволить. Недавно меня осматривали сам господин министр общественного спокойствия. Эстет, рафинированный ценитель прекрасного. Я, значит, в белом, Гром, значит, черный: контраст, а? Министр и Джольф давние друзья, взгляды у них, видишь ли, одинаковые. А на вызов, бывает, я сразу отвечать не могу, все время в толпе, на виду.

— Учту, — сказал Нури. — Мы пока в замкнутом круге, но кое-что проясняется. Я сказал — в круге. Это не совсем верно, мы в исходной точке, ведь это Вальд сделал кибера и он же продал его пророку — мы это уже обсуждали, но оставили без внимания. И есть еще депутат Норман Бекет, слышал о таком? Однокашник Вальда, то есть мой однокашник.

Ну, а быть возле Джольфа всегда полезно, мало ли как повернутся обстоятельства. И... позвони сегодня из города по автомату Норману. Может быть, он как раз и связан с опозицией.

Тут Нури задумался. Отрывочной информации, полученной от Вальда, явно не хватало. Что сказать Норману, чтобы явился сюда? Ничего не придумав, он махнул рукой:

— Плохой из меня координатор... А, дай ему адрес и скажи, что Вальд хочет видеть его. Раскроюсь? Ну и пусть, не могу я все время прятаться. И не все же время они пишут разговоры, никаких запасов пленки не хватит.

— Ты чего это? — рассердился Олле. — На тебе все держится, ты единственный так удачно адаптировался. И как вообще ты себе это представлял? Ну, нашу работу здесь?

— Извини, глупость сказал. А работу здесь я никак не представлял. Я воспитатель, я кибернетик, я механист-фаунист. В резиденты не гожусь. — Нури вздохнул. — Ну а кто резидентом родился, нет таких.

Олле долго молчал, жалея задерганного заботами Нури.

— Ладно. С Норманом Бекетом я сам свяжусь.

— Каким образом?

— Самым естественным. Прямо от тебя поеду к нему, адрес есть.

— Не поверишь, — Нури засмеялся с горечью. — Такое мне просто в голову не пришло, все какие-то обходные пути ищут.

Нури проводил Олле до его двухместной машины с могучим дизелем, магнитоприемником и сверхмощным фильтром. В сумерках неподалеку маячили бездомные ночлежники в своих респираторах. Они устраивались на обочинах энергетического шоссе и совсем не замечали ни Нури с Олле, ни роскошной машины.

— Миллионеры, — голос Олле был полон недоумения. — Ты знаешь, их так и зовут, каждый мечтает иметь миллион.

— Люди, — сказал Нури.

Дом Вальда был расположен за городом, примерно в получасе езды, в ряду других отдельно стоящих коттеджей. Бродяги всегда старательно обходили дома, они если и попросайничали, то редко и деликатно, особого беспокойства не причиняли. Странные люди, они возникали в сумерках и исчезали утром, оставляя на обочинах для автоуборщиков пустые пластиковые пакеты от завтраков и респираторы с дешевыми угольными фильтрами. Завтраки и респираторы разбрасывали с вертолетов лихие молодцы в униформе. При этом с неба громоподобно звучало:

— Господин Харисидис угощает! Папаша

Харисидис угощает! Ешьте и не теряйте надежды, пророк молится за вас!

Нури просыпался под эти вопли, а когда выезжал из дома, на автостраде уже было пусто, видимо, бродяги превращались в обычных прохожих. Во всяком случае Нури так и не научился различать их в толпе.

— Господин обеспечен? — во мраке оформился человек, на груди его светился кленовый лист.

— Слушаю вас.

— Умер бог реки. Пожертвуйте на похороны.

— Конечно, — сказал Нури, протягивая банкноту.

Человек надвинул маску, исчез. От реки, вспыхивающей болотными огнями, доносилось заунывным речитативом:

Гладь реки горит,
в мире смрад и дым.
Бог реки убит.
Горе нам, слепым!

Нури вернулся в кабинет. В кресле, покинутом Олле, сидел, приятно осклабясь, порченный жизнью старик. Гладко выбритый, в модном полосатом костюме. Маска с плоским баллончиком лежала на подлокотнике.

— Что-то вы поздно домой возвращаетесь, Вальд. И замок сломан. Поставьте новый.

Нури вздохнул, воистину — день визитов. Он прокрутил в памяти историю Вальда. Тот вроде бы упоминал какого-то старика.

— Что вы думаете об этом, Вальд?

— Э, о чем именно? — Нури пригладился. Старик, похоже, безобидный, не грозит, не иродствует. Пришел и сидит смирно.

— Ну, об этом: я вижу землю, свободную от человека, вместилища греха и порока... Ведь вы, конечно, с вечерней проповеди? Что еще выкинул ваш кроткий Ферро?

Так, что-то проясняется. Не тот ли это старик, который помог Вальду сбить пророку самодельного кибера?

— Ничего я об этом не думаю. И не впутывайте меня. Плевал я на пророка, на божьих баранов...

— Агнцев, Вальд.

— ...на божьих баранов и на вашего кибера.

— Вашего, Вальд.

— К черту! Что вам нужно от меня?

— Ничего, Вальд, — грустно сказал старик. — Был сейчас мимоходом в местном приходе, два агнца вернулись от вас перекошенные и ничего не говорят, только бормочут про какую-то собаку. Какая в Джанатии может быть собака? Не хочу вам неприятностей, зашел узнать, появился предлог навестить вас. А если по правде, Вальд, просто я тоскую.

Знаете, такое ощущение, будто мне кто-то должен и не отдает, а истребовать я не могу. Противный вкус ругательства, которое не произнес. Вам это знакомо? Нет, конечно, держу пари, вы ни разу не нарушили ни восьмой, ни десятой заповедей. Это при такой-то импозантной внешности! С точки зрения утилизации морали вы пустое место, как, впрочем, каждый порядочный человек, а сколько я их видел — и десятка не насчитаю. У меня непривычное состояние, Вальд. Похоже на угрызения совести. Я, Тимоти Слэнг, и угрызения! Смешно, но это так. Когда я шантажировал блудных мужей, когда поставлял нераскаявшихся алкоголиков сумасшедшим старухам из общества дев-воительниц, меня не мучила совесть. Когда я прижал дантиста Зебрера, который вместо золота использовал некий декоративный желтый металл, и получил от него сотню паунтов в обмен на молчание — мне было легко и спокойно. Я кормился за счет собственной совести, а укажите мне того, Вальд, кто ни разу не пошел на выгодную сделку с ней. Любая карьера, административная или политическая, — это толстая цепь сделок с совестью, стыдливо именуемых компромиссами. Поймите меня правильно, я шантажировал личность. Возможно, с вашей точки зрения это гнусно, но меня это не тревожило. В конечном счете каждый нарушитель морали допускает возможность шантажа как формы расплаты за грех — улавливаете мысль? Локальный шантаж для меня внутренне приемлем. Но сейчас мне не по себе, я взволнован, меня возмущают масштабы аферы! И хотя это делается вполне квалифицированно, мне противно, во мне восстает совесть профессионала, знающего пределы допустимого в деликатном деле морального вымогательства...

Старик замолчал. Он печально моргал темными веками и долго смотрел на Нури. Память наконец сработала: Тимоти Слэнг, неудавшийся домушник, беспомощный вымогатель, бездарный бизнесмен. Подумать, какие заботы одолевают.

Слэнг поднялся, опираясь на подлокотники, он горбился, новый пиджак нелепо топорщился на выступающих лопатках.

— А вы изменились, Вальд. От вас, прирожденного конформиста, веет таким непокорством. Или мне только кажется? Вы стали выписывать газеты? — он не ждал ответов и задавал все новые вопросы. — Ваши микрофоны и видео всегда на контроле, и оператор жалуется, что часто что-то чирикает. Зачем вам это нужно, эти помехи здоровому любопытству надзорных органов? Или у вас есть что скрывать, появилось? Нет, портсигар вы не закрывайте, сейчас как раз пусть чирикает. Не удивляйтесь, я в этих делах эксперт, как

там что устроено, не знаю, а по части применения — дока. Насчет собаки: вы раздобыли гипнотическую машинку? Не отвечайте, зачем мне знать. Ах, Вальд, я вижу, что посеял вселенское зло, уговорив вас продать кибера этому попу. Можно, конечно, оправдаться, дескать, человек не в состоянии предвидеть последствий своих поступков, как говорит Ферро, прости им, господи, они не ведают, что творят. Но я-то ведь догадывался, что из этого может получиться.

— Бросьте, Слэнг. Предвидеть этого вы не могли, как не можете и помешать тому, что происходит.

— Труслив я, Вальд. И слаб и мерзок самому себе, — старик замолчал, словно споткнулся. Он долго сморкался в дорогой льняной платок. — Мне нечего вспомнить, я ничего не сделал, о чем следовало бы помнить. И уже ничего не смогу сделать.

— Как знать, — сказал Нури. — Сколь искренне ваше желание загладить зло содеянное?

Тим долго смотрел в переносицу Нури, жевал губами, мешочки на его лице беспорядочно двигались. Он слабо усмехнулся:

— Что мы можем? Там такие силы, что вы и представить не в состоянии. Вот поговорим, душу отведем — и то хорошо. Не нам с вами, Вальд, лезть в такие дела. Уж кому и знать, как не мне.

— Это ново, — сказал наугад Нури. — У вас что, связи с премьер-министром?

— Хуже. Я уже год работаю в синдикате консультантом по рэкету. Ничего интересного. Но бываю в курсе кое-каких дел, поскольку синдикат в особо важных случаях... ну, консультирует, в общем, правительство. Вот и закон о контроле над частными разговорами, разумеется, не мог быть подготовлен без нашего участия. Хотя, понятно, обошлись без меня, младшего консультанта.

— Н-да, я вижу, вы многому научились в синдикате.

— Во всяком случае, я понял, что в нашем деле в одиночку не прожить. Но, видит бог, если бы я не растратил так глупо деньги, полученные за Ферро, и ноги моей не было бы в синдикате. Настоящего злодея из меня уже не получится, а когда я вижу костолома-анатома, просто воротит. Весь род человеческий состоит из мерзавцев, это непереносимо. В ампула стража морали как-то легче было, попадались иногда стоящие люди, а теперь нет. Но оставим это. Одной ногой я уже на той стороне, пора о душе подумать.

— И я о том же. С чистильщиками мне не по пути, узнают в фирме — вылечу в тот же день. Но и выносить в бездействии все это я не могу... Есть такой, как его, Норман Бекет, слышали?

— Минутку. Если мне не изменяет память, он числится в нашей картотеке. Это не из «Феникса» ли?

— Возможно.

— Зеленый, а может, и красный из «Феникса». Помню, как же. Господин министр общественного спокойствия просили недавно, я краем уха слышал, провести акцию против журнала. Что-то мы там то ли подожгли, то ли взорвали: мелкие услуги правительству... Норман Бекет... вам это нужно?

Тим подошел вплотную, долго смотрел в глаза Нури, вытирая слезы. Отошел, угнездил-ся в кресле и грустно констатировал:

— Вы не Вальд.

— Так-то вот.— Нури обреченно задумался.— Входишь в образ, можно сказать, акклиматизируешься, все тебя принимают за Вальда, а потом приходит некто Слэнг и говорит: ты не Вальд. Вот именно, я не Вальд, я с материка. И я враг того, что здесь происходит. Если вас интересует, Вальд жив и здоров. Я взял его имя и облик на время, Тимоти Слэнг...

Слэнг молчал, глядел в сторону, мешочки на лице застыли. Нури усмехнулся.

— Зря вы так, со мной возможность шан-тажа исключается. Да и незачем.— Он положил на подлокотник кресла толстую пачку банкнот.— Здесь гораздо больше, чем вы сможете заработать в синдикате до конца дней своих. А нам нужна информация о синдикате и прочем. Вся. Естественно, та, которая доступна вам. О душе думайте, Слэнг.

Тим взвесил пачку на руке, отделил меньшую часть, сунул во внутренний карман, остальное положил на стол.

— Сегодня они воют как-то по-особому. Хоть бы дождь пошел, разогнал... хотя, с другой стороны, река-то опять горит. Знаете, Вальд, я уж так и буду звать вас, знаете, Вальд, я заметил, что с годами мой моральный уровень становится все выше, а соблазнов для меня, э-э, все меньше. Наступил этакий внутренний покой, проще — гормоны меня больше не беспокоят, и в этом есть своя прелесть. Мне бы список вопросов, когда есть список, работать легче... Я с вами свяжусь. Говорят, вчера на помойке собаку видели... Пойду на берег, повою...

Зеленый квадрат — сто на сто метров — был огорожен тонкими неошкуренными сосновыми стволами, продольно закрепленными на низких столбах. Олле погладил шершавую кору, вдохнул запах живицы: местами на дереве выступала смола, уже побелевшая на солнце. К квадрату примыкало помещение с хищниками и открытый загон с табунком разноцветных пони.

Олле долго любовался почти игрушечными лошадками, ощущая на сердце беспокойную радость от встречи с ними. Он подумал о своем золотом коне, оставшемся дома, и услышал, как шумно вздохнул Гром. Пес тоже тосковал по дому, по простору и лесу, по детскому запаху и не понимал старшего, который привез его в духоту и ужас здешних городов. Пес не знал покоя, постоянно чувствуя ту струну, что была натянута в душе Олле, и ощущая опасность, грозящую Олле со всех сторон от странных, всегда почему-то злых людей. Вот этот, идущий с Олле, тоже зол и насторожен. Охранники всегда ходили парой, следить одному за другим входило в их обязанности.

— Я пристрелю твоего пса, если он будет показывать мне клыки. И тебя тоже...

Он не договорил, даже пес не уловил движения Олле: охранник словно споткнулся, скорчился на оранжевом песке дорожки.

— Дурак, смерти ищешь! — звучно сказал Олле и забросил в кусты кобуру с пистолетом, с куском пиджака выдернутую из-под мышки охранника. Гром ощерился, его клыки коснулись лица охранника, и тот тонко завизжал.

— Фу, Гром!.. А ты, недоумок, если снова вздумаешь мне угрожать...

— Что вы, шеф! Разве я сам, я бы не осмелился...

На черной шерсти Грома мелькнул красноватый отблеск. Олле отвернулся, конечно, еще одна проверка, что они все проверяют? Вон и Гром, добрейший пес, ласковый, как щенок, научился на людей зубы скалить, кто бы поверил. Олле подозвал собаку и продолжил обход. У каждого работника внутренней охраны свой маршрут, своя зона ответственности. Они прошли под резным деревянным навесом, идущим вдоль ближней к дворцу стороны ограды. Под навесом в один ряд стояли высокие кресла, накрытые шуршащими холщовыми чехлами.

Неподалеку на лужайке уже сияли белизной скатертей столики и столы. Звенели хрусталем и золотом приборов слуги в черном, на дорожках уже были разбросаны влажные бутоны роз без стеблей. Фонтаны — не струи, а бесшумные туманы в синих искрах разрядов — висели над цветочными клумбами, исходя прохладой и свежестью. Какая странная судьба изобретения Нури, ведь это он придумал шаровой сгусток капель, взвешенных в электростатическом поле, а здесь они украшают жилища богачей... Рядом с фонтанами высились массивные конусы из прорезного серебра, прикрывающие терминалы кислородного завода, который обслуживал резиденцию Джольфа-4. Над конусами роились гро-

мадные черные и изумрудные бабочки, эти живые цветы, и Олле подумались, что даже в лесном массиве ИРП он не видел такого количества бабочек в одном месте.

От дворца в парк широкими ступенями розового, в темных разводах родонита спускалась лестница парадного входа. От лестницы двумя полосами живых самшитовых изгородей начинался этот парк, уходящий вдаль террасами и холмами, с озерами и речкой, медленно текущей и образующей маленькие водопады и зеркальные заводи. Ивы и ракиты, растущие по берегам, купали ветви в прозрачной воде. Эта гармония для Олле была привычной: повсюду на планете возрождались вырубленные предками леса, очищались воды, оживлялись и заселялись омертвевшие от химикатов реки, а ИРП все больше зверья выпускал на волю, ибо что за лес без зверя или река без рыбы. Программа «Возрождение» уже давала результаты. Везде. Кроме Джанатии. И здесь, в этой благодати, невозможно было представить, что рядом в считанных километрах люди живут в отравленной атмосфере и реки горят, и энергетические магистрали усеяны телами бездомных...

Они прошли по бесконечной анфиладе комнат, приготовленных к приему гостей. Олле привычно дивился какой-то нежилой нечеловеческой роскоши обстановки и убранства. Казалось, этот и предыдущие Джольфы умудрились ограбить лучшие музеи Земли и стащить награбленное к себе в гнездо. Олле знал, что и должность и дворец Джольф-4 унаследовал от третьего и что объединенное человечество научилось защищать себя от Джольфов, потому злодействовать они могли только в пределах Джанатии, а много ли с нее возьмешь. Видимо, много, если умеючи брать. По служебному ходу они прошли в диспетчерскую. По пути Гром обрычал литую из чугуна мерзопакостную скульптуру «Спазм». У входа в покои Джольфа было целых два «Спазма», хотя в парадной части дворца они отсутствовали.

В диспетчерской перед иконостасом экранов всех видов наблюдения и защиты сидели двое — дежурный анатом от Джольфа и офицер охраны премьер-министра. Они с демонстративным любопытством оглядели Олле и собаку, переглянулись.

— За что ты его там? — спросил офицер.

Олле пожал плечами:

— Угрожал.

На центральном экране были видны подъезжающие лимузины гостей, невозможно импозантный дворецкий, застывшие в картинных позах функционеры синдиката и суетящиеся слуги. Дважды на экране появлялся сам Джольф-4, он лично встречал пророка и премьер-мини-

стра по ту сторону ворот. Резиденцию Джольфа отделяла от мира высокая гранитная стена, а ворота были врезаны в массивную приземистую башню. Когда-то вся эта фортификация могла играть защитную роль, а теперь выполняла чисто декоративные функции, в защите Джольф-4 полностью полагался на автоматику. — Значит, если я тебе стану угрожать?..

Офицер был могуч, под два метра, естественно развитые широчайшие мышцы спины, гипертрофированные бицепсы... и выучка чувствуется, это тебе не рыхлый перекормленный агнец. И взгляд наблюдающий, человеческий взгляд, хотелось улыбнуться навстречу ему. Олле сделал усилие:

— Не советую. Я-тебе-не-советую!

Его взор потерял осмысленность, он смотрел в переносицу офицеру пустыми глазами. После паузы тот принужденно рассмеялся:

— По-моему, вам пора идти, Олле.

— Да, благодарю вас. Пойдем, Гром.

— Ваш шеф умеет подбирать себе монстров, — сказал офицер, когда они вышли.

— Ваш тоже, — усмехнулся дежурный.

Святые дриады, неужели только злая сила вызывает у них уважение, думал Олле. Миллионы книг написаны о добре и любви, благородстве и сострадании, но разве они читают книги, зачем им книги. Странная жизнь в странных заботах ни о чем существенном, жизнь без просвета. Или мне это только кажется, а каждый видит цель: приобщиться к власти, к богатству, получить возможность унижать окружающих безопасным хамством или, хуже того, покровительством. Иметь тот самый миллион, о котором так часто говорит банкир Харисидис, и тогда можно владеть тем, что недоступно другим, что вызывает зависть. А что? Зависть окружающих — признание успеха, для маленькой души это большой стимул к деятельности. Зависть порождает агрессивность, обуславливает утверждение собственной значимости через унижение слабого, зависимого. Люди, как говорит Нури, люди, что вы с собой делаете! Мне, конечно, легче, я привык с животными. Но сохранять маску воинствующего лоботряса, сохранять независимость ежедневными драками, как сохраняет лидерство вожак в обезьяньем питомнике, — противно. Видели бы меня — озабоченного, вечно хмурого, драчливого и вздорного супермена — мои друзья, кто бы из них поверил! Что, собственно, сделал этот дурак охранник, что я так остро реагировал? Ну, велели ему спровоцировать драку, может быть, чистейший в помыслах, тьфу, Джольф-4 хотел угостить пикантным зрелищем гостей? Видимо, так и есть.

А до чего быстро я вошел в роль. Нури все же не может привыкнуть к массовому озверению, к нравственному запустению. Или нет,

134
«Аэлита»-89

это только верхний слой, это дерьмо видимое, ибо оно всегда плавают на поверхности. А люди, как говорит Нури, люди остаются людьми, и человеческое из них не вытравить. Может быть, но только не здесь, не в окружении Джольфа-4.

Олле взглянул на часы, по расписанию уже пора было в зал приемов, Джольф-4 любил появляться в сопровождении охранников рослых и красивых.

Олле занял свое место в свите. Джольф-4, а лет ему было около шестидесяти, среднего роста, спортивный, улыбчивый и обаятельный, с бокалом в руке обходил гостей, для каждого находя слово. Здесь все были свои, все знакомы, и никто не обратил внимания, когда премьер-министр, пророк Джон, генерал Баргис и сам Джольф-4 скрылись за малоприметной дубовой дверью служебного помещения. По обе стороны ее картинно вытянулись Олле и знакомый уже ему офицер охраны премьера. Браслет на опущенной левой руке Олле прижал к стене.

В зале лакеи разносили напитки, лавируя между избранниками, — они группировались по трое-четверо, мужчины не моложе сорока и женщины не старше тридцати. Приглушенный шум разговоров заполнял зал. Лица мужчин были схожи общим выражением интимно информированных чиновников.

Избранные, думал Олле, из чего избранные? Для каких дел избранные? Ему было скучно наблюдать за ними, прислушиваться к разговорам, надеясь поймать ниточку, за которую можно было бы зацепиться и выйти... на что? Информация, которой он снабжает Нури, мало отличается от того, что дает Слэнг. О том, что синдикат сотрудничает с верхушкой полиции и кое с кем из правительства, известно каждому. Может быть, сегодня повезет: впервые Олле воочию увидел всех этих деятелей в одном гнезде. Альянс уже не скрывают!

Олле рассматривал зал с овальным потолком, выложенным золотыми плитками с бирюзой и шпинелью. Это сочетание прозрачно-красных камней с голубой россыпью по золоту поражало воображение. На стенах розового мрамора были развешаны портреты предшественников Джольфа-4, из них только последний умер своей смертью. Пол украшала мозаика из драгоценных пород дерева, повсюду расставлены многочисленные кресла и диваны.

Джольф-4 вышел об руку с пророком, обаятельно улыбаясь. Олле двигался следом в двух шагах, мысленно поторапливая его: беседа закончена, Нури всегда на связи, пора начать трансляцию совещания, но сделать это можно только под открытым небом — передатчик, вмонтированный в браслет, слишком маломощен, чтобы вести трансляцию из экранированного золотом дворца. Джольф-4 иног-

да останавливался, клал руки на плечи когонибудь из молодых гостей и проникновенно смотрел в глаза.

— Я тот самый винтик, — задышался от преданности ошастливленный вниманием, — в ком вы, шеф, чистейший в помыслах, можете быть уверенным.

Джольф-4 кивал — верю — и, скорбя от необходимости исполнять роль хозяина, перешел к другому гостю. «Тот самый винтик» смотрел ему вслед просветленно.

Гости то рокошущими, то щебечущими группками двигались по анфиладе комнат. Джольф-4, сдерживая усмешку, слушал восторженные возгласы гостей, застывающих возле открытых витрин, где на черном бархате были выложены камни и камни.

Олле был равнодушен к красоте камней. Он, Олле, разбирается в животных, камни — хобби воспитателя Хогарда, он же знаменитый спелеолог, он же торговый советник. Олле вздрогнул. Хогард в свите премьер-министра пребывал неподалеку, улыбчивый, вежливый и равнодушный. Гром огляделся, вильнул хвостом. Олле положил руку ему на голову — не надо, здесь Хогард чужой. Чистокровный дог, мутант в первом поколении, огромный, покрытый блестящим непроницаемым черным мехом, Гром снова послушно двигался рядом, мелко переступая на толстых, как у тигра, лапах и сдерживая жажду движения. Взгляды гостей останавливались на этом звере, казалось, едва укрошенном.

Спускаясь по родонитовой лестнице, Олле коснулся большим пальцем основания мизинца и тем самым включил передатчик. Тридцать минут — трансляция ведется в реальном времени, — и запись тайных переговоров будет в распоряжении Нури. Только вот что он с этим материалом делать будет...

Места за столами были расписаны. Пророк Джон прочел краткую молитву, благословил трапезу и закончил цитатой из Екклезиаста. «И похвалил я веселие, потому что нет лучшего для человека под солнцем, как есть, пить и веселиться: это сопровождает его в трудах во дни жизни его». Гостей, похоже, бог аппетитом не обидел, едят как не в себя. Хотя, с другой стороны, у Джольфа-4 еда и напитки без примеси синтетики. А здоровый мужик пророк, премьер же мелковат, но бодрится и спину держит.

Ложа, скорее возвышение, крытое пестрыми шкурами; в креслах за круглым столом с напитками Джольф-4, генерал Баргис, премьер-министр и пророк. Гости, в основном мужчины, пониже на траве двумя дугами за столиками, сколько их здесь, сотни две будет? И охраны не менее тридцати лбов. Ничего себе, компания. Олле отмечал все это, думая об

одном: еще пятнадцать минут, и трансляция будет закончена... Хогард тоже под навесом для почетных гостей, вертит двустволку, хрупкую в его громадных ладонях, рассматривает поблескивающее бриллиантами цевье и, похоже, прячет растерянность. Ну да, слуги вручали ружья каждому гостю.

Джольф взял в руки старинный инкрустированный золотом мегафон: ружья — его подарок мужчинам... Конечно, охоты больше нет, такие времена. Но для дорогих гостей и соратников... Он, Джольф, обеспечивает возможность показать свое искусство в стрельбе по живой цели, экзотическое развлечение, не правда ли? Патроны розданы...

Где, в каком зоопарке был похищен пятнистый хищник, или у Джольфа есть собственный зоопарк, не учтенный в регистре Совета экологов?

Цепь скользила по тросу, и зверь мог двигаться вдоль него. Леопард сначала прижался к сетчатой ограде загона, шипя и скалясь. Электрический удар отбросил его от ограды. Кто-то засмеялся в тишине:

— Шеф, я уложу его!

Хлестнул выстрел. Зверь метнулся в сторону и упал, опрокинутой цепью, вскочил и молча кинулся к стрелявшему. Почти в упор грянули выстрелы и остановили зверя. Шипя и кашля кровью, он еще несколько минут, расстреливаемый с двух сторон, метался на своей привязи, пока не упал бездыханный. Страшно рыкнул Гром и тонко заскулил, почуяв на голове руку Олле.

— Пластиковые пули, — пояснил Джольф и повернулся к пророку. — Иначе никакого удовольствия. Но вы, отец мой, не стали стрелять.

— Не убий! Шестая заповедь.

— Не первая? — Джольф-4 улыбнулся стылой улыбкой. — Мне тоже, знаете, вид крови неприятен.

Премьер-министр облизнул губы.

— Ерунда! — генерал переломил ружье, вложил патроны. — Охота — занятие для настоящих мужчин. Не для постников и трезвенников, не про вас будет сказано, святой отец.

Что ты знаешь об охоте, жирный скот, мельком подумал Олле, взгляд его был неподвижен, на лице замерло отвращение, он не умел, да и не желал скрывать свое отношение к происходящему. Люди! Не лучшие представители рода человеческого собрались здесь у Джольфа, но разве можно было вообразить столь густую концентрацию подонков. Они находят удовольствие в убийстве. Поразительно, они не испытывают неловкости один перед другим. Олле, охотник Олле никогда не пользовался оружием, хотя отловил десятки хищников из тех, что уцелели в горах и пустынях и неминуемо должны были погибнуть, если их не пе-

реселить в какой-нибудь из лесных массивов ИРП. Метод Олле был прост: выследил, догнал, связал. Сеть — на крайний случай. Стрелять в беззащитного — это повергло Олле в смятение, казалось противоестественным.

За оградой труп леопарда утащили в загон. Пони, напуганные выстрелами и запахом крови, сбились стайкой в углу. Джольф взял мегафон.

— Друзья, чем мне порадовать вас? Такой вопрос я задал себе, готовя этот дорогой для меня праздник, эти именины сердца. Уверен, хе, что угожу всем. Сейчас каждый может убить пони. Заряжайте свои ружья, развлекайтесь...

Под резкое щелканье бичей пони выбежали в загон, озираясь и не понимая, чего хотят от них люди.

— Стреляйте, стреляйте! Каждый может убить пони! — в голосе Джольфа слышались высокие нотки. — Стреляйте!

Гремели выстрелы и страшно, тонко кричали лошади. Они металась в загоне, шараясь от ударов пуль, падая и снова поднимаясь. Генерал из ложи палил беспрепятственно, и Джольф-4 дергался при каждом его выстреле. Премьер спрятал лицо в ладонях. Повернувшись к нему, что-то неслышное говорил Хогард, на лице у него застыла улыбка, и медленно скручивались стволы ружья в его руках.

— Почему ты не стреляешь? — Олле впервые увидел, что глаза у Джольфа белые и пустые. — Стреляй, как они стреляют!

Тут Олле усмехнулся, и Джольф замолчал на полуслове. Много дней спустя Хогард рассказывал, как все произошло, как рев пса и странный, никогда не слышанный крик Олле заглушил выстрелы. Взлетел, сбивая Джольфа своим телом, ошеломленный охранник, и еще он катился по полу, а два смерча, белый и черный, поразили половину дуги — и здесь, на этом фланге, перестали стрелять. Слуга с подносом двигался по дорожке к гостям, когда Олле остановился на мгновение и огляделся. Он бешено скалился.

— Я покажу вам охоту, паскудники!

Олле действовал в невозможном темпе, но и выучка генерала сказала. Еще дымились изломанные ружья на траве, и только начинали шевелиться поверженные стрелки, слышно было, как в зубах пса хрустнула рука охранника, выдернувшего пистолет, когда генерал Баргис выстрелил, почти не целясь. Олле машинально тронул плечо и сморщился, удар пластиковой пули был резок и болезнен. Генерал не успел перезарядить ружье, в два немыслимых прыжка его достиг Гром и опрокинул, и, расстреливаемый охраной в упор, не успел дотянуться до его горла. Охрана уже

пришла в себя, и десяток стволов глянул в лицо Олле.

— Этого живым! — взвизгнул Джольф. — Живым!

Олле пробивался к трибуне, где смолкло рычание пса и шевелилась между кресел расплзающаяся масса. На него навалились подручные и анатомы и отхлынули, и четверо остались лежать, хватая ртами воздух. Волоча на себе кучу тел, он добрел до собаки, стряхнул охранников и опустился на пол рядом с Громом.

Олле раскрылся. По-моему, он весь этот месяц общения с Джольфом и его присными мечтал учинить нечто подобное.

Вот это — убить пони — застало врасплох и Олле, и меня. А когда лошади закричали, когда начался расстрел, весь этот ужас стрельбы по живому... но у меня не было мысли как-то соотносить это с людьми. До меня еще не дошло, что стреляли люди, мы ведь в принципе не могли представить подобное, да и кто мог? Олле уже был пропитан ненавистью к этим человекообразным, и реакцию его я считаю нормальной. Точнее, единственно возможной... да. Олле шарил руками по телу собаки, как слепой, я не видел его лица. И тут зачмокало, знаете, такие маленькие гранатки, Олле накрыло желтое облако, и он свалился, прикрывая собой Грома. Потом его уволокли куда-то, и тут я увидел, что учинил наш застенчивый Олле за какую-то минуту. На том фланге, где действовали Олле и Гром, никто из гостей не ушел самостоятельно, функционеры из охраны, до кого дотянулся Олле, надолго потеряли дееспособность. Стонущего генерала унесли на носилках.

— Ну спасибо, ну порадовали! — сказал розовый от возбуждения пророк Джон.

Нури задумал невозможное. Обнаруженный им блокнот содержал фрагменты программ самособучающегося домашнего робота, их составил Вальд, когда работал над своим кибером. Еще там, на берегу, Вальд говорил, что у него с кибером двусторонняя связь; значит, сделал вывод Нури, в принципе возможна переналадка, точнее, корректировка части программ. Если удастся понудить Ферро записывать, а затем транслировать разговоры, ведущиеся в штаб-квартире пророка, то это позволит многое понять: похоже, пророк становится значительной силой в Джанатии. Задача осложнялась тем, что воздействовать на программы можно было только дистанционно.

Нури уже неделю сидел вечерами, ведя длительные диалоги со своим компьютером, мощным, хотя и портативным. Хорошо, приходские агнцы больше не мешали — несмотря

на то, что прибор для создания помех работал почти непрерывно.

Труд был каторжным. Надо было выделить в памяти кибера свободные блоки, изолировать их от прочей памяти, настроить на запоминание информации, поступающей в форме человеческой речи, и побудить кибера на независимую от него передачу информации. Нури взял отпуск и отсыпался днем, работая по ночам, когда радиопомех было меньше. Но ночью кибер, как правило, находился в экранированном помещении, и это сильно осложняло работу. Помог Слэнг. Неведомо какими путями он узнал, что пророк завел привычку прогуливаться по утрам в саду на крыше своей резиденции, обсуждая с Ферро план работы на день. Нури уже пару раз нащупывал кибера своим лучом и получал отклик — это обнадеживало. Однако работы не уменьшилось. Нури действовал, в основном полагаясь на интуицию и богатый опыт наладчика мыслящих автоматов. Программист-ас, он шел по следу Вальда, программиста средней руки. Сам Вальд, когда у него через Сатона попросили помощи, счел задачу невыполнимой без непосредственного перемонтажа мыслительных элементов...

Настал день, когда Нури услышал в динамиках голос пророка, глубокий и значительный. Видимо, он прогуливался наедине с Ферро.

...— Сколько еще они могли сохранить статус-кво, три, ну пять лет. Это без меня. Со мной — максимум десять. Конец неизбежен, ибо положение в Джанатии абсурдно. Опровергни, Ферро.

— Посылка верна, в целом. И с точки зрения лица, руководствующегося нормальной человеческой логикой. Но история алогична. История показывает, что чем абсурдней форма правления, тем дольше длится это безобразие. Кажется, людям нечем дышать, они пьют отравленную воду, дети умирают от асфиксии, власть имущие озабочены лишь тем, чтобы сохранить власть любыми способами, словом, ситуация античеловечна, любой день может стать последним, а государство стоит. И будет стоять до полного вырождения населения. Это я вам, хозяин, говорю на основании анализа информации, заложенной во мне. Ведь история религии весьма тесно переплетена с историей человечества...

— Ты беспощаден, Ферро. И правдив, — Голос пророка гаснет. — Я как-то раньше не задумывался об этом.

— Раньше отец Джон не был пророком...

Контакт длился от силы три минуты. Нури подумал, что трансляция в реальном времени просто невозможна, ведь не может же кибер часами находиться в саду. Он снова засел за программы: следовало заставить кибера ко-

(138)

«Аэлита»-89

пить инфермацию, сжимать ее и транслировать потом блоком, в возможно короткий срок. А пророка, похоже, гнетут сомнения...

Объективно говоря, информации накапливалось с каждым днем все больше. Кладезь знаний Тимоти Слэнг подробно рассказывал об обстановке в синдикате, который сросся с полицией настолько, что временами не отличить, кто из них за порядком следит, а кто рэкетом занимается. Примитивный грабеж теперь редок, удел дилетантов. Шантаж, порно, наркотики, азартные игры, спекуляция и, наконец, строительство и банковское дело — мало ли способов почти легального бизнеса, не считая интимных услуг, оказываемых государственным надзорным и карательным органами. В последнее время участились диверсии на предприятиях химической, нефтеперерабатывающей и биологической промышленности, действуют какие-то группы, называющие себя войнами Авроры. Охрану на этих предприятиях, объективно виновных в экологических преступлениях, обеспечивают уголовники. Синдикат же поставляет и кадры провокаторов.

— Но это все от случая к случаю. Единой организации не чувствуется, и потому Джольф все чаще поглядывает в сторону генерала Баргиса с его лоудменами.

— Кто такие?

— Лоудмены мне лично больше нравятся. Люди солидные, порядка хотят.

Большого насчет лоудменов от Тима добиться было невозможно. И без того он почти возвысился до анализа.

Приближалось время связи, и Нури вышел в темноту во дворик, где всегда стояла машина Вальда, набитая аппаратурой: приемник, транслятор, автономное питание. Зажглись огни в окнах соседних коттеджей, прошаркали по бетону к реке анимисты. Вдали над городом вспыхнуло: «Пророк любит вас» и «Фильтр «Ветерок» вдвухает сам». От реки донеслось протяжное:

Я сир и ниц и неухожен.

Скорбит душа, слезятся вежды.

О! Дай мне милостыню, боже!

Надежды я прошу. Надежды.

Нури вынул из приемника крошечную кассету, увидел по цвету, что Олле что-то передал. Кассета величиной с наперсток имела емкость на два часа. Нури машинально вложил ее в гнездо и почти сразу услышал шепот Олле.

— Я в имени Джольфа, Нури. Ожидают прибытия пророка и еще какого-то важного начальства. Сборище необычное. Пока отключаюсь, продолжу при первой возможности.

И сразу знакомый каждому голос пророка:

— Господа, прежнего мира нет и не будет, это надо принять, с этим надо смириться. Преж-

няя государственность гибнет, религия умирает. Мы, здоровые силы общества... ну, пусть не здоровые, а наиболее организованные, я имею в виду правительство и государственные институты, вас, чистейший в помыслах, и вас, генерал, мы стоим перед трудным решением.

— Как-то вы сразу, святой отец...

— Церковь учит видеть суть вещей, господин премьер-министр. Если очистить человека от демагогической шелухи и подать, так сказать, в чистом виде, то вы увидите, что им правят три силы: голод, пол и честолюбие. Все остальное — наносное. От философии, этики, религии. Я бы сказал, — в голосе пророка явственно слышится усмешка, — все остальное от лукавого. Таков человек и каждый из нас. Но я не о вас, я о пастве. Люди живут в состоянии непреходящей тревоги, общество разрозненно, нет единства цели. Критика и отрицание — вот единственно общее для групп, на которые распалось общество, если еще можно выделить в этом хаосе какие-то группы. Мы сами сомневаемся в себе, ибо разломана материальная основа жизни, на смену естеству пришел суррогат. И не стоит обманывать себя, что все образуется само собой. В массах растет стремление к возврату к природе. Нельзя это недооценивать — язычество проникает во все слои общества, и даже в нашей среде многие заражены им. А новые религии и, особенно, возврат к старым религиям возникают тогда, когда общество больно, когда социальная несправедливость, присущая любому обществу, достигает непереносимого уровня. Города умирают, все больше бездомных, дороги усыяны ими, где им преклонить голову? Если бы господин Харисидис, благодетель, не подкармливал их....

— Господа, я исхожу из того, что принятие экологической помощи с целью перестройки промышленности для нас априори неприемлемо! — Тоже знакомый голос: премьер-министр.

— Воистину так.

— Почему? — вопрошает командный бас.

— Видите ли, генерал, — поясняет пророк, — в случае принятия помощи перестройки промышленности не будет, мы у себя это исследовали. Потребуется полный отказ от того, что есть, полная ликвидация действующих производств и строительство новых. А в новом, безотходном производстве...

— После нас! После нас!

... — Именно. В новом обществе нам уже места не будет.

— Эксперты господина Харисидиса, интересы которого я здесь представляю, тоже исследовали, — заговорил премьер-министр. — В обновленном безотходном производстве с бесплатной энергией, а именно это нам предла-

гают ассоциаты, частной инициативе придется потесниться. Помощь, будь она принята, пойдет по государственной линии при жестком общественном контроле. Эта помощь отнюдь не ставит целью укрепление нашей власти.

— Стоит ее принять — и изменится все кардинально. Будет иной порядок вещей.

— Я внимательно слушаю. Полагаю, мы приспособимся. Власть порождает преступность, мы — тень власти.

— Приспособитесь, Джольф, приспособитесь. На какое-то время. Не думаю, что надолго.

— Я тоже слушаю... э... внимательно. Лоудмены должны иметь четкие перспективы.

И снова назидательная речь пророка:

— Два обстоятельства дают мне основание надеяться, что промысел божий восторжествует. Во-первых, уже три поколения джанатийцев пришли в мир суррогата, сломанной природы, они не знают другого мира. Это позволяет им мириться с тем, что в иных условиях считалось бы невыносимым. Кстати, именно поэтому языческие проповедники не имеют того успеха, которого можно было бы ожидать: люди просто не представляют, что может быть иначе. Во-вторых, во внешнем мире сократилось потребление жизненных благ, поскольку львиная доля энергии, сил и средств направляется на реставрацию природы. Ассоциаты называют это самоограничением. В полной мере использовать эти два обстоятельства нам мешает только одно — наша разобщенность. Каждый преследует свои цели. Вы, Джольф, стремитесь к власти и богатству, вы, генерал, к власти и порядку, у государства во веки веков цель одна: сохранить статус-кво.

— Истинный патриот всегда стремится сохранить статус-кво. Но что вы предлагаете, отец Джон?

— Объединение. Не формальное, естественно. Государство никогда не признает ваш синдикат официально. Да и мы в этом меньше всего заинтересованы. Я говорю о сути, о координации, единстве действий. Ваш синдикат, например, выполняет некоторые просьбы министра общественного спокойствия...

— Разве?

— Я не в упрек вам, Джольф. Я призываю создать единый центр, координирующий усилия государства, церкви и синдиката в акциях, направленных на сохранение существующего положения. Уверен, что должное место в этом деле найдете и вы, генерал, со своими лоудменами. Вы — реальная сила. Но программу вам, генерал, следовало бы уточнить...

— У меня задача — предотвратить разрушение промышленности. Или вам, святой отец, неведомо положение? Ежедневные диверсии на предприятиях...

— Церкви все ведомо...

Нури дослушал до конца. Бесцельная информация, но как ее использовать, кому передать. И где этот Норман Бекет?

Нури вышел из машины. Если что, то дубликатор вызова есть в доме. Крики от реки звучали глуше, гилозоисты устраивались на ночлег, и только женский голос, высокий и неукротимый, выводил во тьме странную мелодию, наверное, песню, но слова были неразличимы. Нури слышал ее не первый раз, и песня всегда затрагивала какую-то струну в сердце. Ночью просматривались звезды, ветер от недалекого океана сдувал хмарь с несчастного острова, и в такие ночи можно было спать без маски.

Нури вытащил из ящика пачку корреспонденции. В этом регионе средоточия частных коттеджей он был самым крупным подписчиком, прочие предпочитали видеоинформацию. Он прошел в кабинет, лег на тахту и развернул газету «Т-с-с», раздел объявлений. Все нормальные люди читали «Т-с-с», официоз синдиката никогда не испытывал затруднений с распространением, хотя подписка на него была не дешева. Что там сегодня? О, портрет Тима! И под ним...

Достукался

Младший консультант старик Тим, в быту Тимоти Слэнг, выпал в осадок. Старик вел аморальный образ жизни: стучал красным на синдикат. Расколоть подсудимого не удалось. Пусть родственники не беспокоятся — жидкость «Некрофаг» прекрасно растворяет трупы.

Нури аккуратно свернул газету. Он не стал перечитывать объявление, он вышел во двор и сел на бетон возле машины. Млечный путь уходил в бархатную черноту бесконечности. На материке под защитой соснового леса посыпались в спальнях его подопечные дошколята, наверное, храпел сытый лев Варсонофий, и, конечно, не спал директор ИРП доктор Сапон. Все остается на своих местах, вертелась никчемная мысль. Где-то там пересекаются параллельные прямые, а Земля вообще-то голубая, и чернота неба не более чем тень Земли. И кто-то из великих говорил, что вечность — не что иное, как перпендикуляр к нашему времени и пространству. А сколько времени надо, чтобы труп растворился целиком? А если Тима живьем бросили в некрофаг? Он, конечно, не мог утонуть, некрофаг тяжелая жидкость. Он плавал в ней и растворялся, съедаемый бактериями. Сколько вечностей слышался крик Тима? Зверье!

Нури никогда по-настоящему не думал о грозящих опасностях, это было вне его восприятия. Пожалуй, он впервые понял серьезность своей работы: за связь с ним убивают. Это странно, это невозможно принять! Еще три дня назад Слэнг сидел как всегда в кресле, шевелил мешочками, вытирал глаза и говорил, говорил. Он любил монологи, старик Тим...

Нури вскочил от боли в ушах, затряс головой и тут же увидел на дорожке конус кипящего пламени. Конус мгновенно погас, а на его месте возник некто длинный и веселый.

— Ты звал меня? — голосом злого духа сказал он. — Ты звал меня, Вальд! Я пришел.

Он был в талии перетянут толстой металлической полосой со множеством мелких расщепов понизу. Пояс космонавта, такой точно был у Рахматулы. Ну да, это Норман Бекет, вон и шрам поперек глаза, пересекающий бровь и скулу.

Нури протянул руку и увидел, что в кулаке зажата газета. Норман разжал кулак, вытащил и развернул газету.

— Это он, — после паузы сказал Норман. — Сначала, как мне сообщили, явился какой-то неестественный красавец, сказал, что ты хочешь видеть меня, и исчез. Меня не было, поговорить с ним не мог, но насторожился. А потом вот он пришел, тоже от тебя. Конечно, старик знал, что попытка связаться со мной грозит ему смертью, и вот поди ж ты...

— Некрофаг, — без выражения сказал Нури.

— Да.

— Я жалею о том, что искал встречи с тобой, Норман.

Бекет повозился с застежками, стянул с головы блестящий шлем, перекинул через плечо чешуйчатый пояс и пошел в дом, не оглядываясь.

— Странные у тебя знакомые, Вальд. Сколько мы с тобой не виделись, четырнадцать, нет, пятнадцать лет. Кто ты сейчас? Наладчик. Отличная специальность. А этот, младший консультант? Он говорил, что он твой друг...

Нури машинально отвечал на вопросы. Он был потрясен гибелью Тима и с постыдным, как ему казалось, облегчением думал, что не просил Слэнга связывать его с Норманом... да нет же, просил! Просил, пусть и не напрямую! Смешно считать, что выход на Нормана — собственная инициатива Слэнга... Кстати, «стучать красным» — это и есть связь с Бекетом. И лучше, наверное, если Норман так и будет принимать его за Вальда.

— Конечно, прямые контакты со мной опасны. Ты поэтому жалеешь о встрече? Не бойся, Вальд, я пользовался поясом, а следить за мной в полете они еще не научились.

— Я не о себе, — сказал Нури. — Что ты можешь сделать, Норман. Ты один, я один.

Норман долго молчал, поглаживая обожженную кожу головы и рассматривая Нури. Потом улыбнулся.

— Тебя это тоже волнует? Вот не ожидал, что ты до такой степени изменишься, прежде ты был абсолютно пассивен.

— Годы... Синдикат, лрудмены, агнцы божьи... Мерзость.

— Вот именно. Добавь сюда закон о дозволённых пределах, тайные, пока еще тайные концлагеря для язычников-интеллей... И потом, с чего ты взял, что я один?

Нури не ответил. Норман в лидерах легальной оппозиции, он наверняка связан с подпольем.

— Вернемся к нашим баранам. Зачем ты звал меня?

К этому вопросу Нури был готов. Он связно и с добротными подробностями рассказал, как сделал киберга для домашних услуг, как познакомился с Тимом и продал робота отцу Джону.

— Господи, — сказал под конец Нури, и это вышло у него вполне естественно. — Черт меня дернул сделать этого робота. От него все пошло.

Норман взглянул удивленно.

— Ты что? Всерьез думаешь, что в твоём кибере все дело? Если бы так, уж с ним-то мы справились бы. Это реакция, Вальд, консерваторы всех мастей... Но это длинный разговор, у нас еще будет время. Для тех, кто со мной, важно быть в курсе всего, что затевает пророк, самая опасная сейчас фигура.

Норман, длинноногий, длиннорукий и какой-то мосластый, сидел в том самом кресле, похожий на кузнечика. От него исходила спокойная сила, веяло уверенностью. И он доверял Вальду, которого, надо полагать, не вспоминал десяток лет и о котором не знал ничего. Доверял, а может быть, просто пренебрегал секретностью. Ну что тут скрытного: оппозиция хочет знать, что делается в стане ее врагов, это же очевидно. И если Вальд ранее имел связь со своим кибером... Нельзя ли эту связь возобновить?

— Я подумаю, — сказал Нури. — Я постараюсь.

Он не знал, под каким предлогом передать Норману запись, сделанную Олле. А передать надо было, по возможности не раскрывая себя. Наконец придумал сослаться на Тима, дескать, Слэнг изловчился достать запись, старый язычник, и вот оставил третьего дня. Может быть, для Нормана и оставил?

Насыщенной событиями была эта ночь. Приближалось время урочной связи с Хогардом. Нури, проводив Нормана, с которым догово-

рился о способе связи, снова залез в салон машины. Экранчик уже мерцал, и потрескивало в динамике. Стали гаснуть окна соседних коттеджей, светился вдали разноцветным куполом туман смога, над ночным городом, тихо допевали свои гимны язычники. Нури, стараясь отвлечься от скорбных мыслей о Слэнге, подумал, что все не хватает времени заняться язычниками, а ведь если в Джанатии кто болеет о природе, то это они...

Потом от ближнего завода заухали взрывы, донеслась очередь крупнокалиберного пулемета, и реквием стих. Боевые группы язычников — воины Авроры, как они себя называли — начали свои ночные операции. Что они сегодня взорвали: стоки, склад, цех? Об этих ночных сражениях официальные источники молчали. И это настораживало. И Норман, так много сказавший сегодня, о язычниках ни слова. Только Тим, бедный Тим говорил иногда о партизанских налетах воинов Авроры на химические заводы, наиболее вредоносные. Тим говорил, что язычество — не религия даже, это образ мышления, отрицающий неравенство между человеком и, скажем, деревом. Природа равна самой себе, неравенства нет, как нет и предпочтения... Эти экскурсии в царство язычества старик Тим всегда завершал словами: «Пойду, повоюю!»

От раздумий Нури отвлек привычный звук работающего приемника.

— Нури? Олле схвачен... Ты не молчи, Нури!

— Глупости. Как это можно схватить Олле? Я только что слушал его сообщение о совещании у Джольфа...

Пока Хогард рассказывал, как все было, Нури не произнес ни слова.

— Пса они сбросили со стены, — закончил Хогард. — Я задержался, чтобы подобрать, но не нашел.

Нури рассматривал мерцающее изображение Хогарда, и сердце сжималось от жалости к нему. Он пытался поставить себя на его место и не смог: счастливцев Олле, он всегда поступал как хотел. А каково было Хогарду!

— Знаешь, приди в себя! Не хватало, чтоб и ты там ввязался в драку. Ты единственный источник денег и оборудования, на тебя замкнуты все легальные каналы.

— Я что... Жив, здоров...

— Только что у меня был Норман Бекет, я сумею сегодня же связаться с ним. Считаю Олле, нас уже будет минимум четверо. Возьмем этот притон приступом!

— Поздно. Я просил посла, он сделал официальный запрос: Олле все-таки гражданин ассоциации. Посол почти вынудил премьера истребовать Олле у Джольфа. Не вышло! Олле бежал. И, кажется, не один... Будем

ждать. Это единственное, что остается.

Нури еще долго сидел в машине, приводя в порядок мысли. Беда не приходит одна, как то все это сразу обрушилось. Смерть Тима, беззащитного старика, жуткая смерть. И теперь исчезновение Олле... Совсем недавно Олле отчитывал его всего-то за желание раскрыться перед Норманом. А сам!..

Олле очнулся в полной темноте и тут же вспомнил, что Грома больше нет, и вспомнил ощущение мокрой от крови шерсти на ладонях. Он застонал от боли в душе — щеночек Гром. Попытался сесть и обнаружил, что скован и руки за спиной сведены наручниками — их шипы впились в запястья, едва он шевельнул руками. Мысль о Громе не давала возможности думать о чем-то ином, и Олле волевым усилием загнал ее в глубину сознания. Дураки, надо было сковать выше локтей, а так цепь возле крестца, и это все равно, что впереди. Морщась, он свернулся калачиком и пропустил тело через кольцо руки-цепь. Обычное утреннее упражнение — перешагнуть через сцепленные в пальцах руки. Убедившись, что перевести оковы вперед ему по силам, он порадовался забытому на руке браслету и вернул себе прежнюю позу. Оковы на ногах — ерунда, плохо, что так болит голова, то ли били по ней, то ли это выходит обездвиживающий дурман. Гром... как он кинулся на выстрелы, заслоняя собой. О чем они там совещались, хотел бы я знать, а этот... пророк, с каким любопытством он следил за Хогардом — за единственным здесь ассоциатом Хогардом... Мысли переключились на Хогарда, стало как-то спокойнее: Хогард все видел, конечно, понял и простил. И Олле, который и дома иногда светло завидовал опекуну ползунков Хогарду, снова привычно восхитился его выдержкой и чувством ответственности: вмешаться было легче всего, но где взять силы, чтобы не вмешиваться...

Загремели запоры двери, вспыхнул под толчком свет. Олле непроизвольно хмыкнул: он лежал в каменной камере без окон на влажных плитах пола. С потолка свисала тяжелая цепь и торчали из стен ржавые крючья — средневековые, ни дать ни взять. Два здоровенных анатома молча вытащили его, подхватив под руки, и поволокли по пластиковому покрытию светлого перехода. Олле отметил еще несколько обитых жестью дверей с глазками в них, подумал, что Джольф, конечно же, должен иметь собственную тюрьму, а он, охранник Олле, даже не догадывался о ней.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ.

Вести из КЛФ

ПОД ЛЕНИНГРАДОМ, В СОСНОВОМ БОРУ...

В середине апреля здесь, на базе отдыха «Салют», прошла первая ленинградская конференция клубов любителей фантастики «Фантор-89». Представители КЛФ Ленинграда, Москвы, Вильнюса, Риги, Петрозаводска и других городов обменивались опытом работы, делились планами на будущее, встречались с писателями...

Название конференции расшифровывается как «Фантастика — Общество — Реальность» и вовсе не случайно совпадает с наименованием городского КЛФ, действующего в Сосновом Бору уже более трех лет: именно «Фантор» был инициатором этого форума любителей фантастики. Активную поддержку клубу оказали Сосновоборский горком комсомола и городской отдел культуры, областной центр народного творчества, ленинградский КЛФ «Миф-XX». И вот...

С приветственным словом к участникам конференции обратился старейшина ленинградских фантастов А. Шалимов. Состоялось заседание «круглого стола», в котором активно участвовали и любители НФ, и гости конференции — писатели А. Балабуха, О. Ларионова, А. Измайлов, В. Рыбаков, А. Столяров, А. Щербак, Э. Геворкян, В. Покровский; вел «круглый стол» литературовед А. Бритиков. Безусловно, событием для всех нас стала встреча с Б. Стругацким.

Участников «Фантора-89» ждала лекция «Фантастика на экране» — ее прочитал киновед Б. Иоскевич. Была организована выставка НФ графики, работал книжный киоск, почти круглосуточно функционировали два видеосалона. Успешно прошел книжный аукцион.

О важном событии проинформировал конференцию В. Рыбаков. Именно в эти дни группа молодых писателей объединилась в ЛАФ — Ленинградскую ассоциацию фантастов. Ленинградской она названа по месту рождения, войдут же в нее не только ленинградцы. В планах ассоциации — пропаганда творчества молодых, издательская деятельность.

Конференция такого рода проводилась впервые в Северо-Запад-

ном регионе. Надеемся, что она станет традиционной.

В. ЛАРИОНОВ,
руководитель КЛФ «Фантор»

НИКОЛАЕВ: «СОЦКОН-89»

На Евроконе-13, о котором рассказывалось в апрельском номере «Уральского следопыта», представители КЛФ социалистических стран предложили проводить ежегодно и свой собственный конгресс любителей фантастики — Соцкон.

Идея попала на благодатную почву: ведь нам и нашим коллегам из соцстран стало проще ездить в гости друг к другу, особенно в последнее время. И Всесоюзный совет КЛФ начал прорабатывать возможные варианты.

В декабре прошлого года в Москве прошла встреча секретарей молодежных союзов соцстран. В числе других инициатив обсуждалась на ней и идея Соцкона. ЦК ВЛКСМ поддержал это начинание. И вот на январском заседании ВС КЛФ в Москве после горячих споров решено — проводить «Соцкон-89» в СССР с 3 по 9 сентября на черноморском побережье Николаевской области.

Оргкомитетом конгресса разосланы сотни приглашений — всем КЛФ нашей страны, клубам соцстран. Приглашены в гости десятки писателей-фантастов, в том числе и зарубежных, критики, ученые, космонавты, представители изда-

тельств, журналисты, работники кино и телевидения. Быстрее всех ответили на появившуюся информацию клубы Болгарии и ГДР. Автор этих строк побывал недавно в Болгарии. Наши друзья проявили большую заинтересованность в «Соцконе-89» и заверили, что около 30 представителей болгарских клубов примут в нем активное участие.

Из-за рубежа мы ждем 100—150 гостей — из многих стран, не только социалистических. Всего же предполагаем около 500 участников. Разрабатывается программа конгресса — тематические обсуждения, встречи с писателями, «круглые столы» по различным проблемам НФ и движения КЛФ. Подбираются фильмы для кинопросмотров. Ждем, что участники конгресса привезут с собой материалы для выставок живописи, скульптуры, клубной символики. Пройдут аукционы, выставки-продажи, конкурсы. Оргкомитет конгресса проводит, в частности, конкурс НФ рассказа — объемом до 2,5 машинописной страницы, тема свободная, в составе жюри ведущие советские писатели.

Хочется надеяться, что рассказы-победители появятся и на страницах «Уральского следопыта», а пока есть предварительная договоренность о подобных публикациях с болгарским журналом «ФЭП» («Фантастика. Эвристика. Прогностика»).

Составляется культурная и туристская часть программы — концерты, встречи, вечера отдыха, экскурсии в Одессу, Николаев, Очаков, древнегреческое поселение Ольвию.

В качестве спонсоров «Соцкона-89» выступают организации-учредители ВС КЛФ, журнал «ФЭП», ЦК Союза молодежи Болгарии, центры НТТМ, крупные предприятия — Черноморское парохозяйство, Николаевский морской порт, парфюмерно-стеклянный комбинат «Алые паруса» и другие.

Л. КУРИЦ,
председатель совета КЛФ «Аргон»

Спрашивают — отвечает...

В пятом номере на вопросы читателей «Уральского следопыта» отвечала Ольга Ларионова, в предыдущие годы мы сообщали интервьюировали Кира Булычева, Аркадия и Бориса Стругацких...

Сегодня в нашей гостиной — Владимир Михайлов.

Хотя в Москве у писателя издан лишь один авторский сборник («Ручей на Япете», 1971), а все остальные книги выходили, начиная с 1963 года, в Риге, — думается, и Владимира Дмитриевича нет нужды представлять любителям НФ. Его романы «Дверь с той стороны», «Сторож брату моему», «Тогда придите, и рассудим», многочисленные повести и рассказы — из тех произведений, что неизменно привлекают внимание и широко обсуждаются среди читателей...

О чем вы хотели бы спросить писателя? И что — высказать ему на этой заочной встрече? Если с чем-либо в его творчестве не согласны — поспорьте: ваше право! Постарайтесь при этом излагать собственное мнение аргументированно, четко, лаконично.

Ваши письма должны быть отосланы на адрес редакции (с пометкой: отдел фантастики, В. Михайлову) до 1 ноября 1989 года; в середине ноября мы передадим их адресату.

ЕСЛИ ЭТОТ ЧЕЛОВЕК УМРЕТ...

Лоуренс БЛОК

Рис. Николая Мооса

Лоуренс Блок родился в 1938 году в Буффало, крупном промышленном городе на северо-востоке США. Начиная с 1961 года, опубликовал несколько книг и десятки отдельных рассказов (частично под псевдонимами Чип Харрисон или Пол Кэвенаг), главным образом остроумного характера.

Живет в Бостоне.

Рассказ «Если этот человек умрет...» был опубликован в 1987 году в «Неделе».

В тот вечер, еще до получения первого письма, он поставил в Саратоге* на лошадь по кличке Пятнистая Полоса, считавшуюся аутсайдером. Ставки на нее принимались из расчета два к девяти; он решил рискнуть двумя сотнями долларов и, казалось, не без оснований: Пятнистая Полоса сразу же захватила лидерство. Беспорный фаворит четырехлетка Глория Скотт не

* Город в штате Нью-Йорк, известный своим ипподромом.

вписалась в поворот и была снята с дистанции. Крафт уже подсчитывал свой выигрыш, но на финишной прямой Пятнистая Полоса сбилась на галоп и была дисквалифицирована. Он разорвал билеты тотализатора и отправился домой.

На другое утро Эдгар Крафт чувствовал себя в конторе неуютно. Почта доставила шесть писем; пять из них оказались счетами, оплатить которые в ближайшем будущем он не надеялся и попросту сунул их в ящик, где уже лежала стопка таких счетов.

Шестое письмо не содержало счета, напоминания или, скажем, угрозы отобрать купленную в рассрочку мебель в случае неуплаты очередного взноса. Это было короткое сообщение, напечатанное посередине стандартного машинописного листа.

Сначала значилось имя:

МИСТЕР ДЖОЗЕФ Х. НЕЙМАН.

и строчкой ниже:

ЕСЛИ ЭТОТ ЧЕЛОВЕК УМРЕТ, ВЫ ПОЛУЧИТЕ ПЯТЬСОТ ДОЛЛАРОВ.

Крафт не был расположен к шуткам. Размышления о рысаке, лидировавшем на всей дистанции и сорвавшемся на финишной прямой, не способствовали проявлению чувства юмора.

Он внимательно рассмотрел полученное послание, перевернул его — нет, на обороте ничего не было, — снова перевернул, прочитал еще раз и стал разглядывать конверт — обычный почтовый конверт без указания отправителя, на котором были напечатаны его имя и служебный адрес да стоял штемпель городской почты. Пробормотал нечто непечатное по адресу неких идиотов и их представлений о шутках. Наконец он порвал письмо вместе с конвертом на мелкие кусочки и бросил их в корзину.

В течение следующей недели Крафт лишь раз или два вспоминал о письме: у него хватало своих проблем. Он никогда раньше не слышал о каком-то Джозефе Х. Неймане и отнюдь не питал надежд на получение пятисот долларов. Он ничего не рассказывал о загадочном сообщении жене; когда позвонили из финансового ведомства и спросили, надеется ли он своевременно произвести по своим обязательствам платежи, Крафт и не подумал сообщить о наследстве, которое ему собирается оставить некий мистер Нейман.

День за днем он механически выполнял свои служебные обязанности как человек, который знает, что его заработок — лучше, чем ничего, но что этот заработок никогда не будет соответствовать его потребностям.

Он ездил в Саратогу еще дважды; один раз выиграл тридцать долларов, другой раз проиграл двадцать три. И уже почти успел забыть о таинственном корреспонденте и столь же таинственном мистере Джозефе Х. Неймане.

Тогда Крафт получил второе письмо в таком

же конверте. Он механически вскрыл конверт и развернул сложенный вчетверо лист машинописного формата. На стол выпорхнули десять новеньких пятидесятидолларовых банкнот, а машинописный текст в середине листа гласил:

ПРЕМНОГО БЛАГОДАРИЮ!

Крафт растерялся. И попытался сообразить, чем мог заслужить чью-то благодарность, не говоря уже о пятистах долларах. Потом вспомнил о первом письме, выскочил на улицу и купил в киоске утреннюю газету. Среди траурных объявлений он прочитал, что Джозеф Х. Нейман, 67 лет, умер в госпитале после продолжительной болезни... Вдова, трое детей и четверо внуков извещают, что погребение состоится в узком семейном кругу... Цветов и соболезнований просят не посылать.

...Триста долларов Крафт положил на свой счет в банке, остальные двести — в бумажник. Произвел срочные платежи за квартиру, за машину и еще по нескольким мелким счетам. Стопка в ящике письменного стола хоть и не исчезла, но значительно похудела. Финансовое ведомство он удовлетворил частично. Баланс был все еще с дефицитом, хотя долгов стало меньше, чем до весьма своевременной кончины мистера Джозефа Х. Неймана. Вечером он поехал вместе с женой в Саратогу и даже предложил ей сделать несколько ставок по наитию. Они проиграли сорок долларов, но теперь это не очень беспокоило Крафта.

Когда пришло следующее письмо, Крафт не стал рвать его. Он узнал надпись на конверте и; прежде чем вскрыть, повертел письмо в руках, словно наивный ребенок, получивший завернутый в бумагу подарок. Однако он не был так наивен, как ребенок, и не мог избавиться от предчувствия, что таинственный благодетель предъявит за свои деньги какие-то требования. Наконец он вскрыл письмо: никаких требований. Обычный лист, в середине которого значилось новое имя:

МИСТЕР РАЙМОНД АНДЕРСЕН.

и ниже:

ЕСЛИ ЭТОТ ЧЕЛОВЕК УМРЕТ, ВЫ ПОЛУЧИТЕ СЕМЬСОТ ПЯТЬДЕСЯТ ДОЛЛАРОВ.

В последующие дни Крафт пытался убедить себя, что не желает ничего дурного мистеру Раймонду Андерсену. Однако семьсот пятьдесят долларов были довольно значительной суммой. И конечно, он охотно ими воспользовался бы... Нет, он, конечно, не хочет ускорить смерть мистера Андерсена, он не желает этой смерти, но если с мистером Андерсеном тем не менее что-то случится...

Что-то случилось. Пять дней спустя в газетах появилось траурное объявление. Андерсен был, оказывается, очень немолод. После длительной болезни он умер в своей постели в доме престарелых. Когда Крафт читал это объявление, его охватило возбуждение и чувство вины. Но в чем,

собственно, заключалась его вина? Он ведь никак не способствовал этой смерти, которая, кстати, была для такого старого и больного человека скорее избавлением, чем трагедией. Но с какой стати кто-то должен выплатить Крафту семьсот пятьдесят долларов?

Однако, как и в прошлый раз, кто-то сделал это. Письмо принесли уже на следующее утро; в нем оказались обещанные деньги в сотенных и полусотенных купюрах и листок с таким же текстом:

ПРЕМНОГО БЛАГОДАРИЮ!

Но за что же? Крафт не имел ни малейшего понятия об этом. Прежде чем тщательно сложить письмо и убрать его вместе с конвертом в ящик письменного стола, он еще раз прочитал эти два слова.

«За что же меня благодарят?» — подумал он.

В течение следующих двух недель писем не было, хотя Крафт с тайной надеждой тщательно просматривал доставляемую почту. Иногда он двадцать или даже тридцать минут сидел за своим столом без движения, размышляя о загадочных письмах и неизвестно откуда свалившихся деньгах.

Фирма платила ему пять тысяч долларов в год; за это приходилось работать от 40 до 45 часов в неделю. Анонимный же корреспондент прислал уже четверть его годового оклада, хотя Крафту не пришлось за это даже шевельнуть пальцем.

Семьсот пятьдесят долларов оказались хорошим подспорьем, но до полного избавления от долгов было еще далеко. Жене вдруг пришла фантазия сменить обои в гостиной. Нужно было срочно внести квартплату, сделать очередной взнос за купленную в рассрочку автомашину... Однажды ему повезло на ипподроме, но два последующих посещения Саратоги проглотили выигрыш с лихвой.

Наконец пришло новое письмо — вместе с проспектом, рекламирующим электроосушитель для погреба, и предложением сделать взнос на благотворительные цели. Крафт отправил оба проспекта прямоком в корзину и нетерпеливо вскрыл знакомый белый конверт. Содержание письма было подобно предыдущим:

МИСТЕР КЛОД ПЬЕР.

и ниже:

ЕСЛИ ЭТОТ ЧЕЛОВЕК УМРЕТ, ВЫ ПОЛУЧИТЕ ТЫСЯЧУ ДОЛЛАРОВ.

Руки Крафта задрожали: сумма опять увеличена. Мистер Клод Пьер? Нет, это имя ничего не говорило Крафту. Может быть, мистер Пьер — старый больной человек, умирающий от тяжкого недуга? Крафт надеялся, что это так. Он стыдился своих мыслей, но ничего не мог поделать; ему хотелось думать, что мистер Пьер вот-вот умрет.

На этот раз Крафт проявил активность: схва-

тил телефонный справочник и стал лихорадочно листать его. Вот, есть: Клод Пьер, Хонидейл драйв, 19. Потом захлопнул справочник и попытался изгнать всю историю из головы, но это намерение было заранее обречено на неудачу. В конце концов Крафт смирился; еще раз открыл справочник и стал гадать, от чего умрет этот человек. Это ведь неизбежно, не так ли? Кто-то сообщал ему в письме некое имя, затем человек умирал — и Крафту платили. Очевидно, Клод Пьер был приговорен.

Он набрал номер, значившийся в справочнике. Трубку взяла женщина. Крафт спросил, может ли он поговорить с мистером Пьером.

— Мистер Пьер в больнице. — Женщина сообщила, в какой именно. — А кто его просит?

— Спасибо, — сказал Крафт и положил трубку.

Понятно, подумал он. Они, кто бы это ни были, попросту выявляют людей, которые в ближайшее время должны умереть. И когда неизбежное наступает — посылают ему, Эдгару Крафту, деньги. И всё. Незачем искать в этом смысл. Многие вещи в жизни Крафта казались ему лишены смысла. Может быть, таинственный отправитель писем не в себе? Во всяком случае, если кто-то желает посылать Крафту деньги, отказываться он не станет.

После обеда Крафт позвонил в больницу. Два дня назад Клод Пьер подвергся серьезной операции, сообщила сестра. Сейчас он в удовлетворительном состоянии.

Значит, должен быть рецидив, подумал Крафт. Ведь этот человек приговорен, автор писем предопределил его смерть. Крафт пожалел мистера Пьера и погрузился в изучение программы предстоящих скачек. Лошадь по кличке Апельсиновое Зерно, которую Крафт давно уже облюбовал, может оказаться победительницей... И он поехал на ипподром. Но Апельсиновое Зерно не оправдала его надежд.

Несколько дней спустя он опять позвонил в больницу. Та же сестра сообщила, что мистер Клод Пьер поправляется после операции. В течение следующих трех недель Крафт почти ежедневно справлялся о его состоянии. Однажды сестра сообщила, что больному стало хуже и что он впал в беспамятство. Но на другой день она радостным голосом поведала об улучшении. А Эдгара Крафта при этом известии обуял гнев.

С этого дня мистер Пьер окончательно пошел на поправку и вскоре выписался из больницы. Очевидно, подумал Крафт, случилось что-то непредвиденное; ведь если бы мистер Пьер умер, он получил бы тысячу долларов! Мистер Пьер был уже при смерти, но непонятным образом остался жив и выздоровел, а Крафт лишился тысячи долларов, которую надеялся вот-вот получить.

Каждый день он ждал нового письма. Письма

не было. Между тем он просрочил очередной взнос за автомашину, вот уже две недели не платил за квартиру, несколько раз выслушивал напоминания финансового ведомства, но письма не было, и Крафт озлобился против самого себя. «Если этот человек умрет», говорилось в прежнем письме; никаких дополнительных условий, никаких сроков в письме не было. Так не бессмертен же в конце концов этот мистер Пьер! А коль скоро он испустит наконец последний вздох, Крафт получит «свою» тысячу долларов.

Допустим, с мистером Пьером что-то случится... Крафт гнал от себя эти мысли, но безуспешно. Мысли о мистере Пьере принимали самое неожиданное направление. Это было бы нетрудно, говорил он себе. Ни один человек не знает, что он заинтересован в смерти Клода Пьера. Если он выберет подходящий момент, если он сделает это грязное дело и исчезнет, никто ничего не узнает. Полиция никогда не свяжет его имя с именем Клода Пьера. Он, Крафт, не был знаком с мистером Пьером...

Но он просто не может этого сделать, говорил он себе. Он не убийца. Такое безрассудство, такой абсурд просто невыносим... Он обойдется без этих денег. Он может прожить и без этой тысячи долларов. Да, в мыслях он давно уже нашел им применение, он уже считал эти деньги как бы в кармане — когда мистер Пьер лежал в больнице без сознания. Но он обойдется. Да и что он может поделывать?

Однако уже на другой день имя мистера Пьера было на первых полосах всех газет. Минувшей ночью кто-то пробрался в дом на Хонидейл драйв и зарезал мистера Пьера в его собственной постели. Убийца успел удрать. Мотивы убийства выяснить не удалось. Полиция была растеряна.

Когда Крафт читал об этом, у него сосало под ложечкой. Первым ощущением было чувство вины, словно это он пырнул человека ножом в живот, словно это он проник под покровом ночи в дом на Хонидейл драйв, чтобы хладнокровно совершить убийство и исчезнуть. Он твердо знал, что не участвовал в этом преступлении, что он лично никого не убивал — разве что в мыслях. Да, он думал об этом, хотел, чтобы это случилось — и никак не мог избавиться от сознания своей вины.

Письмо принесли уже на следующий день. В нем было десять сотенных и знакомый уже текст:

ПРЕМНОГО БЛАГОДАРИЮ!

Не благодарите меня, думал он, укладывая деньги в бумажник. Благодарите не меня.

В новом письме значилось новое имя:

МИСТЕР ЛЕО ДЕННИСОН.

и ниже:

ЕСЛИ ЭТОТ ЧЕЛОВЕК УМРЕТ, ВЫ ПОЛУЧИТЕ ТЫСЯЧУ ПЯТЬСОТ ДОЛЛАРОВ.

Рука с письмом повисла в воздухе. Крафт тяжело дышал. Сердце билось учащенно. Он сделал над собой усилие и прочитал письмо вторично. Потом достал прежние письма, разорвал вместе с только что полученным на мелкие кусочки, выбросил в туалет и спустил воду.

Он почувствовал головную боль. Принял таблетку аспирина, но облегчение не приходило. Уселся за свой стол, но до самого обеда ничего не мог делать. В ресторанчике за углом съел свой обед, не чувствуя вкуса пищи. Вернувшись в контору, взял было программу предстоящих скачек, но никак не мог сосредоточиться. Ушел из конторы раньше времени и решил пройтись пешком.

Итак, теперь на очереди мистер Лео Деннисон, думал Крафт на другое утро, листая телефонный справочник. Деннисон проживал в квартире большого дома на Кедбери авеню. Крафт попытался позвонить ему, но никто не ответил. Деннисон был адвокатом; в справочнике значился и номер телефона его бюро. Крафт наб-

рал номер. Мистер Деннисон уехал на конференцию, сообщила секретарша, нужно ли передать ему что-нибудь?

ЕСЛИ ЭТОТ ЧЕЛОВЕК УМРЕТ, вертелось в мозгу у Крафта. Но Деннисон был совершенно здоров, он вел свои дела и даже поехал на какую-то конференцию, причем человек, посылавший Крафту письма, прекрасно знал об этом. Однако же — полторы тысячи долларов!

Но как? Револьвера у Крафта нет, и он понятия не имеет, где его можно раздобыть. Нож? Кто-то ведь убил мистера Пьера ножом. Найти нож не так уж сложно... Но держать при себе нож казалось Крафту неестественным.

Может быть, сбить автомобилем? Пожалуй, годится: подкараулить его и задавить. Это не так уж трудно и достаточно надежно. Однако полиция обычно находит водителей, скрывшихся после наезда. Царапины на окраске, следы крови на бампере... Крафт не вдавался в детали, но ему казалось, что удравших с места происшествия водителей чаще всего находят.

«Плюнь и забудь об этом! — сказал он себе. — Ты же не убийца!»

Но забыть он не мог. Два дня подряд он заставлял себя думать о чем-нибудь другом, но не мог. И все время думал только о Деннисоне, о полутора тысячах долларов... Думал об убийстве.

Однажды он встал раньше обычного и поехал на Кедбери авеню. Стал следить из своей машины за домом, где жил Деннисон. Заметил, как адвокат вышел и стал переходить на другую сторону улицы, где, очевидно, с вечера стояла его машина. Крафт уже поставил было ногу на педаль газа: включить стартер, нажать педаль до отказа, разогнать машину и сбить Деннисона...

Он не сделал этого. Что, если его поймают? Конечно, его ничто не связывает с отправителем писем. И с Деннисоном его тоже ничто не связывает... кроме тысячи пятисот долларов.

Однажды в среду он позвонил жене и сказал, что прямо с работы поедет в Саратогу. Но вместо этого поехал на Кедбери авеню. Поставил машину поодаль и стал наблюдать за домом. А как только швейцар на минуту отлучился, Крафт проскользнул в подъезд и отыскал квартиру Деннисона. Квартира, правда, была заперта, но замок, как в большинстве домов, где есть швейцары, был чисто символический. Крафт быстро справился с ним, хотя вспотел и дрожал от опасения, что кто-то может пройти по лестнице мимо.

В тот момент, когда Крафт вошел в квартиру, он как бы преобразился. Страх исчез. Теперь он был уверен в себе. Все predeterminedено свыше, повторял он про себя. Джозеф Х. Нейман был приговорен, Раймонд Андерсен был приговорен, Клод Пьер был приговорен — и все они умерли. Теперь точно так же был приговорен Лео Ден-

нисон — и он тоже должен умереть! Эдгар Крафт чувствовал себя теперь лишь частицей целой системы, винтиком гигантского механизма. Он выполнит свое дело, не вдаваясь в рассуждения. Все должно идти по плану.

Он ждал в течение трех часов, ждал спокойно и безмолвно. Как только ключ стал поворачиваться в замке, он бесшумно скользнул за дверь, занесся над головой каминную кочергу. Деннисон вошел. Вошел один.

Кочерга резко опустилась на голову вошедшего. Адвокат беззвучно повалился на пол. Кочерга поднялась и опустилась еще дважды. Для большей уверенности. Деннисон не шевелился. Он был мертв.

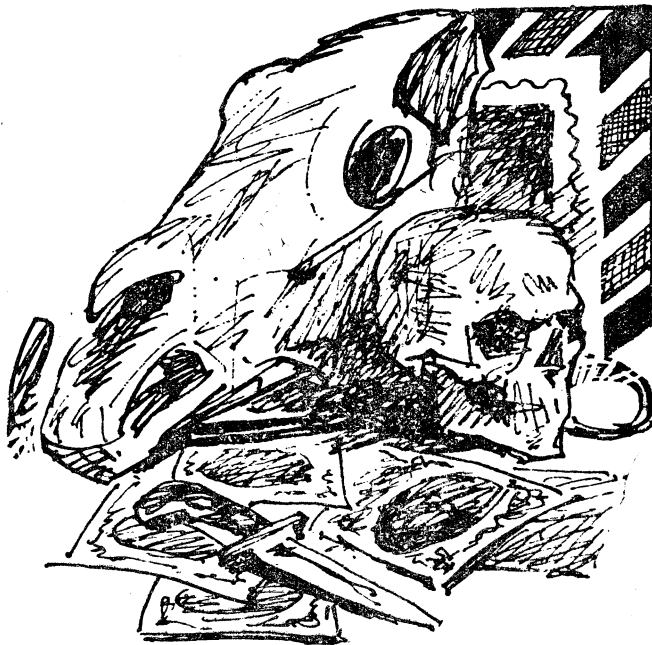
Крафт стер кровь, протер места, где могли остаться отпечатки его пальцев, и черным ходом вышел. Никто его не видел.

Ночью он плохо спал: боялся, что будет страдать от сознания собственной вины. В мыслях он давно уже был убийцей — когда желал смерти Андерсену, когда исходил из необходимости убить Пьера. Теперь совершился лишь переход от намерений к действию, но это вовсе не побуждало его осознать свою вину.

В четверг на его имя не поступало писем. А в пятницу, придя на работу, он обнаружил на столе знакомый конверт. Этот конверт был чуть толще обычного, ибо содержал пятнадцать столондаровых купюр. Но содержание письма удивило его.

Обычное ПРЕМНОГО БЛАГОДАРИЮ было напечатано, как и раньше, посередине листа. Строчкой ниже Крафт прочитал странную фразу:

КАК ВАМ ПРАВИТСЯ НОВЫЙ ВИД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ?

Рукотворный КАМЕНЬ

Тамара
ПРИНЦЕВА

Ст. 3—4 стр. вкладки.

Тут вот Данилушке думка и запала. Не нами сказано — чужое охаять — мудрости немного надо, а свое придумать — не одну ночь к боку на бок повертись.

П. П. Бажов. «Каменный цветок»

Более полугодом жители города Алушты и гости Южного Крыма знакомились с выставкой каменной живописи Мина Федосеевича Клементьева и его соавтора Николая Ивановича Смирнова. Тысячи посетителей побывали за это время в Доме-музее академика архитектуры А. Н. Бекетова, в трех залах которого была размещена лишь малая часть произведений самобытных художников.

Самые полярные мнения вызвала у посетителей эта выставка. Было и глубокое потрясение тонким проникновением художников в мир камня и активное неприятие самой сути нового творческого метода. Объединяло сторонников и противников равнодушие к поиску новых средств выразительности. Экскурсоводам Дома-музея приходилось выступать в роли и внимательного слушателя, и собеседника — настолько велика была у посетителей потребность тут же высказать свое мнение, определить свое отношение к увиденному. Чаще всего звучал и, пожалуй, закономерный вопрос: как среди буйства южных красок появился этот сказочный мир уральских самоцветов? Связь с Уралом действительно есть, и самая непосредственная. Мин Федосеевич Клементьев родился 21 января 1929 года в городе Бугуруслане. Сатка, Бугуруслан, Билимбай, Златоуст, Миасс — с этими городами Челябинской и Свердловской областей связаны детские и юношеские годы художника. Здесь родилась его любовь к природному камню, которая мучила, вдохновляла, помогала впоследствии искать художнику свой творческий путь.

Страсть к рисованию пробудилась у юного Клементьева рано. Еще в начальной школе он старательно срисовывал с ковриков лебедей и кошек. Лубочные картинки пользовались спросом, а заработанные деньги маленький художник тратил на краски. Знаменательной стала для двенадцатилетнего мальчика встреча с уральским сказочником Павлом Петровичем Бажовым. Запали в душу сказки-притчи об уральских камнях, открытием было знакомство с коллекцией самоцветов, поразили воображение пейзажные яшмы. Картины, написанные вдохновенной кистью природы, казались рукотворными, манили своей неповторимостью. С юношеской страстью стал собирать Мин уральские самоцветы, неутомимо полировал камень примитивными способами, пытаясь отыскать на срезе все новые и новые рисунки. Пейзажные яшмы попадались не часто. Только поиски и изучение природного камня уже не удовлетворяли Мина. Хотелось творить самому. Вот тогда-то и зародилась у него поначалу несмелая и, казалось бы, неосуществимая мечта — поймать силу камня, попытаться самому заговорить на его языке.

Долго и кропотливо исследовал художник строение рисунка, буквально «анатомировал» природный камень, изучал закономерность линий и цвета. Тонны самоцветов прошли через его руки, сотни километров исходил он по Уральским горам. Но до разгадки было еще далеко. Жизнь шла своим чередом: Мин Федосеевич учился в Свердловском художественном училище, реставрировал

церкви в Миассе, Златоусте, Челябинске, работал с гипсом, цементом, флорентийской мозаикой, пробовал себя в энкаустике. Неизменным оставалось только желание создать свои самоцветы, повторить естественные сочетания красок лучистого малахита, пестроцветной яшмы, добиться полного сходства с фактурой полированного камня. Уже тогда было ясно, что овладеть языком природы с помощью традиционных средств изобразительного искусства не удастся. Настойчиво ищет художник новый материал, новую технику, позволившую бы передать тайну вечной гармонии природного камня.

В 1958 году М. Ф. Клементьев переезжает в Крым. Семнадцатилетним пареньком пришел к Мину Федосеевичу самодеятельный художник Николай Смирнов. «Заразился» идеей Клементьева, он стал ему надежным помощником, единомышленником на долгие годы. И снова — поиски, неудачи, открытия и надежды. Теперь уже вдвоем. В середине шестидесятых годов эксперименты художников увенчались успехом: была, наконец, найдена особая сырьевая смесь и создана уникальная техника. Линия и цвет природного камня подчинились замыслу художника, дивная палитра уральских самоцветов естественно и убедительно заиграла в полотнах Клементьева, а полное сходство с фактурой камня многих зрителей вводило и вводит в заблуждение. Рукотворный камень позволил создавать картины по сюжету и замыслу их творцов.

Главную роль в образной системе произведений Клементьева играет цвет. Глубокие, темные тона, причудливые сочетания и переходы, их своеобразный ритм вызывают вполне определенные зрительные ассоциации. Кажется, сама вечность смотрит с небольшой картины с названием «Старое дерево». Интенсивный зеленый цвет яшмы, темные прожилки передают ощущение бесконечности времени и природы.

Часто возвращается Клементьев к своим истокам, к Уралу, его притчам и преданиям. Картины «Колдун-гора», «Хоровод», «Когда цветет папоротник...» будто навеяны бажовскими сказками. Творчество художника разнообразно и в жанровом отношении: сюжетные композиции, портреты, пейзажи — «Осень в горах Крыма», «Девушка и смерть», «Тайное свидание», «Маки». Сложный мир человеческих чувств, будто на моментальном снимке во время их кульминации, запечатлели картины «Отчаяние», «Энергия», «Схватка», «Трагедия».

Более четырехсот работ составляют творческое наследие Мина Федосеевича Клементьева. Прямо скажем, официальное признание не баловало каменную живопись, просто было самодеятельным художникам заявить о себе. Но и те немногие выставки, что удалось организовать при жизни Мина Федосеевича (1975 год, Москва, Центральный Дом архитекторов, Московский архитектурный институт; 1976 год, ВДНХ, павильон «Гражданское строительство»; 1977 год, Алушта), не прошли незамеченными. «Застывшей музыкой» и «неповторимой сказкой» называли картины художника зрители, а космонавты А. Леонов и А. Николаев отметили космический динамизм композиции в работах Клементьева.

Художник умер 19 июля 1987 года в Алуште, дело его сегодня продолжает Николай Иванович Смирнов. Скоро в Симферопольском художественном музее откроется выставка работ М. Клементьева, новых полотен Н. Смирнова.

В управлении Иванов доложил шефу о результатах пребывания в «Жемчуге» и о том, что рассказал Кудюм. Отложив карандаш, генерал посмотрел в упор:

— Борис, тут кое у кого возникли сомнения в твоём плане. Насчет трех засад — у Шестопалова, Кутателадзе и у тебя самого. Я, конечно, отстаивал все эти засады, но... Как бы это тебе объяснить. Твои выкладки заманчивы.

Генерал медлил, исследуя что-то на столе. Что ж, подумал Иванов, всего этого он ждал. Шеф продолжил:

— Но возражения тоже справедливы. Пойми, я не утверждаю, как некоторые, что весь твой план бессмыслен изначально. Но все же... Согласись, вся наша заманчивая версия основана только на одном реальном аргументе — предчувствии Шестопалова.

Иванов понимал: в его отсутствие многие в управлении наверняка требовали отмены его плана, как бесперспективного. Причем, самое главное — он тоже сейчас в этот план почти не верит. Тем не менее он сказал тихо, но твердо:

— Иван Калистратович, наша с вами версия основана еще и на наших общих расчетах.

Сейчас, после поездки в Сочи и Гудауту, Иванов укрепился в уверенности: или сам «Кавказец», или кто-то из его сообщников наверняка связан с «Жемчугом». И еще: на Палине и Гарибове «Кавказец» не остановится.

— Может, решимся на что-то другое? — сказал генерал. — Ведь сочинцы пока не могут ничего нащупать?

— Согласитесь, Иван Калистратович, если бы они что-то нащупали, мой вариант был бы уже никому не нужен. Прошу — утвердите план. На мою ответственность.

— Ладно, действуй. Другого выхода все равно нет.

Выходя из кабинета, Иванов подумал: генерал прав. Шансов, что «Кавказец» попадет в одну из трех засад, у них практически нет.

ОЖИДАНИЕ

Услышав телефонный звонок, Иванов снял трубку:

— Да? Слушаю вас?

— Иван Петрович? — спросил женский голос.

«Иваном Петровичем» звали его предшественника.

— Нет, это не Иван Петрович. Иван Петрович перешел на другую работу. Куда, не знаю. Позвоните в отдел кадров.

Положил трубку. Хотя Ивана Петровича спрашивали в день по несколько раз и наверняка будут еще не раз спрашивать, каждый телефонный звонок рождал в Иванове некую надежду. Каждый раз ему казалось: это «Кавказец». Впрочем, «Кавказец» действительно мог позвонить перед визитом, чтобы проверить, на месте ли «Баграт Элизбарович».

Иванов сидел в своем новом кабинете заведующего пунктом сбора стеклотары и смотрел в окно. Это учреждение, называвшееся «межрайонным», не занималось непосредственно сбором бутылок, а лишь координировало работу многих точек. Размещался «межрайонный пункт» в пристройке к продовольственному магазину. Небольшая площадка за окном из-за скученности, создаваемой машинами и штабе-

лями пустой тары, была превращена в настоящий лабиринт. Эта обстановка, по тайному расчету Иванова, должна стать дополнительным соблазном для «Кавказца». Скрыться в таком захламленном дворе легко.

Засада была хорошо продумана: всю рабочую смену Иванова в одной из комнат пристройки дежурили два оперуполномоченных. Стоило ему нажать скрытую в ножке стола кнопку, и они, услышав звонок, тут же должны были понять: «Кавказец» здесь. И начать действовать по разработанному плану.

Иванов посмотрел в окно. Увы, несмотря на все эти приготовления и на полную конспирацию, «Кавказец» и не думал здесь появляться. В НИИ «Дорстрой» на мясокомбинате его тоже пока не замечали. Его, Иванова, план разработан до последнего движения. Но, рассматривая двор за окном, на котором разворачивалась тыловая жизнь магазина, Иванов с тоской подумал: сколько он видел в жизни таких «хорошо разработанных планов». Прекрасных, отлично продуманных, учитывающих, кажется, все возможные неожиданности. И тем не менее кончавшихся полной неудачей. Приступая к разработке плана, он все-таки надеялся: за это время что-то удастся выяснить сочинцам. Но хотя поисками следов «Кавказца» и «Европейца» в Сочи занимались довольно активно, выяснить там ничего не удавалось.

ИРАКЛИЙ КУТАТЕЛАДЗЕ

Оранжевый комбинатский «Москвич» остановился около дома Ираклия Кутателадзе в половине седьмого вечера. Ираклий посмотрел на смуглого худощавого парня, к которому уже успел привыкнуть. Собственно, новый водитель, Андрей, внешне был очень похож на обычно ствозившего Ираклия домой комбинатского водителя, Вадима Авилова. Только Вадим любил поболтать, Андрей же был молчуном. Ираклий улыбнулся:

— Пойду?

— Да вы не волнуйтесь. — Андрей помолчал. — Там все в порядке. Проходите в квартиру, и все.

— Тогда — до свиданья?

Кутателадзе вышел из машины. Обогнув угол дома и поднявшись на третий этаж, остановился у своей квартиры. Достал ключи. Да, все как обычно. Наверху раздались легкие шаги. Вчера вечером в его квартире до ночи сидел Валерий. Сегодня должен быть Феликс. К ночи он уйдет. Уйдет — потому что, как понял Ираклий, милиция считает: вряд ли «Кавказец» будет взламывать его квартиру ночью. Равно как и днем, когда в ней никого нет. Сунув ключ в скважину, посмотрел вверх. Точно, Феликс. Невысокий крепкий парень спустился на площадку. Улыбнулся.

— Добрый вечер, Ираклий Ясонович. Как доехали?

— Все в порядке. Идем?

— Идем.

Пропустив Феликса в квартиру, Ираклий зажег свет. Предложил чай, но Феликс отказался. Точно так же отказывался от чая Валерий. Единственное, что оба иногда соглашались делать в его квартире, — смотреть вместе с ним телевизор. И то не всегда. Впрочем, телевизор они тоже смотрели по-особому. Так, будто кроме экрана видели одновременно что-то еще.

Оглядев опустевшую квартиру, Ираклий занялся тем, чем обычно занимался последние вечера. Включил телевизор, мельком глянул на экран. Усадил в кресло Феликса, пошел на кухню. Поставил чайник, наспех попил чай с бутербродами. Позвонил Манане. Разлуку с семьей он переносил с трудом, поэтому с женой и сыном разговаривал по телефону каждый вечер. Причем в последние дни в этих разговорах опять возникла тема ремонта квартиры. Манана, сначала принявшая объяснение о ремонте спокойно, теперь уже в этот ремонт не очень верила. Вот и сейчас, после обмена обычными новостями, разговор снова пошел о злополучном ремонте. В конце Манана сообщила: днем ей на работу звонила из Тбилиси мама Ираклия, Вера Северьяновна. Как показалось Манане, Вера Северьяновна тоже озабочена происходящим. Успокоив Манану и поговорив с Дато, Ираклий положил трубку — и тут же позвонил Иванову. С ним они разговаривали по телефону каждый вечер, причем темы были самыми разными. От обычных житейских проблем до того, как он, Ираклий, должен вести себя в том или ином случае при встрече с «Кавказцем».

Ночью, проводив Феликса и уже засыпая, Ираклий думал о том, о чем привык думать в последние дни. О появившихся в его жизни неудобствах. О Манане и Дато. Об отце и матери. И, конечно, о «Кавказце». Вообще, он считал возможность появления «Кавказца» на комбинате маловероятной. Но все время подогревал себя мыслью: он должен продолжать делать то, что начал. Ведь в его понимании человек, подобный «Кавказцу», позорит его край и его народ. По сути, он хуже дикого зверя. Именно на таких «оборотней» его далекие предки устраивали облаву всем миром. Храбрецы же выходили в горы, чтобы выследить и убить их в одиночку. Ведь в конце концов он знает: даже если к нему, Ираклию Кутателадзе, «Кавказец» не придет, он все равно окажет своему другу посильную помощь. Этого вполне достаточно, чтобы продолжать ждать.

ГОСТЬ

Развернувшись, белая «Восьмерка» остановилась у фургона с продуктами. Увидев ее, Иванов машинально посмотрел на часы: без десяти час, скоро обед. Сидящий за рулем человек вышел. Оглянувшись, запер дверь машины, спрятал ключ в карман. Подошел к фургону, спросил что-то у рабочих. Обычный для такого места человек, подумал Иванов. На вид лет сорок, одет по-молодежному: холщовая кепочка, черная кожаная куртка, джинсы. Приезжающие сюда в машинах люди, как правило, делают одно и то же: входят в заднюю дверь с сумкой или портфелем в руке. И вскоре, выйдя из задней же двери, уезжают. Долго такие машины во дворе не задерживаются.

Лишь когда один из рабочих кивнул в сторону пристройки, Иванов вдруг сообразил: этого, в кепочке, плотного, с короткой шеей и округлым лицом, он уже видел. Причем недавно. Вот только — где же. Где же, где же... Кажется, в «Жемчуге».

Человек двинулся в его сторону. Идет вразвалку, на окна не смотрит. Вот хлопнула дверь — человек вошел в пристройку. Сделал два шага. Звук в коридоре стихли. Осматривается. «Кавказец»? Нет —

«Кавказец», по описанию очевидцев, выше ростом. Да и открытый для всеобщего обозрения приезд на белой «Восьмерке» — не в манере «Кавказца». Единственное — Иванов сейчас не сомневался, что человек пришел именно к нему. Точно — через секунду в дверь постучали.

— Да! — сказал Иванов. — Войдите!

Дверь приоткрылась, человек спросил:

— Баграт Элизбарович?

— Баграт Элизбарович.

Человек вошел. Постоял перед столом. Снял кепочку, сел. Настороженно повел подбородком:

— Можно вас попросить запереть дверь?

— Зачем?

— Есть разговор. Ну и... не хотелось бы, чтобы мешали.

Оперативная группа видела, как человек вошел. Этого достаточно. Подумав об этом, Иванов подошел к двери, повернул ключ. Вернулся, сел.

— Слушаю вас?

Человек изобразил улыбку:

— Меня зовут Михаил. Фамилия Голдаев. Думаю, вы меня видели? В «Жемчуге»!

— Допустим, видел.

— Баграт Элизбарович, мне очень неловко, что я пришел к вам. К незнакомому человеку.

— Ничего страшного.

— Но у меня нет другого выхода. — Голдаев достал записную книжку. Подцепил ногтем клочок бумажки, положил перед Ивановым: — Вот.

На неровном клочке была изображена цифра «80». Насколько Иванов понимал в расчетах лобовиков, «80» означало, что выдавший бумажку остался должен Голдаеву восемьдесят тысяч рублей. Чуть ниже стояло: «29.1». Дата — двадцать девятое января. На языке лобовиков такие бумажки, своего рода векселя, называются «капустой». Подписи нет — чтобы не оставлять улики.

— Объяснить, что это? — спросил Голдаев.

— Капуста. Но не моя.

— Верно, не ваша. Это капуста Шестопалова.

Интересно, подумал Иванов. Шестопалов уверял, что у него нет картонных долгов.

— Капуста Шестопалова, но идете вы почему-то ко мне.

Голдаев положил на стол визитную карточку «Чубиева»:

— Вот. Ваша визитная карточка. Я пришел к вам, потому что знаю только ваш адрес. И... не волнуйтесь. Услугу я оплачу.

Иванов изобразил раздумье. Посмотрел на Голдаева:

— Оплатите?

— Да. Три процента. Естественно, если долг будет отдан. Устроит?

Сейчас надо вести себя естественно. Так, как вел себя «Чубиев».

— Ну... я пока еще не знаю, что вам нужно.

— Шестопалов отдал мне только двадцать штук. Сегодня я ему позвонил, но он отказался даже говорить. Больше я с ним дела иметь не хочу. Поэтому прошу вас ему передать: с сегодняшнего дня я включаю счетчик. «Аварийку»¹.

¹ «Включить счетчик» (жарг.) — прибавлять к просроченному картонному долгу дополнительные суммы в определенные отрезки времени (час, сутки, неделю). «Аварийка» — т. е. аварийный, удвоенный или утроенный счет.

Иванов посмотрел на Голдаева. Взгляд у того непроницаемый, с прищуром.

— Понятно. И какой счет вашей «аварийки»?

— Двести в день. Срок — месяц. Ну, а потом... Потом пусть не жалуется.

— А... если он отдаст долг, что я получу? Три процента от остатка? Или от всей суммы?

— Естественно, от всей суммы.— Оторвав клочок бумажки, Голдаев вывел на нем: «3 %». — Вот расписка. Деньги ваши — если отдаст.

Шестопалов всегда подчеркивал: карточные дела у него складываются блестяще. На самом же деле он должен восемьдесят тысяч. Из которых отдал только двадцать. Может быть, Шестопалов связан с «Кавказцем»? Повертев бумажку, Иванов спрятал ее в карман.

— Ну... хорошо. Попробую что-то сделать. Кстати — когда он вам отдал двадцать штук? Если точно?

— Сейчас... Если точно — двадцать первого февраля.

Двадцать первого февраля... Именно в этот день был ограблен Гарибов. Палина же «Кавказец» «разогнал» чуть раньше — пятнадцатого. Если учесть, что два налета принесли «Кавказцу» сорок тысяч и он делился с Шестопаловым поровну — все совпадает. Голдаев набросал на перекидном календаре семь цифр:

— Мой телефон. Если что-то выясните — позвоните. С десяти до шести. Договорились?

— Договорились. Как станет что-то известно — позвоню.

Голдаев встал, натянул кепочку:

— Пойду.

Открыв дверь, Иванов выпустил его. Через секунду раздался телефонный звонок. Снял трубку, услышал голос Игоря Бязева — оперуполномоченного, сидящего в соседней комнате:

— Борис Эрнестович, у вас... порядок?

— Порядок.— Иванов следил, как Голдаев за окном садится в машину.— Номер видите?

— Вижу.

— Позвоните на ближайшие посты ГАИ. Пусть остановят машину... ну, скажем, за нарушение правил дорожного движения. Задержат его и пока не выпустят. Но так, чтобы он ни о чем не догадался.

— Понял.

Положил трубку. Проследил, как белая «Восьмерка», развернувшись, выехала на улицу. Вряд ли приход Голдаева — проверка. Непохоже. Кому и зачем его проверять? Но если это не проверка — значит, Шестопалов ввел его в заблуждение. Скрыв крупный карточный долг. Что же — Шестопалов связан с «Кавказцем»? А почему бы и нет. Вполне возможно. Ведь расклад самый обычный: Шестопалов дает исчерпывающую информацию, «Кавказец» действует. Впрочем, расчеты, которые он сейчас производит в уме, надо проверить. Снял трубку, набрал номер Гарибовой.

— Светлана Николаевна?

— Я. Слушаю вас.

— Это Иванов, узнаете?

— Конечно. Добрый день, Борис Эрнестович. У вас... что-то новое?

— Нам нужно увидаться по важному делу. Вы сейчас свободны?

— Что... прийти к вам?

— Нет. Я подъеду к вашему дому на машине. Минут через пятнадцать. У меня светло-голубая «Нива». Выходите и сразу садитесь.

ВЫЯСНЕНИЕ

Ждал он недолго. Выйдя из подъезда, Гарибова села рядом с ним. Он кивнул:

— Давайте отъедем.

Проехав два квартала, остановил машину.

— Светлана Николаевна... В день, когда вас ограбили, вы спрашивали у кого-то совета — стоит ли вам обращаться в милицию?

Сидит молча. Значит, вопрос ее озадачил. Шевельнулась:

— Что... это имеет значение?

— Имеет. От этого будет зависеть, найдем мы грабителя или нет.

— Оттого, спрашивала ли я у кого-то совета?

— Да. Оттого, спрашивали ли вы у кого-то совета.

Вообще-то, по его расчетам, скрывать ей особенно нечего.

— Хорошо, допустим, я спрашивала. Но я обещала этому человеку не выдавать его.

— И все же настоятельно прошу — назовите его имя.

— Ну... это Шестопалов.

— Шестопалов? Почему именно он?

— Потому что он никогда не даст плохого совета. И потом... Поймите мое состояние. Ведь с мужем об этом я говорить не могла. Леша был единственным, к кому я могла обратиться. В тот момент.

— Вы ему позвонили? Или сразу приехали?

— Нет. Леша позвонил сам. Он часто звонит — узнать, что и как. Ну и... он сразу понял по моему голосу — что-то случилось.

Шестопалов позвонил первым... Это очень важно. И — этого следовало ожидать.

— Вы поехали к нему?

— Да. Я поехала к нему и все рассказала. Леша посоветовал обратиться в милицию. Сказал — прощать такое нельзя.

— Вы общались с Шестопаловым после нашей первой встречи?

— Общалась.

— И что Шестопалов?

— Ничего особенного. Поинтересовался, что произошло в милиции. Расспрашивал, кто вы, как выглядите, как себя вели. Вообще, что вы за человек. Я сказала — вы очень симпатичный человек.

— О чем еще вы говорили?

— Алексей попросил ваш телефон. Сказал, хочет помочь милиции найти бандита. Я дала. Ведь тайны в этом нет?

— Нет.

— Ну вот. Дальше вы знаете.

— Шестопалов советовал — что можно говорить в милиции, а что нельзя?

— В первый раз, когда я должна была пойти к вам... в МВД — сказал, чтобы я поостереглась говорить про карты. Объяснил — милиция может не так понять. Ну, а во второй... когда я рассказала про вас — посоветовал: надо все объяснить. До конца.

— Ясно. — Включил мотор. Проехав по пустому переулку, остановил машину у подъезда Гарибовой. Если она расскажет об этой встрече Шестопалову,

ничего страшного не случится. Но лучше, если он об этом не узнает. Кивнул:

— Светлана Николаевна... очень прошу вас не говорить Шестопалову о нашей встрече. Хорошо?

— Хорошо. — Помолчала. — Я ничего ему не скажу. Обещаю.

— Вот и отлично. Спасибо.

Подождал, пока Гарибова войдет в подъезд — и подъехал к ближайшему телефону-автомату. Заглушил мотор, вышел, набрал номер Бязева. Услышав отзыв, сказал:

— Игорь, это Иванов. Ну что?

— Голдаев задержан. Сейчас находится в отделении ГАИ.

— Что ему предъявили?

— Пока — только подозрение, что машина краденая.

— Личность установлена?

— Да. Голдаев Михаил Витальевич, прописан в Москве. Старший технолог объединения «Трикотажница». К уголовной ответственности не привлекался. Холост. Документы на машину в порядке. Они спрашивают, что с ним делать?

— Отпустить. С извинением.

— Все понял. Вы приедете?

— Не знаю. Если что-то — я в министерстве.

ШАНС

Выслушав рассказ Иванова, шеф заметил:

— Я правильно понял — вы считаете, «Кавказец» и Шестопалов действуют сообща?

— Считаю. Во всяком случае, пока все за это.

— Заманчиво. — Здесь наступила пауза, во время которой шеф несколько раз переместил по столу ручку. — Но признаюсь — сомнительно.

— Почему?

— Во-первых, — Шестопалов никогда не будет связываться с убийством милиционера.

— Об убийстве милиционера Шестопалов мог и не знать. «Кавказцу» нужно было оружие — он его добыл.

— Хорошо, допустим — мог не знать. Но, насколько я понял, доказательств связи Шестопалова и «Кавказца» у нас нет? Только домыслы?

— Ну... если уж на то пошло — доказательства можно добыть.

— Каким образом?

— Нашупав их связь.

— Связь... Думаете — это так просто?

— Не просто. Но почему бы не предположить, что связь у них самая элементарная?

— Например?

— Скажем — телефонная? Конечно, по домашнему или рабочему телефонам Шестопалов говорить с «Кавказцем» не будет. Но он вполне может воспользоваться уличным телефоном-автоматом.

Шеф снова покрутил ручку, несколько раз поставил ее стоймя. Отложил.

— Уличным телефоном-автоматом... Ну, допустим.

— Дальше — если бы удалось снять этот разговор на пленку, все было бы решено. Естественно, такую съемку надо вести при понятых.

Генерал тронул ладонью шею:

— При понятых... В общем-то... При нашем положении — это идея. — Посмотрел в окно. — Только — он может вообще не выйти на связь. А?

— Выйдет. Ему нужны деньги. И потом... У меня есть соображения, как эту связь ускорить.

— Любопытно.

— Засадой в НИИ «Дорстрой» занимается Савельев. Он инструктировал Шестопалова, постоянно поддерживает с ним контакт. Вот пусть и скажет сегодня: засада в институте, как не оправдавшая себя, снимается. Шестопалову это сразу развяжет руки. Мне кажется, он давно бы уже дал наводку «Кавказцу», если бы не боялся наших засад.

Генерал некоторое время рассматривал собственные сложенные ладони.

— Ладно. Так и будем действовать. Насколько я понял — вы считаете, Шестопалов будет «разгонять» кого-то из своих знакомых? Так?

— Именно так. На этих знакомых нам и нужно ориентироваться. Причем в самое ближайшее время.

— Ну а... насчет других засад? Вашей и на мясокомбинате?

— Я должен оставаться на месте. Из-за Голдаева. Ну, а Кутателадзе... Не забывайте — Кутателадзе ведь тоже знакомый Шестопалова.

ЦЕХ ПЕРВИЧНОЙ ОБРАБОТКИ

Рабочий день на мясокомбинате начался, как обычно. С утра Ираклий Кутателадзе подписал стопку принесенных секретаршей приказов. Провел ленточку. Ответил на нужные звонки, сам позвонил по нескольким нужным звонкам. В одиннадцать секретарша, как всегда, принесла чай. В это время позвонили из цеха первичной обработки продукции. Начальник цеха Кузин сообщил о «ЧП» — часть только что поступившего от поставщиков сырья не соответствует стандарту. Выругав про себя поставщиков, Ираклий бросил: «Сейчас буду», — и, отдав необходимые указания секретарше — что кому отвечать и кого куда посылать, — отправился в цех первичной обработки. Лишь на середине пути вспомнил: он опять забыл предупредить опергруппу о выходе из комбината. С досадой подумал: Борис рассердится. Действительно, что стоило взять трубку и сказать по телефону: «Выхожу». Впрочем, ничего страшного не произойдет. Да и не возвращаться же.

Возле кабинета начальника цеха Кузина, в небольшой приемной, всегда грудилась очередь. Допуском людей в кабинет руководила молоденькая секретарша Инна. Как давно уже заметил Кутателадзе, Инна и сама являлась приманкой для молодых инженеров и мастеров. Во всяком случае, они то и дело заходили сюда по самым разным поводам. Еще в коридоре Ираклий услышал голос начальника цеха, звучащий на повышенных тонах. Бросив толпившимся в приемной «Добрый день», вошел в кабинет. При его появлении невысокий кругленький Кузин возмущенно показал на стоявшего рядом со скучным видом представителя поставщиков:

— Полюбуйтесь, Ираклий Ясонович. Видели? Где совесть? Главное, выбрали момент. С ножом к горлу.

После длительной перепалки и прямых звонков поставщикам инцидент в конце концов был улажен. Представитель поставщиков ушел. Кузин сел за стол, вытирая платком обильный пот. В дверь заглянула Инна:

— Ираклий Ясонович, к вам посетитель. Я пропущу?

— Что еще за посетитель?

— Говорит, искал вас по всему заводу. Он от промкооперации, из Кабардино-Балкарии. Вот он, за мной стоит.

— Ну — пожалуйста. Пусть проходит.

Инна отодвинулась. Высокий человек лет тридцати, войдя, осторожно прикрыл дверь. Сразу же мелькнуло: этого человека он где-то видел. Темные усы. Темные волосы челкой на лоб. Маленькие немигающие глаза. Синий спортивный костюм с эмблемой «Адидас» над левым карманом куртки. Стоп. Это же «Кавказец». Он его не видел. Но десятки раз слышал его описание. Ираклий сразу ощутил ход собственного сердца. Правая рука гостя в кармане куртки. Ну да — там пистолет. Непонятно только, как «гость» его нашел. Собственно, что тут находить? Ведь он сказал секретарше, куда выйдет.

— Слушаю? — Кажется, Ираклий не услышал собственного вопроса. Помедлив, повторил громче: — Слушаю вас?

Человек улыбнулся, будто кто-то силой заставил его это сделать:

— Вы — Ираклий Ясонович?

— Я — Ираклий Ясонович. — Мелькнуло: Кузин продолжает усиленно вытирать пот. Ясно — он и понятия не имеет, кто вошел в кабинет. Но во внешнем виде человека нет ничего особенного. Совершенно ничего особенного.

— Понимаете, я приехал к вам в командировку. Издалека, из Кабардино-Балкарии. Ну и — нам с вами надо поговорить. Я от поставщиков, вопросы у меня серьезные.

Не вовремя он вышел из своего кабинета. Да еще забыл об этом предупредить. Если бы это случилось в его кабинете, «Кавказец» давно бы уже был схвачен. Впрочем, может, это все-таки не «Кавказец»? Нет, Борис предупреждал: если кто-то будет рядом, «Кавказец» скорей всего заговорит о производстве.

— Пожалуйста, садитесь. Поговорим.

— Да, но... — Человек настороженно смотрит на Кузина. — Понимаете, разговор у меня особый. Хотелось бы поговорить наедине.

Ираклий вдруг показалось — он весь мокрый. Собственно, чего он испугался? Вспомнились слова Бориса: «В любом случае веди себя так, как ведешь всегда. В любом случае». Надо взять себя в руки. Помедлив, сказал спокойно:

— Тогда пройдем в мой кабинет. Если наедине.

Он все говорит правильно. Надо увести его в свой кабинет. Опергруппа там рядом, за стенкой. Так как человек продолжал смотреть с некоторым сомнением, добавил:

— В моем кабинете мы можем поговорить спокойно. Да и это недалеко.

Вдруг подумал: он сейчас еле удерживается, чтобы не закричать: «Соглашайся! В моем кабинете я дам тебе все, что ты просишь! Соглашайся!» Казалось, прошла целая вечность, прежде чем человек сказал:

— Все же давайте сначала поговорим здесь. А потом где хотите. Можно и у вас.

Мелькнуло: здесь есть телефон... Ну и что — телефон? А то, что стоит снять трубку и сказать условную фразу, и опергруппа будет знать, что происходит. Но кто сказал, что «Кавказец» даст снять трубку? Он, Ираклий, слишком долго молчит. Надо что-то говорить.

— Ну... хорошо. Только — как мы будем с хозяином кабинета?

— Да ладно.— Спрятав платок, Кузин пошел к двери.— Ладно, Ираклий Ясонович, у меня как раз дела в цехе. Говорите сколько угодно.

Вышел. Как только они остались одни, человек вытащил правую руку из кармана. Пистолет. А человек — «Кавказец». Теперь в этом нет никакого сомнения. Рука медленно поднялась, остановив пистолет у живота Ираклия. Странно, живот будто обварило. Он никогда не стоял вот так, под пистолетом. Человек усмехнулся:

— Ираклий Ясонович, разговор будет простой. Если сделаете что не так, тут же стреляю. Тут же. Понимаете? Выстрела никто не услышит. Поэтому делать будете только то, что скажу. Поняли? Или повторить? Ираклий Ясонович?

Спокойней. Слышишь, Ираклий, спокойней. «Кавказец» обладает многими несомненными преимуществами перед тобой. Он вооружен. Физически намного сильнее. Он не знает жалости. За его плечами, наверное, несколько кровавых расправ. Но ведь какие-то преимущества есть и у тебя. Во-первых, интеллект. Во-вторых, сила духа. Постарайся превзойти его хоть в этом. Да, тебе сейчас не сладко. Но это и хорошо. Ты ведь и должен показать, что струсил. Иначе он поймет — его здесь ждут. Вот и покажи, что тобой овладел страх. Ствол пистолета двинулся, коснувшись живота:

— Эй, директор? Заснул? Во-первых, открой дверь. Чуть-чуть. И скажи девахе, чтоб никого не пускала. У тебя важный разговор. Понял?

— Понял.— Губы сказали это сами. Помедлив, Ираклий взялся за ручку двери. Тут же услышал шепот:

— Только панику поднимать не вздумай. Сам понимаешь, трупов будет вагон. Кроме тебя. Уяснил? — Уяснил.

— Давай. Учти, я стою рядом. Ну?

Ираклий приоткрыл дверь. Все как обычно. Легкий шум, стоят люди. Инна разговаривает с молодым мастером. Кажется, фамилия этого мастера Соловьев. Да, Соловьев. Инна посмотрела с вопросом:

— Слушаю, Ираклий Ясонович?

— Не пускай никого. Хорошо, Инночка? У меня серьезный разговор.

— Даже Сергея Ильича?

— Даже Сергея Ильича. Но он придет не скоро.

— Все поняла. Никто не войдет.

Прикрыл дверь. Повернулся:

— Что еще?

— Еще... — «Кавказец» смотрит изучающе. Помедлив, показал глазами на ключ в двери. — Поверни ключ. Быстро.

Ираклий повернул ключ. Спросил, не поднимая головы:

— Дальше?

— Дальше садись за стол. Учти — телефон не трогать. И вообще сидеть тихо. Никаких лишних движений. Понятно?

Подождав, пока Ираклий сядет, «Кавказец» подошел к единственному в кабинете окну. Встал боком, посмотрел вниз. Отсюда, со второго этажа, ему наверняка хорошо видны все подходы к цеху. Вот повернулся. Так же боком отошел от окна. Сел. Рука с пистолетом лежит на столе. Ствол чуть в сторону. Улыбнулся:

— Ираклий Ясонович, долго мучить вас я не буду. Мне нужны деньги. Двадцать тысяч рублей.

Думаю, у вас найдется такая небольшая сумма. Найдется? Причем деньги нужны быстро. До часу дня.

Надо тянуть время. Чем дольше его не будет в кабинете, тем больше надежда на опергруппу. Они начнут его искать. Только Ираклий подумал об этом, как раздался звонок. «Кавказец» положил руку на трубку:

— Трубку не брать... Значит, поняли? Деньги нужны до часу дня.

Звонок продолжает звенеть. Аппарат здесь один, на Инну выхода нет. Похоже, это опергруппа. Они его ищут.

— Поняли, Ираклий Ясонович?

— Но... где же я найду такую сумму?

— Не знаю. Это ваше дело. К часу, последний срок — к половине второго я должен получить деньги. В противном случае пострадаете не только вы. Пострадает ваша мама.

— Мама? — Это вырвалось само собой. Вообще, причем здесь его мама? Что, они действуют одновременно здесь и в Тбилиси?

— Но... почему мама?

— Потому что если до полвторого вы не отдадите деньги, мой товарищ вынужден будет войти в вашу квартиру. И сильно повредит вашей маме. Так же, как я буду вынужден повредить вам. Увы.

— В какую мою квартиру? В Тбилиси?

— Зачем в Тбилиси? В Москве.

Наконец телефон замолчал. У него стучит в висках. Почему вдруг возник разговор о маме?

— Но... мама живет в Тбилиси.

— Не знаю, где она живет. Сейчас она в Москве.

— Глупость. Ее в Москве нет.— Вдруг по глазам «Кавказца» Ираклий понял: мама действительно в Москве. «Кавказец» пожал плечами. Снял трубку:

— Не верите — наберите свой номер телефона. Не хотите? Тогда давайте я. Но предупреждаю: говорите с ней только по-русски. Иначе я прерву разговор.

Набрал номер, прислушался к гудкам. Услышав чей-то отзыв, протянул трубку:

— Она у телефона. Значит, только по-русски. И коротко. Ваша мама.

Ираклий прижал трубку к уху. В мембране — мамин голос. Как бухает в голову. С ним они могут делать что угодно. Но с мамой... Вообще, он не может даже этого представить. Мама — и они.

— Алло? Мама? Это ты?

— Иракли... Иракли, как я волнуюсь...

— Ты откуда? — Он спросил по-русски, хотя мама говорила по-грузински. Кажется, все проваливается. Летит куда-то...

— Из Тбилиси... Утренним самолетом... Я ведь знала, никакого ремонта... Иракли, зачем ты меня мучаешь? Зачем?

— Как ты попала в квартиру?

— Что значит — как? У меня же ключ.

— Ключ?

— Ты что, забыл? Вы же сами дали мне ключ.

Да, он вспомнил. Он сам дал матери этот ключ.

— Если бы не этот ключ, я б вообще не прилетела. Иракли, ну разве так можно? Я вся извелась.

— Ты о чем?

— О чем... Он не понимает. Что у вас с Мананой? Вы что, разбегались? Разошлись? Говори правду. Ика? Умоляю. Мать нельзя обмануть, слышишь? Не молчи. Ну, Иракли?

«Кавказец» поднял пистолет. Показал: все.
— Мама, я тебя очень прошу — успокойся.
— Но, Иракли... Ика...
— Мама, у нас все в порядке. Я тебе потом объясню. Сейчас я не могу говорить.
— Но Ика... — Гудки. «Кавказец» нажал на рычаг.
— Убедился?
— Убедился. — Теперь ему все ясно. Поговорив вчера с Мананой, мама подумала: у них нелады. И наутро вылетела. Это на нее похоже. У мамы это называется «спасать семью». «Кавказец» усмехнулся:
— Ираклий Ясонович, теперь вы понимаете? Я не шучу.

— Да. Понимаю.
Что он говорит? Он полностью потерял контроль над собой. Если бы не мама... Если бы не мама, он действовал бы по заранее разработанному с Борисом сценарию. Сначала бы прикинулся, что у него вообще нет таких денег. Потом попытался бы всячески снизить сумму. Потом сказал бы, что попробует занять деньги у друга. Директора шашлычной. И позвонил бы по телефону опергруппы. О том, что этот номер специально занят у одной из шашлычных, не знает никто. Даже справочная служба. Если «Кавказец» вздумал бы вдруг спросить об этом номере по «09», ему бы подтвердили: «Да, это шашлычная». «Кавказец» пригнулся:

— Ираклий Ясонович, очнитесь. Давайте подумаем, как быстрее получить деньги. Они у вас в сберкассе?

— Да. То есть в сберкассе у меня мало...

Опять в голове заматалось: мама... Ведь днем дежурство у его квартиры снимается. Хорошо, допустим «Кавказец» будет задержан. Здесь. Но ведь мама — там. В его квартире. Получается, он, Ираклий Кутателадзе, должен подставить маму, свою маму, под пистолет убийцы. Веру Северьяновну Кутателадзе. Но, собственно, как он может этому помешать? Даже если допустить, что он был бы согласен откупиться? Где он смог бы достать двадцать тысяч рублей? Да еще — до часу дня? Хорошо, пусть он смог бы их достать, эти двадцать тысяч. Ну и что? Некоторое время Ираклий сидел, повторяя про себя эту цифру. Двадцать тысяч... Нет. Если бы он только сделал это... Если бы передал двадцать тысяч в обмен на жизнь мамы... И при этом отпустил «Кавказца» и его напарника с миром, он стал бы предателем. Обычным предателем. Причем в этом случае он предал бы не только Бориса. Он предал бы всех, кого «Кавказец» смог бы потом убить и ограбить. И не только их самих, но и их близких. Самое же страшное, он предал бы себя. И именно мама, которая сейчас, сама того не подозревая, может вот-вот погибнуть, никогда не простила бы ему этого. Никогда. Вдруг он понял. Ясно, отчетливо понял: он будет проводить разработанный с Борисом план.

— Ираклий Ясонович, вам не жаль свою маму? Или вы думаете, мой товарищ ее пожалеет?

— Нет... Я так не думаю... Но понимаете... Двадцать тысяч... Огромная сумма...

— Побойтесь бога, Ираклий Ясонович. Разве для вас это сумма? Вообще, что для вас двадцать тысяч?

Все правильно. Если «Кавказец» знает о его выгрышах в «Жемчуге», то в понимании «Кавказца» ему, Ираклию Кутателадзе, действительно ничего не стоит отдать двадцать тысяч. «Кавказец» чуть повернул пистолет.

— Давайте не будем, Ираклий Ясонович. Не нужно сердить друг друга. Разойдемся с миром. Вы отдаете деньги, я ухожу. И никогда больше на вашем горизонте не появлюсь. Здесь полная гарантия.

— Все же... двадцать тысяч. Может быть, я действительно мог бы их сейчас набрать. Ну чуть меньше. Двадцать тысяч, честное слово, просто не наберу. Скажем, тысячу десять? Хорошо?

— Ираклий Ясонович. Жадность — знаете, как она губит людей? Хорошо, сейчас я возьму десять тысяч. Но ведь я приду потом. Чтобы забрать остаток.

— Может быть, пятнадцать вам хватит? Все-таки — такая огромная сумма?

— Ну и жадюга же вы, Ираклий Ясонович. Что вам пять тысяч?

— Хорошо... Только... Как я попрошу такую сумму? Ведь просто так ее никто не даст. Скажут — зачем?

— Это не проблема. Скажите, заболел родственник. Нужны деньги на операцию. Вас же знают, Ираклий Ясонович? У вас авторитет.

— Ну хорошо... Хорошо... Просто не знаю... Я мог бы позвонить одному другу.

— Ну так звоните. — «Кавказец» развернул аппарат. — Подождите. Что это за друг?

— Один мой друг. У него... у него бывают деньги.

— Деньги — это хорошо. — «Кавказец» долго молчал. Повторил: — Деньги — это хорошо. Только откуда я знаю — может, вы собираетесь звонить в милицию?

— Почему в милицию? Я позвоню своему другу.

— Куда вы позвоните своему другу?

— На работу. Он сейчас на работе.

— Куда именно на работу? Где он работает?

— Он заведует пунктом стеклотары. Межрайонным. Если вы не верите, можете позвонить в справочную. И спросить, как позвонить в Краснопресненский пункт сбора стеклотары.

— Как его зовут, вашего друга? Имя, отчество, фамилия?

— Чубиев. Баграт Элизбарович Чубиев.

«Кавказец» посмотрел в окно. Кажется, этот взгляд его успокоил — придвинув к себе аппарат, он сказал:

— Хорошо. Давайте-ка его телефон. Напишите на бумажке. Проверим.

Оторвав листок календаря, Ираклий набросал телефон. «Кавказец» набрал «09».

— Пожалуйста, телефон межрайонного пункта сбора стеклотары. Стекло-тары. Краснопресненский район. Да.

Выслушав ответ, положил трубку. Тронул лоб.

— Ладно, звоните вашему другу. Только предупреждаю: без фокусов. Говорите коротко. Нужны деньги. И все. Деньги пусть привозит сюда. Для него я ваш родственник. Племянник. И пусть поторопится. Времени мало. — Помолчав, тронул телефонный аппарат: — Звоните.

Ираклий снял трубку, набрал номер. Гудки. Вот щелкнуло. Голос Бориса:

— Алло? Слушаю вас?

Только бы Борис его понял. Только бы понял.

— Багратик? Здравствуй, это я. Ираклий.

— Ираклий? — Голос Бориса чуть замешкался. — Ты... откуда?

— С работы. Понимаешь, Багратик, у меня боль-

шое несчастье. Какое, объясню потом. Мне срочно нужны деньги. Очень срочно.

— Сколько тебе нужно?

— Двадцать тысяч.

— Ого. Таких денег я могу не собрать. А... что случилось-то?

Ясно, Борис подстраховывается — на случай, если «Кавказец» слышит ответы.

— С мамой... несчастье.

Он нарочно чуть выделил «с мамой». Борис вздохнул:

— А... что с твоей мамой? Что-нибудь серьезное? Она что... больна?

— Да, больна. Seriously больна.

— Что — это недавно выяснилось? Я никогда не слышал, что она у тебя больна...

— Это выяснилось только сегодня. Баграт, умоляю — привези деньги. За мной не встанет, ты же знаешь.

— Н-ну... хорошо. Попробую.

— Не «попробую». Нужно везти деньги, срочно. И — до часу дня.

— Почему такая спешка? Что — поезд отходит?

— Багратик, дело не в поезде. Срочно вези деньги. Пойми — мама для меня дороже всего.

— Ладно, Ираклий. Ладно. Но... я это делаю только ради твоей мамы.

— Спасибо, Багратик. — «Я это делаю только ради твоей мамы». Судя по этим словам, Борис понял: с мамой Ираклия действительно что-то случилось. — Я знал, ты не подведешь.

— Подожди благодарить. Куда везти деньги? На комбинат?

— Да. Только — я буду ждать не у себя в кабинете. У нас есть цех первичной обработки. Я сейчас там. В кабинете начальника цеха. Приходи прямо туда. С деньгами.

— Хорошо. Сейчас буду.

— Спасибо, Баграт. Жду.

ТУХЛОЕ МЯСО

О том, что Ираклий захвачен «Кавказцем», Иванов понял сразу, как только услышал по телефону: «Багратик! Здравствуй, это я, Ираклий...» Не только из-за «Багратика». Голос Ираклия был совсем чужим. Сухим, хриплым. Как только Иванов все это понял, в голове сразу же заметалось: «Где Линяев и Хорин?» Почему Ираклий звонит ему... Ведь они договорились — оказавшись вне кабинета, Ираклий в случае опасности должен звонить в опергруппу. Линяеву и Хорину. Ведь они рядом, на комбинате. Специально для таких случаев им выделен «подставной» телефон. Впрочем, тут же он понял: времени на метания и раздумья не остается. Без всякой паузы он должен решить, как говорить. Исходить ли из того, что «Кавказец» прижал ухо к мембране и слышит все, что ему говорит сейчас Ираклий? Или — нет? Хотя — в любом случае он обязан говорить так, будто «Кавказец» все слышит. Но — вдруг «Кавказец» знает, кто такой «Чубиев»? Неясно. Ладно, выбора все равно нет. Да и Шестопалов вряд ли имел возможность и желание посвящать в это напарника.

В общем-то, в этом разговоре все для Иванова было разложено по полочкам. Ираклий забыл предупредить о выходе из кабинета. «Кавказец», пройдя на территорию комбината, поинтересовался, где директор. Узнав, что директор в цехе, прошел туда и

легко захватил Ираклия. Линяев и Хорин, скорее всего, об этом захвате могут только подозревать. Но не знают — иначе бы они ему позвонили. Единственное, что смущает — интонация, с которой Ираклий сообщил о матери. Что-то здесь не то. Нажав на рычаг, Иванов тут же набрал номер Мананы:

— Мананочка, это Боря. Не могу долго говорить, извини. Что с Верой Северьяновной? Она часом не заболела?

— Почему заболела? Она в Москве.

— В Москве?

— Да. Прилетела сегодня утром. Я с ней только что разговаривала. А... что случилось? Боря?

— Ничего. Надеюсь, мама разместилась в квартире Ираклия?

— Конечно. У нее свой ключ. Да объясни, в чем дело? Я уже два раза звонила Ираклию. Конечно, найти его невозможно. Он же никогда не сидит на месте.

— Мананочка, ты не волнуйся. Просто у меня небольшое дело к Вере Северьяновне. Да — ты давно с ней разговаривала?

— С полчаса.

— Она, конечно, сейчас там? На Тимирязевке?

— Конечно. Мы же с Ираклием на работе. Она будет нас ждать.

Ударив по рычагу, нажал кнопку вызова опергруппы. Тут же набрал домашний номер Ираклия. Сразу узнал голос Веры Северьяновны. По интонации — с ней пока ничего не случилось. Она даже ответила по-тбилиски: не «Алло?», а «Батоно?»

— С приездом, Вера Северьяновна. Это Боря Иванов.

— Боречка? Тысячу лет! Ой, Боречка, вай ме! Как я рада! Понимаешь, я в Москве.

— Вера Северьяновна, простите, ради бога, я сейчас не могу особенно долго разговаривать. Я к вам обязательно сегодня приеду, мы увидимся, поговорим. Вы давно в квартире?

— Только утром прилетела. Первым рейсом.

— То есть около одиннадцати вы уже были в квартире?

— Примерно... А что это тебя интересует?

— Да... к Ираклию должны были в это время зайти или позвонить. Никто не заходил?

— Никто.

— И не звонил?

— Нет. Хотя подожди... Звонил. Как раз когда я вошла. Мужской голос. Спросил Ираклия. Я сказала, он на работе.

— Больше он ничего не спрашивал? Может, что-то передавал?

— Ничего не передавал. Спросил только: «Вы его мама?» Я говорю: «Да, мама». Он сказал — он друг Ираклия. Мы очень мало поговорили. Потом звонил Ираклий. Но как-то странно. Трубку положил.

— Вера Северьяновна, у меня большая просьба. Можно к вам сейчас заедут два наших друга? Моих и Ираклия? Мы договорились встретиться на квартире Ираклия, им пока некуда деться? А мы с Ираклием подждем позже?

— Ради бога, пусть приезжают. Вообще, где Ираклий? На работу ему звоню, не могу дозвониться. Ты не знаешь? Что за манера вообще бросать трубку? От кого, от кого, но от Ираклия такого не ждала.

— Вера Северьяновна, еще одна просьба. Никому

не открывайте, пока наши друзья не подъедут. Что бы за дверью ни говорили. Мосгаз, водопроводчик, телеграмма и так далее. Никому, даете слово?

— Боря, не нравится мне это... Почему ты об этом говоришь?

— Понимаете, Ираклий связался с ремонтом. Ну и — нашлось несколько назойливых типов. Рвачи, жулики, пытаются содрать с него лишние деньги. Хорошо, я вмешался. Устроил ему честных ребят. Зачем лишнее переплачивать? А мои все хорошо делают. Качественно. Ну, а эти — все еще ходят. Навязывают услуги. Поэтому не открывайте никому. Мои ребята подъедут скоро. Минут через пятнадцать. Запомните, их зовут Игорь и Володя. Запомнили?

— Конечно. Игорь и Володя.

— Откроете только им. Они скажут: «Это Игорь и Володя, друзья Бориса Иванова». Как только это услышите, впускайте. Хорошо?

— Хорошо. Вы-то с Ираклием скоро подъедете?

— Скоро. Я еще позвоню. Всего доброго.

Положил трубку. Два дежурных оперуполномоченных, Игорь Бязев и Володя Коротков, уже стояли рядом. Посмотрел на них:

— Только что звонил Кутателадзе. Кажется, он захвачен. Есть подозрение — его квартира тоже под прицелом. Конец разговора с матерью Кутателадзе слышали?

— Слышали, — сказал Бязев.

— Срочно езжайте туда. Что делать и как действовать — не мне вас учить. Мать Кутателадзе зовут Вера Северьяновна. Для нее вы — Игорь и Володя, мои друзья. Приехали ремонтировать квартиру. Я выезжаю на мясокомбинат. Как только окажетесь в квартире Кутателадзе, звоните туда. В опергруппу. Адрес на Тимирязевке знаете. Это третий этаж, без лифта. Поторопитесь.

Не глядя в их сторону, набрал номер опергруппы на мясокомбинате. Отозвался Линяев. Иванов сразу спросил:

— Что с Кутателадзе, знаете?

— Да. Думаем, захват. В цехе первичной обработки.

— «Думаем»... Почему я должен узнавать это раньше вас?

— Я звоню непрерывно. У вас занято. Да и... мы только что поняли.

— Хорошо, разберемся потом. Какие приняты меры?

— Хорин и Козлов уже там. Только что звонили — контролируют выход из кабинета. Я на связи. Вызвана дополнительная опергруппа.

— Зря. Надо было без паники. По всему — он один.

— Но ведь...

— Обсуждать будем потом. Действуйте так: сейчас вы идете к цеху и сменяете Козлова. Пусть идет к проходной и проследит за действиями дополнительной опергруппы. Главное, что б не было паники. Понятно? Вообще — пусть дождутся меня. «Кукла»¹ у вас готова.

— Готова.

— Захватите с собой. Я выезжаю к вам. Поста-

¹ «Куклой» принято называть толстую пачку бумаги, имитирующую крупную сумму денег. При изготовлении «куклы» сверху обычно кладется несколько настоящих ассигнаций.

раюсь быть минут через десять — двенадцать. Вообще, напомните — что это за место? Этот кабинет? Народ там есть?

— Есть. Это на втором этаже, в дальнем конце кабинета.

— Люди о чем-нибудь догадываются?

— Пока нет. Кутателадзе предупредил, чтобы к нему никого не пускали. И запер дверь изнутри.

— Ждите меня с Хориным на первом этаже. На глаза не лезьте. Все, я скоро буду.

Положил трубку, машинально хлопнул себя по боку, проверил пистолет. Прихватив пустой портфель, быстро вышел во двор, сел в «Ниву». Вывернувшись из краснопресненских переулков, дал полный газ. На ходу, еле успевая проскакивать светофоры, подумал: кажется, номер с «Чубиевым» прошел. Ясно также, почему Ираклий позвонил именно ему — из-за мамы. Если номер с «Чубиевым» прошел, он может смело входить в кабинет. Конечно, в крайнем случае он возьмет «Кавказца» и один. Но лучше подстраховаться. Как — пока неизвестно. Нужно думать. Думать... Жаль, в кабинете Ираклий. Если бы он, Борис Иванов, оказался в этом кабинете один на один с «Кавказцем», то взял бы его, не задумываясь. Чем бы тот ни был вооружен. Хоть гаубицей. С Ираклием же совсем другое дело. Мало ли, начнется пальба... Рисковать нельзя. Что же придумать... Что же... Все, проходная комбината. Перед тем как затормозить, незаметно огляделся. Как будто никаких «напарников». Старенький «Рафик» с рекламой мороженого на дверце. Похоже, именно на нем прибыла дополнительная опергруппа. Выключив мотор, вышел из машины. Сразу за дверью проходной столкнулся с Козловым. Спросил тихо:

— Где дополнительный наряд?

— Здесь, в комнате вахтеров.

— Ничего нового нет?

— Нет. Линяев и Хорин в цехе. Ждут вас.

— Очень хорошо. Куда выходит окно из этого кабинета?

— Во двор.

— То есть меня он увидит?

— Если вы подойдете, увидит.

— Все, пошел туда. Смотрите за обстановкой.

Выйдя из проходной и шагая по территории комбината, Иванов продолжал перебирать все возможные варианты подстраховки. Конечно, если ничего не придумается, можно просто рассчитать время. Так, чтобы в момент, когда он будет передавать «куклу», в кабинет ворвались Линяев и Хорин. Нет, не годится. Он ведь не знает, как будет настроен «Кавказец» именно в этот момент. В Линяева и Хорина он верит. И все же, если в этот момент пистолет будет у «Кавказца» в руке, может быть всякое. В том числе и трупы. Надо придумать какую-то хитрость. Отвлекающий момент. Вот только — какой. Пройдя еще немного, Иванов завернул за угол и увидел цех первичной обработки. По внешнему виду — все спокойно. По крайней мере, внизу, у входа в цех, никого нет. На втором этаже несколько окон. Вполне возможно, «Кавказец» стоит у одного из них. И видит сейчас его, «Чубиева». Пусть видит. Он, Баграт Чубиев, идет на выручку. В руке у него портфель со срочно собранными двадцатью тысячами. На операции маме, Единственное — лишь бы не сорвался Ираклий. Впрочем, вред ли Ираклий сорвется после разговора с ним. Осталась мелочь — придумать под-

страховку. Сейчас он увидит Линяева и Хорина. Задерживаться с ними долго нельзя. Если «Кавказец» видел его из окна, он будет ждать его сразу. Времени — только чтобы подняться по лестнице. Стоп. Кажется, он придумал. Как только раньше это не пришло ему в голову. Ведь они на мясокомбинате. Ну конечно. Мясо. Ему нужно несколько килограммов испорченного мяса. Не может быть, чтобы здесь, на комбинате, не нашлось нескольких кило протухшего мяса. Причем желательнее целым куском. Так, чтобы края свисали с рук...

Войдя в дверь, он столкнулся с Линяевым и Хориным. Спросил:

— Все по-старому?

— По-старому, — тихо сказал Линяев. — Вернулся начальник цеха. Мы сказали, директор занят. Он снова ушел.

— «Кукла»?

— Вот. — Хорин показал толстую пачку, завернутую в газету. Иванов быстро опустил ее в портфель, щелкнул застежкой. Сказал:

— Я иду туда, передавать деньги. Полагаю, он меня уже видел. Вы же — где хотите, но срочно достаньте сейчас две вещи. Белый халат и большой кусок тухлого мяса. Кило на десять. И тухлого, чтоб воняло. Понятно задание?

— Понятно, — Линяев кивнул.

— Как только достанете, один быстро надевает халат, второй берет в руки это мясо. Вместе подходите к кабинету, прямо под дверь. У кого мясо, начинается базар. Голоса не жалеть. Мол, чем кормите народ, где директор и так далее. Второй должен оправдываться. Побазарите около минуты — и в кабинет. Все ясно?

— Ясно, — сказал Хорин.

— Действуйте. Я пошел. Где этот кабинет? Направо, налево?

— Налево. Там открыта дверь, увидите.

Быстро поднялся по лестнице, прошел налево по коридору. Вот приемная. Двое парней разговаривают у окна. За столом — молодая девушка. Секретарь начальника цеха. По крайней мере, по виду. Ей, наверное, и было дано указание никого не пускать. Подошла, пригнулась:

— Ираклий Ясонович как будто здесь?

— Здесь. Он просил никого не пускать. У него важный разговор.

— Знаете — он меня ждет. Доложите, пожалуйста. Скажите — к нему Баграт Элизбарович Чубиев. Чу-би-ев. Он примет.

Посмотрела недоверчиво.

— Н-ну хорошо. Я доложу, мне что.

— Пожалуйста.

Подошла к двери, постучала:

— Ираклий Ясонович! Тут к вам... — Помедлив, снова постучала: — Ираклий Ясонович?

Дверь чуть приоткрылась. Но кто за ней стоит, Иванов не увидел. Девушка сказала, уже тише:

— Ираклий Ясонович, к вам какой-то Чубиев. Пустить?

— Да, пожалуйста... — Голос Ираклия. — Пустите, я его жду.

Девушка кивнула «проходите». Войдя в кабинет, Иванов сразу увидел «Кавказца». Стоит у окна, правая рука в кармане. И то хорошо. Если бы он держал пистолет в открытую — было бы много хуже. Ираклий сказал тихо:

— Багратик, познакомься, — мой племянник.

«Кавказец» нехотя кивнул. Иванов поклонился:

— Очень приятно. Чубиев. Что... можно при нем?

— Да... — Ираклий замаялся. — Собственно, он и приехал... Чтобы передать эти деньги. Для мамы.

Надо тянуть как можно дольше. Пока не подойдет Линяев и Хорин. Прыгнуть на «Кавказца» и не дать ему достать пистолет он мог бы уже сейчас. Но с Линяевым и Хориным все будет гораздо чище. Посмотрел на Ираклия:

— Вот что. Только пойми меня правильно. Я тебе абсолютно доверяю. И все же — давай, чтобы все было спокойно. Напиши расписку. Сумма серьезная. Тем более тут твой родственник. Ты ведь не против?

— Багратик, деликатный вопрос. Без процентов? Молодец Ираклий. Полная натуральность.

— Без. Я думаю, ты остался человеком. Так ведь? И сможешь оценить.

— Спасибо. Значит — пишу на двадцать?

— На двадцать.

Ираклий начал писать. «Кавказец», стоя рядом, искоса смотрит в бумажку. Иванов незаметно сделал короткий шаг. Расстояние до «Кавказца» сократилось. Да, в случае чего он наверняка достанет «Кавказца» одним прыжком. В этот момент за дверью раздались громкие голоса. Линяев и Хорин. Ираклий и «Кавказец» повернули головы. «Чем вы кормите людей? Чем?» — слышалось за дверью. — «Этой падалью? Где ваш директор?» Сделав еще полшага, Иванов спросил:

— Что это? Что за шум?

— Не знаю. — Ираклий пожал плечами. — Кто-то шумит. Вообще у нас такое редко бывает.

Линяев действительно не жалеет голоса. «Давайте сюда вашего директора, я ему в морду это мясо кину! Пусть жрет сам! В конце концов, мы детское учреждение! Совесть у него есть?» Ираклий отложил ручку.

— Ну, знаете... Это переходит границы... Надо положить конец.

— Не отвлекайтесь, Ираклий Ясонович, — тихо сказал «Кавказец». — Я закрою дверь.

Шагнуть он не успел — в дверь ворвались Линяев и Хорин. С рук перепачканного кровью Линяева свисал огромный кусок мяса. Оглянувшись, он двинулся к «Кавказцу»:

— Где у вас тут директор? Вы чем кормите народ? Понюхайте, чем пахнет? Вы вообще соображаете?

Комната наполнилась запахом тухлятины. «Кавказец» брезгливо отодвинулся:

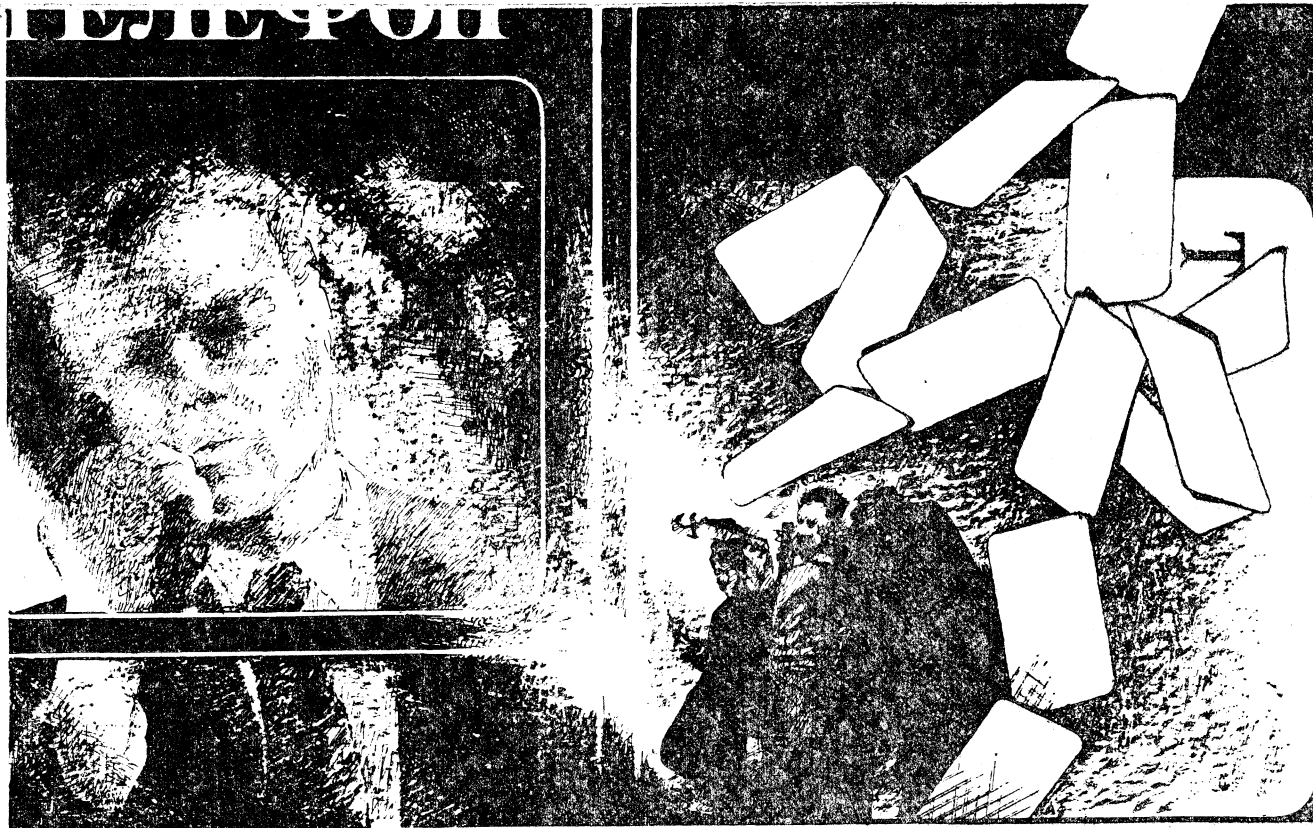
— Что вы ко мне? Вот директор.

Этого было достаточно, чтобы Хорин в белом халате успел зайти с другой стороны. Скорее даже не увидев, а почувствовав это, «Кавказец» дернулся, но достать руку с пистолетом уже не успел. Хорин и Линяев повисли на нем с двух сторон.

СЧИТАТЬ УСТАНОВЛЕННЫМ

Через несколько дней в комнате прокуратуры, дожидаясь, пока Прохоров заполнит протокол, Иванов в который раз уже рассматривал лежащие перед ним на столе вещественные доказательства, отобранные им лично у «Кавказца» в момент задержания. Сейчас на столе следственной части прокуратуры, неподвижные и отстраненные от того, что совсем не-

давно было с ними связано, вещдоки выглядели довольно мирно. Пистолет системы «Макарова» — номерное оружие, принадлежавшее Садовникову. Искусно сделанный парик. Такие же накладные черные усы. Контактные линзы, меняющие цвет глаз. Распорки для ноздрей, изготовленные из канцелярской резинки. Резиновые защечные подушечки. Специально сделанный холщовый пояс с гнездами. Рядом — вынутые из этих гнезд ножи и стальные прутья с насаженными на них рукоятками. Одним из таких прутьев, как и предполагал Иванов, был убит Садовников.

«Европеец», отобравший паспорт у Нижарадзе, и «Кавказец» оказались одним и тем же лицом — жителем Сочи Виталием Уховым. Предположение Иванова подтвердилось и здесь: Ухов, войдя в преступный сговор с Шестопаловым, вымогал крупные суммы денег у лиц, имена и адреса которых ему называл партнер. Пистолет Ухов забрал у убитого им инспектора ГАИ Садовникова. Об этом убийстве Шестопапов действительно не знал — что огнюдь не умаляло его вины, как организатора преступной группы. Связь Шестопапова с Уховым была подтверждена видеопленкой, на которую был снят разговор директора НИИ по уличному телефону-автомату. Разговор этот состоялся вечером, накануне налета Ухова на мясокомбинат. Возвращаясь с работы домой, Шестопапов попросил водителя ненадолго остановить машину. Выйдя, зашел за угол и позвонил по телефону-автомату. Бесстрастная видеопленка зафиксировала движения губ, а значит, и слова. В том числе — «Ираклий Ясонович» и «мясокомбинат».

СТАРАЯ МЕЛОДИЯ

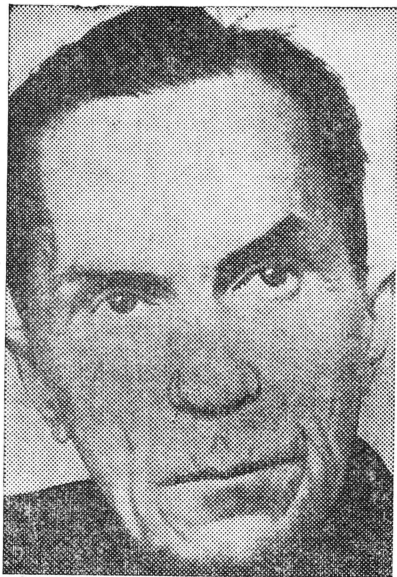
Он включил приемник. Посмотрел на сидящую рядом Веру Северьяновну:

— Вам не помешает?

— О чем ты, Боря? Я люблю музыку.

Вера Северьяновна молчит, глядя вперед. Ираклий не мог проводить мать на этот утренний рейс и попросил это сделать его, Бориса Иванова, своего друга. Тронув ручку настройки, Иванов подумал: все-таки хорошо, что Вера Северьяновна так и не узнала ни о чем. Как он и предполагал, упоминание «Кавказца» о напарнике оказалось точно рассчитанной уловкой, что подтвердили подъехавшие на Тимирязевку Бязев и Коротков. Никаких следов пребывания здесь сообщника «Кавказца» они не обнаружили. Так что об опасности, которая могла ей угрожать, Вера Северьяновна даже не подозревает. И уж тем более она не знает об опасности, угрожающей Ираклию. Наверное, ей сейчас легко и хорошо — ведь она возвращается в Тбилиси, убедившись, что у Ираклия с Мананой все в порядке.

Поворачивая тумблер, Иванов вдруг услышал сквозь треск помех и звуки голосов знакомую мелодию. Чистый, спокойный звук трубы. Как давно он не слышал этот звук трубы. Наверное, лет десять. Мелодия хорошо ему знакома, но сейчас кажется — он слышит ее впервые. Настолько она прекрасна.

Варлам ШАЛАМОВ

«Я МОЛОД БЫЛ ОЧЕНЬ ТОГДА»

Из «Уральских очерков» *

Варлам Тихонович Шаламов принадлежит к старшему поколению советских писателей, чьи нравственные, эстетические идеалы и ценности утвердились в 20-е годы. Его современник и друг академик Д. С. Лихачев писал: «На его долю выпало и счастье, и горестное, и трагическое. Судьба ни в чем не пощадила этого мужественного человека, но он до конца своих дней оставался именно человеком — гражданином, любившим Родину, служившим ей верой и правдой».

Умер В. Т. Шаламов в Москве в январе 1982 года, а родился он на заре века — в 1907 году в Вологде в семье священника. Как же случилось, что 22-летний юноша, как сказали бы теперь, «из интеллигентной семьи», студент факультета советского права Московского университета, юноша возвышенных мыслей, доброй души и открытых поступков оказывается вдруг социальным опасным и на три года попадает в лагерь для уголовных преступников? В очерках писателя мы находим ответ и на этот вопрос:

«Я ведь был представителем тех людей, которые выступали против Сталина — никто и никогда не считал, что Сталин и Советская власть — одно и то же. Как же мне вести себя в лагере? Как поступать, кого слушать, кого любить и кого ненавидеть? А любить и ненавидеть я готов был всей своей юношеской душой. Со школьной скамьи я мечтал о самопожертвовании, уверен был, что душевных сил моих хватит

на большие дела. Скрытое от народа «Завещание Ленина» (за распространение которого на гектографе Шаламов был впервые арестован в 1929 году. — Г. Т.) казалось достойным приложения моих сил».

Вторично писатель арестовывается в ночь на 12 января 1937 года и обвиняется в контрреволюционной деятельности. Это происходит при следующих обстоятельствах.

«...Во время второго ареста и следствия на первом же допросе следователя-стажера Романова смутила моя анкета. Пришлось вызывать какого-то полковника, который разъяснил моему следователю, что «тогда, в двадцатые, давали так, не смущайтесь», и, обращаясь ко мне:

— Вы за что именно арестовывались?

— За печатание завещания Ленина».

— Вот-вот, — обратился полковник к следователю, — так и напишите в протоколе и вынесите в меморандум (т. е. в обвинительное заключение. — Г. Т.): «печатал и распространял фальшивку, известную под названием «Завещание Ленина».— И полковник, любезно улынувшись, удалился».

Было бы неверным считать очерки Варлама Шаламова только историографией, как теперь говорят, «негатива». Очерки — это свободный, честный, часто горестный рассказ автора о собственной жизни, начавшейся в своеобразных условиях при скоплении большого разнообразия человеческих судеб, имен, лиц и деяний, из которых, собственно, и складывается наша эпоха. В очерках, написанных Варламом Тихоновичем в последнее трудоспособное десятилетие его жизни, в самом начале 70-х годов, Шаламов обращается к своей

юности, отыскивая в ней все то, что впоследствии определило каждый поступок его жизни, каждый поворот судьбы. Без трудного опыта, почернутого писателем на Северном Урале, колымский трагический опыт Шаламова не завершился бы моральной и творческой победой.

На страницах очерков разворачиваются подлинные события, подлинные обстоятельства строительства Березниковского химического комбината в период с 1929 по 1932 год. Мы слышим живые голоса строителей гиганта первой пятилетки, узнаем их жизни, вникаем в подробности их судеб — часто трагических, изломанных в условиях борьбы за подлинные и мнимые ценности социализма.

Он действительно был очень молод тогда... Юношеский максимализм, которому Варлам Шаламов не изменил и в более зрелые годы, и в начале 70-х, когда писались эти очерки, водел его писательским пером. Варлам Тихонович не умел и не мог превращать им написанное в литературную продукцию и в этом отношении относился к редкому у нас разряду писателей. Вот почему уральские очерки, как и многое другое в творческом наследии Шаламова, не были опубликованы при жизни Варлама Тихоновича. Их время наступило сегодня, потому что именно сегодня мы стали лучше понимать ту простую истину, что «нация, пренебрегающая историей, ставит под вопрос и свое будущее» («Правда», 31.03, 1987).

Геннадий ТРИФОНОВ

* Мы печатаем с некоторыми сокращениями два из «Уральских очерков» В. Шаламова. Сокращены те части текста, что относятся не к Уралу или касаются событий, описанных в других очерках. Купюры отмечены угловыми скобками. — Ред.

ВИШЕРА

<...> Когда наш пеший этап числом в сто человек пришел на Вишеру, а это было 13 апреля 1929 года, уральская весна сожгла в пузырь наши белые тюремные лица.

В лагере всегда доверяют глазу, личному осмотру, а не документам. Документы обычно только подтверждают осмотр. И так как у меня не было вещей, кроме одеяла, принесенного на свидание в Бутырскую тюрьму одной нашей девушкой-троцкисткой, — жены у меня не было, и в тюремной юрисдикции она шла как «невеста», — одеяла неказистого, не вызывавшего интереса блатарей, которые обшаривали догола каждого «фраера», «шттымпа», попутно оставляя «фраеру» лишь что-нибудь тяжелое, вроде чемодана...

Я шагнул в ногу со всеми, одетый в красноармейскую шинель, которую носил в Москве, в военных сапогах. Больше ничего у меня не было — ни пальто, ни торбы — по всем правилам блатаря. Поэтому на ночевках я всегда попадал к немущим, как раздетый, к блатарям — редкий начальник определял меня в барак чистых <...>

Всех вымыли. Эта баня была расположена вне лагеря, на горке, да и баней не была — был навес над котлом, где кипела вода, стояла бочка с холодной водой, разбавляемой горячей, а горячую выдавал сам банщик из заключенных — «по черпаку на рыло». Не было ни соды, ни мыла, ни обмылков. Второй арестант выдавал белье, записывая в «арматурную карточку». Белье выдавалось только тем, у кого не было своего, — белье, разумеется, не новое, а, как говорят в лагере, «второго срока», то есть уже бывшее в употреблении. Это выражение «первого и второго срока» следовало арестанту запомнить. И терминология, и существо дела тут были одинаковыми через десятилетия.

Стопки этого второсрочного белья лежали около банщика. Парикмахер стриг под машинку тех, кто этого хотел. Не выдавали никакой верхней одежды. Лагерная одежда — а она была, да еще какая удобная — выдавалась только тем, кто износил свою. Поэтому прибывшие со мной заключенные и я сам еще долго ходили в «своем», в цивильном. Вскоре я догадался, что лучше изорвать постепенно шинель, чтобы получить новый бушлат. Так я и сделал.

Наш этап — сто человек — разместили в новом, только что выстроенном бараке — плотно трудились лагерники, воздвигая здание за зданием. Все эти здания были по общему чертежу и предназначались для жилья 250 человек.

Эти 250 человек составляли арестантскую роту. Каждая рота делилась на взводы — три в каждой роте. Каждый взвод занимал определенное место на нарах. Нары были двойные, сплошные, в два этажа. Зарубки на концах, которые делал сам лезущий спать вверх, были у каждого столба. Все население барака состояло из нескольких бригад, работающих на строительстве.

Мимо всех нар, посреди барака стоял длинный обеденный стол, а то и два стола, где арестанты ели. Посуда была у дневального — на барак в 250 человек. Туда полагался командир роты заключенных, нарядчик роты, заместитель командира по хозяйственной части, иначе — завхоз, трое дневальных, дежуривших по очереди. Четвертым в службе был хлеборез, который получал хлеб из общей хлеборезки, резал его на пайки по 600 гр. — всем равно и раскладывал эти пайки по местам.

Два крыльца было у барака, а справа и слева у самой двери, составляя как бы преддверие арестантской для жилья и одновременно службы и охраны, были комнатки на манер кают, которые на Колыме позднее были названы «кабинками» — и так это название осталось. Но на Вишере «кабинкой» эти помещения еще не называли — просто «комната командира роты», «комната нарядчика». В кабинке был стол, койка, вернее — топчан. Для завхоза вторая комната напротив служила вещевым складом, кото-

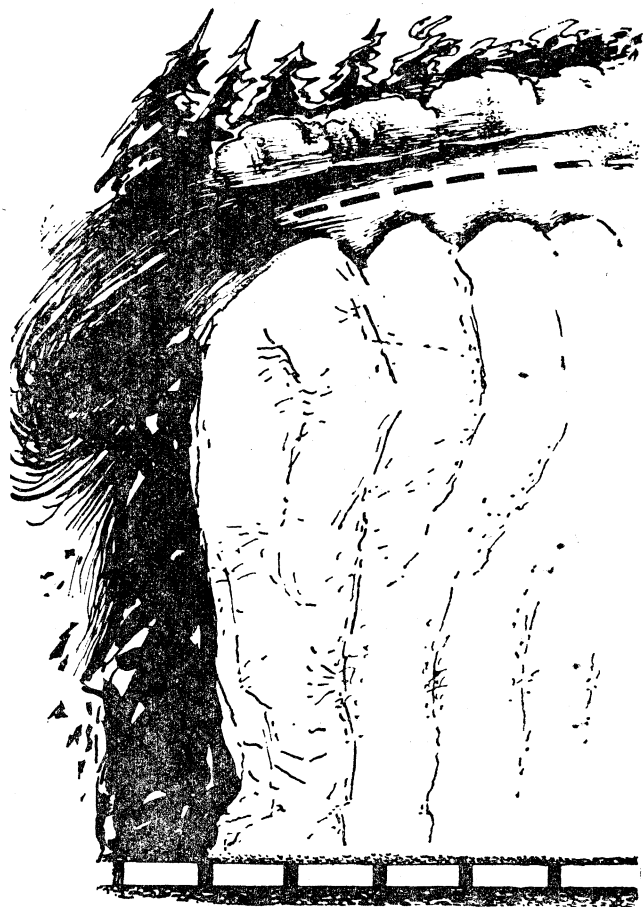

Рис. Владимира Ганзина

рый завхоз запирает на замок и отпирает, когда надо было «одевать». Вообще-то эта «каптерка» предназначалась для жилья командирам взводов, которых предполагалось, разумеется, ограждать от массы. Но практически все командиры взводов и дневальные спали на общих нарах — в одном каком-нибудь светлом углу.

Питание отличалось чрезвычайной строгостью, принципиальностью. Каждый получал одинаковый паек — суп на обед, кашу или картошку на второе, мясо порционное вареное; на завтрак — чай, кашу; на ужин — чечвицу, горох. В рыбные дни вместо мяса раздавалась треска или кета. Порция была очень большой, не менее 500 граммов, а рыба давалась так, что ложка — стояла. Селедки — неограниченное количество. Хлеб 600 граммов, все без исключения — ты или главный инженер, или бывший министр.

Никто и думать тогда не мог, что если как следует поболтать этим супом перед голодным человеком — человек изобретет пряточный котел, переместит с места горы и реки.

«Святая тюремная пайка» — один из законов у вольного и блатного мира того времени.

Те, кто имел деньги, могли тратить их в вольной столовой.

Деньги у заключенных еще в тюрьме отбирали и записывали на «текущий счет». С этого «текущего счета» арестант мог снимать какую-то определенную сумму — 10, 15 рублей и тратить ее в лагерном магазине (ларьке), покупая мясо, — как блатные говорят «жиры», с особым выражением приобщаясь к языку науки — или тратить деньги в столовой. Иногда разрешалось снять со счета и больше положенного.

Эти деньги выдавались на руки бонами — особенными

денежными знаками лагерей. Боны существовали до 1930 года. На них была подпись «Глеб Бокий», и действовали они по всей лагерной империи, в которой к этому времени уже никогда не заходило солнце. Боны были в 1 рубль, в 3 рубля, в 5 рублей. Крупнее я не видел. Исследователь русской монетной системы упустил целый период развития общественных строек первой пятилетки, обеспеченный лагерными бонами с подписью Г. Бокия (Глеб Бокий был расстрелян в 1938 году).

Все бухгалтерские операции Вишерских лагерей на Березниках 1929, 30 и 31 года велись на две кассы. Касса № 1 — по вольнонаемным бонам, обычная и касса № 2 — по арестантским бонам. В лагерной мастерской можно было купить за боны все, но не за обычные совзнаки, которые стоили гораздо меньше лагерных денег. Вот тут-то В. П. Шахильдан — первый секретарь Березниковского обкома — и шил себе в лагере кожаное пальто и хромовые сапоги. Вот тут-то и возникло «дело Стукова» — начальника Березниковского лагеря.

Но это все было после 1929 года, уже во время «перековки», когда вольные деньги полетели по инфляционному столбу вверх; когда ударили планы коллективизации и голод массовый; когда вокруг были поставлены раздаточные столы-кормушки для голодающих. А в 1929 году летом в лагере было самое демократическое питание — священная тюремная пайка. Арестант был арестант — таков был смысл политики питания.

Одежда всем давалась одна: зимняя шапка-соловчаник — ушанка суконная особого покроя; бушлат солоveckий — суконный, защитного цвета, армейского сукна; брюки суконные — точно такие же, как бушлат, и того же самого сукна; обмотки (на ноги) из того же сукна; ботинки кожаные добротные, с кожаной подошвой — потом подошва стала резиновой; гимнастерка холщовая того же армейского образца; брюки армейские летние; белье обыкновенное солдатское.

Все спали на общих нарах вповалку, из своей собственной одежды устраивали матрацы и подголовники. Впрочем, подголовник был общий — доска на всю нару, прибитая косо.

Наша рота была 10-й. Разместилась она в новом бараке, пахнущем хвоей, свежими сосновыми досками. Никаких постельных принадлежностей в лагере не давали.

Видно было, что идет усиленное строительство барачков — лагерь рос. 4-я рота была привилегированной — для obsługi. Здесь были койки вагонной системы, подвесные, в купе на четыре человека, качавшиеся при движении любого из 60-ти обитателей и скрипящие. Мне до сих пор чудится омерзительный скрип коек этой 4-й роты, где пришлось мне переночевать несколько ночей.

3-я рота была рота специалистов — плотников, столяров и тоже обслуживала производство. 2-я рота обслуживала лагерь. Наконец, 1-я рота была хотя и с общими нарами, но ротой лагерной администрации — там жили работники учетного отдела, отдела труда, культурно-воспитательной части, завмаги.

Общие роты 5-я и 10-я были исключительно чернорабочими, ходили на строительство по бригадам.

Вся территория лагеря (теперь ЭТО называется «лагерная зона») была окружена колочей проволокой в несколько рядов. По бокам зоны стояли караульные вышки, где дежурили часовые.

Развод на работу производился у комендантской вахты, куда и приводили коменданты и нарядчики всех работ к семи часам утра. На людей был составлен список — по строгой ГУЛАГовской форме, список вручался бригадиру (или конвою), когда бригаду проводили через вахту на строительство.

Утренние проверки делались около барака — зимой в самом бараке и к разводу бригада шла строем. Весь текущий учет коменданты рот сдавали в виде рапортчиков на вахту, а нарядчики — в отдел труда. Ежедневно сводилось три итога: вахта, УРО и отдел труда. Об обнаружении беглецов полагалось писать рапорт.

Бригада шла на работу. Работала, получала удосто-

верение о выполненной работе от представителя — лагерного работника производства и возвращалась в барак, или в столовую обедать, если работали близко, или просто спать. Отбой был в 10 часов вечера и до отбоя было еще много мороки.

В 7 часов вечера была общая проверка лагеря, производимая дежурным комендантом — их было трое и еще главный, им в мое время был Нестеров. Дежурный комендант в мое время был Александров, бывший царский офицер, служивший в артиллерийских частях Красной Армии Черноморского побережья — у меня на глазах он окончил срок и остался на лагерной службе. Второй комендант был Максимов — кажется, уральский чекист, малозначительный и малограмотный. Третий был прибывший по партийной путевке мобилизованный для укрепления Вишеры Николай Петрович по фамилии Спартак — рыжий такой, невысокий. Возможно, «Спартак» — это псевдоним. Хотя он сам уверял, что это его новая фамилия, которую он сам получил по собственному заявлению и объявлению в газетах.

Эти три командира, дежурившие по суткам и наблюдавшие за порядком, дисциплиной и покоем арестантов, сменяли друг друга на ежедневной вечерней проверке.

Проверка. Каждая рота выстраивалась у барака. Командир роты давал команду «смирно» — и мы стояли «руки по швам», пока быстрым шагом не подходил принимающий дежурство комендант в сопровождении сдающего дежурство. Приблизившись к арестантскому строю, комендант провозглашал приветствие:

— Здравствуй, десятая рота! — На что все мы дружным, одним дыханием должны были ответить: «Здрав...» В тех случаях, когда ответ казался коменданту недружным, он приказывал командиру роты «подрепетить», и нас «репетили». Чтобы избежать этих мучительных репетиций, все выдыхали дружно: «Здрав!..» Что и требовалось получить командиру.

Командант рапортовал: в роте 240, на работе 100. В строю — 139. В больнице — один. И вручал письменную рапортничку с теми же данными.

Обход этот по всему лагерю проводился беглым шагом, почти бегом — комендант не хотел терять времени, а количество рот все росло и росло.

Каждый барак стоял в определенном строю. Линия барачков была натянута на ниточку. За уборкой территории следили чрезвычайно.

На ночь к двери каждого барака дневальный ставил большую ассенизационную бочку и было категорически запрещено выходить из барака ночью в нижнем белье — как ни тепла уральская ночь. Если сонному было лень натягивать брюки, он рисковал, выйдя в белье, что его заметит пробегающий по лагерю комендант — и арестант исчезнет в изоляторе.

В лагере был изолятор, очень серьезный, с железным полом, уносящим здоровье. Мне пришлось познакомиться с изолятором позднее — в конце 1930 года, когда мы там сидели по делу о начальнике Березниковского отделения. Но человек может вытерпеть много.

И все же именно этих железных полов боялись беглецы-блатари; когда после поимки на вопрос коменданта Нестерова: «Ну, выбирай — что тебе за побег. Плеска? Или в изолятор?» — все отвечали надрывно: «Плеска, Иван Николаевич!» Иван Николаевич разворачивался и давал плеска. Один удар — и с ног. Этим комендант гордился, хвалился, многократно совершенствуясь...

Конечно, и тут Нестеров не мог обмануть блатарей — в притворстве блатари падали сами, но все же декорум был соблюден и на месяц или на три в изолятор с железным полом их не сажали, потому что по традиции полагалось утереть кровь, поблагодарить Ивана Николаевича за науку и идти в свой барак без всяких юридических последствий.

Изолятор был в правом углу зоны, в отдельной загородке. Командант изолятора был из заключенных — какой-то дагестанец, «нацмен», как мы тогда говорили. Токтамышев была его фамилия. «Зверь», — говорили блатари.

Вот и все, что было в 4-м отделении Лагерей особого назначения в момент моего прибытия туда 13 апреля 1929 года.

Вишерский лагерь, как и Соловки, был лагерем лесозаготовок. Именно по реке Вишере приплывали в Европу бревна, добытые принудительным трудом, арестантским трудом. Событие отмечалось многочисленными общественными кампаниями на Западе, вплоть до дипломатической акции в Лиге Наций.

1-е отделение IV отделения УСЛОНа, создавшееся в местечке Вижаихе и составляющее центр Вишерского района с городом Красновишерском — в будущем с бумажным комбинатом, — в 1928 году уже не работало на экспорт, не заготавливало леса для Англии, а обслуживало комбинат.

Лесозаготовки, которые велись вокруг Вижаихи, были переброшены на сто километров. Там был открыт и в мое время работал Северный район. Лесозаготовки были основным производством, а стало быть — самым тяжелым. Как на Колыме золото, на Северном Урале заветной добычей был балан, бревно. Как правило, лес валили и зимой и летом. Летом работу прерывал молевой сплав по притокам Вишеры и самой Вишере до запаней около Вижаихи, где выросли два лесозавода, день и ночь готовившие продукцию для себя. Часть отобранных баланов плотилась и сплавлялась летней водой по Каме в город Пермь. Пермь была крайним форпостом лагеря, Вишеры.

Рабочий день заключенного на лесных работах был 8 часов, включая время сна.

Кормили всех одинаково, а на работы посылали после медицинской комиссии: 3-ю, 4-ю «категорию труда» — на лес, на пилу, 2-ю — на службу. 2-я — инвалиды. Исключение делалось лишь для специалистов-инженеров. Если начальник или врач хотел использовать инженера, особенно контрреволюционных статей УК, надо было начинать с «трудовой категории». Делалось это просто. Нормы выработки на лесоповале были обыкновенными нормами (т. е. такими же, как и на воле.— Г. Т.) плюс 40-процентная скидка на принудительный труд. Моральная сторона тут блюлась.

Первое, что сделала «перековка», — отменила всякие скидки на принудительный труд. Мы — временно задержанные. Мы трудом искупим вину. Об искуплении вины до 1929 года в лагере не говорили.

Вот этот северный участок всегда служил угрозой для работающих: «на север загною». Там скопились штрафники. Были там и не штрафники, а приехавшие туда прямо из Москвы по лагерному наряду, но большая часть были штрафники.

В 1931 году, когда я принимал Север как учетный работник, заключенных там было чуть поболее двух тысяч человек. Два года назад, при моем приезде на Вишеру, было, очевидно, еще меньше. Эти люди работали в трудных условиях, хотя и был 8-часовой рабочий день и скидки на принудительный труд.

Санитарная часть тогдашних времен возглавлялась вовсе не медиком. Начальником санчасти (а позднее и санотдела Управления) был Карновский — бывший уполномоченный розыскного отдела. Карновский попеременно возглавлял то НСЧ, то КВЧ — то есть санитарную часть. По штатной ведомости начальник санитарного отдела может и не быть врачом.

В санчасти было два барака: один — амбулатория, второй — больничка. Там и тут хозяином был фельдшер из блатных — не запомнил его фамилию, но желтое, чуть тронутое оспинкой усталое морщинистое лицо помню хорошо.

Каждая арестантская рота приходила ежедневно на прием с книжкой, которую в руках нес один из командиров взводов. Дневальному такой документ не давался. Книги эти, куда фамилии записавшихся на прием вписывались обязательно чернилами и заранее, комвзвода вместе с людьми приносил в санчасть. Так как рот было много, то очередь была немалая. А фельдшер вписывал результаты осмотра чернилами в свой журнал и одновременно

в книгу барака. Освобождал от работы мало — болезнь для освобождения должна была быть основательной.

Принимал в амбулатории и зубной врач (заключенная Зоя Федорова).

Если же больному получал освобождение и иной из начальников такого приказа не выполнял — фельдшер добивался освобождения больного от работы. В отличие от Колымы, где такое освобождение считалось хитростью арестанта — «закошил фельдшера», — и освобожденному по болезни приходилось помогать дневальному в уборке барака, а то и побольше.

МИЛЛЕР-ВРЕДИТЕЛЬ

Павел Петрович Миллер был первым вредителем, которого я наблюдал близко повседневно.

По моей исповедуемой с детства теории узнавание человека не делается путем расспроса, анкеты. Общее впечатление — не результат каких-то где-то замечаний, зафиксированных вовремя фактов. Поэтому писателю не нужно что-то записывать, запоминать, наблюдать, достаточно присутствовать рядом — видеть, слышать и понимать.

Павел Петрович Миллер был сыном крупного сибирского золотопромышленника, единственным сыном. Отец дал Павлу Петровичу техническое образование. Павел Петрович был инженер-строитель, главный инженер Самарского военного строительства — в момент ареста в 1928 году <...>

«...В моем «вредительстве» единственный факт, который я подтвердил при допросе, было то, что асфальт на дворе конторы полопался — убыток был на 15 рублей. Все, в чем меня обвиняли, что «содеянное могло производство остановить», — выдумки, чепуха».

Я никогда не спрашивал Миллера, как именно он «вредил». В лагере такие вопросы ни к чему. В ЛАГЕРЕ НЕТ ВИНОВАТЫХ (так назван один из очерков В. Шаламова.— Г. Т.). А потом — для Миллера его работа здесь была первой работой после следствия, процесса и тюрьмы, и, естественно, излить душу или давать запоздалый бой он не собирался. Но я думаю, что Павел Петрович чрезвычайно болезненно ощутил именно эту рану. И еще не привык к лагерному языку и возмущался, что его помощник Лазарсон кричит, распекая работягу: «Вредитель!»

Всю зиму 1929—30 года заключенные «обживали» каменные коробки, воздвигнутые по вольному найму в «Городе Света», на Чуртানে. Размещаясь там на сырых досках, а то и просто вповалку. Тысячи, десятки тысяч людей — строителей «Города Света» — работали на комбинате и строили себе лагерь поближе — на Адамовой горе. С Чуртана до «площадки» было километра четыре, и каждое утро конвой «прогонял» в направлении Камы десятки и сотни строительных бригад <...>

У Миллера были основательные надежды после бесед со Стуковым и Берзиным (начальником строительства «Вишхимза» и всех лагерей Северного Урала.— Г. Т.), что его усердие и рвение заметят, поэтому Павел Петрович сменил весь свой аппарат десятников, работал день и ночь, успевая всюду. От лагеря у Миллера даже была верховая лошадь, но и то за день он не управлялся посмотреть все участки комбината, где работали заключенные. И я, и Лазарсон, и П. П. Кузнецов, и Павловский имели также верховых лошадей. На новой конюшне лагеря, которой заведовал «вольняшка», герой гражданской войны, «вредитель» Караваяев, стояли 300 лошадей.

Миллер — бывший главный инженер Самарского военного строительства — решил тряхнуть старинной и спроектировал весь лагерь сам. «Вот это будут новинки!»

— Уборные, Варлам Тихонович, — рассуждал Миллер оживленно, — строились всегда в каторжных учреждениях

на 10 «очков». Я добился, что наши уборные будут строиться на 12. Чтобы не теснились — тюремная, этапная память свежа.

Наконец настало время показать труды Высшему начальству. Этим Высшим начальством был для нас тогда ГУЛАГ и его начальник Берман — старый чекист 1918 года, первый, получивший это самое назначение.

Миллер связывал с посещением лагеря Берманом какие-то особые надежды. По совету Стукова он решил обратиться с личной просьбой-жалобой; вручить, так сказать, свою судьбу в руки самого высокого начальства. Этот совет Стукова поддержал и Берзин. Берзин даже взял на себя добиться столь важной аудиенции.

День приезда комиссии настал. Кто бы в лагерь не пришел, всегда говорят: «Комиссия приехала!» С Соловков, что ли, идет эта терминология?.. Берман приехал с большой свитой, в шинелях с петлицами, где виднелись по два и по три ромба. Берзин, начальник Вишлага, человек огромного роста в длинной кавалерийской шинели с тремя ромбами, с темной бородкой, бросался в глаза среди всей этой комиссии, и военный фельдшер Штоф — начальник санчасти из заключенных, рапортуя комиссии, как положено, разлетелся с крыльца санчасти военным шагом и, став перед Берзиным, излил именно на него поэзию лагерного рапорта.

Но Берзин отступил в сторону со словами «вот начальник», выдвигая на первый план невысокого крепыша с белым тюремным лицом, одетого в заношенную черную куртку — бессменную форму ЧК первых лет революции.

Помога растерявшемуся фельдшеру, начальник ГУЛАГА расстегнул кожаную куртку, показывая свои четыре ромба в петлицах. Но Штоф онемел. Берзин махнул рукой — и комиссия двинулась дальше.

Лагерная зона, новенькая, «с иголочки», блестела. Каждая проволока колючая на солнце слепила глаза. 40 барачков — соловецкий стандарт 20-х годов — по 250 мест в каждом на сплошных нарах в два этажа. Баня с асфальтовым полом на 600 шаек с горячей и холодной водой. Клуб с кинобудкой и большой сценой. Превосходная новенькая дезокамера. Конюшня на 300 лошадей.

Само расположение лагеря в центре Адамовой горы, всюду господствующей здесь еще со времен походов Ермака — именно здесь был Орел-городок, откуда Строгановы вели завоевание Сибири и где сжигал дома сам Ермак, — было символично. Колонны лагерного клуба чем-то напоминали Парфенон, но были страшнее Парфенона.

Как уже говорилось, Миллер подготовил заявление-жалобу — просьбу по своему делу (в лагере каждый за себя) с тем, чтобы вручить ее какому-нибудь высшему начальству, гомеровскому богу лично. По русской традиции такие жалобы, поданные «на высочайшее», вручаются лично. И Берзин, и Стуков, и Миллер блюли традицию. Сигнальщик-Берзин махнул платком, и Миллер переложил из одного кармана в другой свою тщательно обдуманную и подготовленную «жалобу». Действительно Берман, умиленный зрелищем новенького лагеря, согласился принять заключенного Миллера по его просьбе для личных переговоров.

После отъезда «комиссии» я вошел в нашу контору. Павел Петрович стоял у окна и смотрел на отъезд высоких гостей.

— Хотите знать, какая была у меня беседа с начальником ГУЛАГА? Полезно для истории.

— Хочу.

— Берман сидел за столом, когда я вошел, и встал, как положено. «Так расскажите, Миллер, как именно вы вредили?» — «Я нигде не вредил, гражданин начальник», — сказал я, чувствуя, как гортань моя пересыхает. «Так зачем же вы просите свидания? Я думал, что вы хотите сделать важное признание. Берзин!» — громко позвал начальник ГУЛАГА. Берзин шагнул в кабинет: «Слушаю, товарищ начальник» — «Уведите Миллера» — «Слушаюсь».

— Когда это было?

— Час тому назад.

Павел Петрович вынул из кармана заготовленную за-

явление, разорвал бумагу и бросил в топящуюся печурку. Бумага ярко вспыхнула.

— А вы не пишете заявлений? — спросил Миллер.

— Мне не о чем просить.

Берман был деятелем круга Ягоды, расстрелянным вместе с Ягодой и Ежовым в 1937 г. Берман лучше понимал политику, чем Миллер. Вскоре иллюзии Миллера рассеялись. Вместе с этим — как новое второе начало того же процесса «возрождения» или «наступления» — Павла Петровича перестала удивлять, оскорблять кличка вредителя. Так много «вредителей» было вокруг. Не только Берман не хотел рисковать, оказывая покровительство справедливости, но все начальство держалось тогда этой удобной формулы, этой удивительной точки зрения <...>

Павел Петрович, потерпев неудачу с Берманом, стал ждать уже не случая, а оценки заслуг за верную службу в лагерях. Это его свидание с Берманом было ошибкой, конечно, но при утверждении досрочных освобождений Берман запомнил бы такую фамилию. У всех высоких лагерных начальников память змеиная, но нужно было рисковать, и Миллер рискнул, рассчитывая, что не испортит каши маслом. И «каша» была слишком крута — такую не доводилось пробовать Миллеру, и «масло» в лагере надо применять очень, очень умело и в меру.

Миллер был человек очень энергичный. Обещание Стукова представить его к досрочному освобождению продолжало сохранять силу. Жена Миллера приехала и по разрешению начальства жила с ним в поселке около месяца. Даже я однажды там пил чай и познакомился с его женой — рано постаревшей женщиной с измученным, каким-то особым, прошедшим тюремные приемные, лицом. Катастрофа была впереди.

У Павла Петровича была привычка всякую неприятную новость — перевод, снятие с должности и прочее — объявлять своим подчиненным, обнимая за плечи, при этом сладко улыбаясь. Хорошие новости (например, включение в список пропускников в столовую для иностранцев) объявлялись Миллером наоборот торжественно — четко-раздельным чтением выписок из приказов или просто приказом.

Все это обилие миллеровских объятий, которым я подвергся по возвращению в Березники (из Вижаихи в 1930 году.— Г. Т.), и заставило меня позднее подумать, что в инициативе этапирования меня спецкомандой в Управление доля Павла Петровича была, хоть и не большая, быть может <...>

Павел Петрович Миллер был профессиональный ловчило с угрызениями совести. Как уж его затолкало во вредители — уму непостижимо. Не рассчитал какого-то прыжка. Все он понимал вокруг себя в своем окружении — всех людей объяснил для себя. Миллер был неплохой психолог, логик по преимуществу, вечно хитрил, что-то от кого-то скрывал, что-то кому-то шептал. Всех вокруг себя в меру своего ума объяснил. Всех — кроме меня.

Я был загадкой для Миллера. Он не хотел поверить, что я бросил университет для какой-то подпольной работы, для каких-то туманных идей. Если власть нельзя подчинить, надо ей служить честно, ловчить лишь в бытовом, в мелком, в незначительном. Увы, масштабы диктовал не Миллер <...>

По вечерам, вспоминая неточно, неверно, Миллер декламировал «Капитана» Гумилева. Говорили, что со стихами в своей жизни, в своей работе Миллеру не приходилось иметь дела до встречи со мной в Вишерском лагере. На ежедневные миллеровы чаепития я ходил без большой охоты. Развлекаться у Миллера после трудового дня не хотел. Но чай был хороший — миллеровский, горячий и крепкий. Подсыпал ли Миллер соду в свой чай для оживления окраски, как делают рестораны, — не знаю. Но этот крепкий чай был вовсе не цифирь — знаменитый колымский рецепт заварки — по пачке на кружку, а обыкновенный — крепкий, густой, горячий чай. Миллер был сибиряк, любил горячий и чай и суп. Любил определенность температур. Я тоже был родом с Севера.

Пил я этот красивый чай и думал про себя, что если

что-нибудь со мной случится — Миллер во всяком случае не заступится. Отойдет в сторону и палец о палец не ударит для моего спасения <...>

Отменным обстоятельством было то, что Миллер с первых дней (по «делу Стукова».— Г. Т.) решил спастись сам, думая только о себе. Всем остальным была дана та же возможность личного спасения. Никакой помощи Миллер не оказывал и не в его натуре было выдавать кому-то значительную помощь. Например, решением «начальника» на освобождение. Здесь страдали именно близкие сотрудники, ибо Миллер боялся, что его обвинят в протезировании, в блате. Хотя никто бы его не обвинил. Вся лагерная жизнь держалась на этих знакомствах. Но Миллер использовал такой путь только для себя. Использовал неудачников, плохо зная лагерь, плохо понимая высшее начальство. Это — не равнодушие, а еще не описанное человеческое качество хитрожадности.

Равнодушных осуждают, осуждают трусов, но кто осудит хитрецов и ловчил? В лагерных условиях хитрость приводит к пренебрежению жизнью других. Для того чтобы «заткнуть дыру» в перерасходах комбината, немало пролито и арестантской крови и арестантского пота — по инициативе Павла Петровича Миллера и при техническом оформлении карьеристских идей начальника Березниковского лагеря Стукова.

И еще одно очень сильное обстоятельство, характеризующее лагерную жизнь. Я не был на войне. Возможно, что там иные психологические связи. Во всяком случае, побывавший на войне командир, превращаясь в лагерного начальника, не замечает или не хочет заметить, что обстановка-то в лагере — другая, абсолютно не похожая на фронтную, даже противоречащая ей в самой своей сути.

В лагере вольнонаемный начальник — большой или малый — всегда считает, что подчиненный, которому отдано распоряжение, готов и обязан выполнить это распоряжение срочно и со всей душой. На самом деле — рабы не все. Целый ряд работ любое распоряжение начальника встречает, напрягая все душевные силы, чтобы его не выполнить. Равнодействующая проходит по линии борьбы двух волей — надо согласиться, но не сделать или сделать не так. Или совсем не согласиться, что глупо и приведет к смерти, так же как отказ от работы. Плохое же выполнение приказа влечет неудовольствие, отстранение от работы, но не больше. Вот почему во время острых «стрессовых», выражаясь морским языком, ситуаций лагерный начальник должен ждать не выполнения, а наоборот — уклонения от выполнения приказа и готовить резервные ходы. Каждое распоряжение высшего начальства — это оскорбление достоинства заключенного вне зависимости полезно или вредно само распоряжение. Мозг заключенного притуплен всевозможными приказами, а воля — оскорблена <...>

Еще один штрих в портрет Павла Петровича внесла моя поездка в Москву в декабре 1931 года.

Случилось так, что я, вольный уже, имеющий на руках справку горсовета «Дана Шаламову в том, что он есть действительно то самое лицо», уезжал в 2-недельный отпуск — по коллективному договору после пяти с половиной месяцев работы мне был положен отпуск.

Тогда была борьба с текучестью кадров, и кассы на железной дороге продавали билеты только после визы Управления комбината. А текучесть была большая: за месяц увольнялось три тысячи и нанималось 2,5 тысячи человек. Постоянными были только лагерные кадры — они-то и выстроили комбинат.

У меня была виза Управления, и я легко купил билет. И ехал в ежедневном почтовом «Соликамск — Москва» без затруднений. Я ехал, никого не предупреждая, никого не извещая — ехал просто в свой город без всякой боязни и тревоги. Поезд пришел поздно вечером — еще закат синел, — на Ярославский вокзал. Было тихо, шел легкий теплый снег — и я заплакал на вокзале от встречи со своим любимым городом, где все было — мои ошибки, мои удачи, мои потери.

Но надо было где-то ночевать, и я стал листать у те-

лефонной будки прикованную к ней цепью книгу — телефонный справочник Москвы. Я нашел телефон моего хорошего знакомого, позвонил и через час уже был на Ленинградском шоссе, в той самой квартире, где я когда-то готовился в университет. Рассказы мои вызвали оживление хозяев. Я там переночевал, а на следующий день выяснилось, что и сестра моя родная и тетка в Кунцево и что родители мои в Вологде живы. Можно было спокойно приступить к выполнению поручений.

По просьбе Миллера я обещал привезти ему из Москвы его чемодан, который хранится где-то у родных на Солянке, у тетки, зовут которую Эмилия Людвиговна Ващенко. Я нашел ее, вручил записку. Чемодан обещали найти.

— А что там в чемодане Пашином?

— Павел Петрович говорил — костюм.

— Ах, там костюм Пашин. Коверкотовый костюм. На Урале, на каторге Паше нужен коверкотовый костюм. Паша живет в таких местах, где без коверкотового костюма обойтись нельзя. Хорошо, мы найдем чемодан. Подождем Юрочку. — Юрочка был сыном Эмилии Людвиговны. — Ах, Павлик, Павлик, — вздыхала Ващенко. — Первое известие от него привезли вы. А какой был щеголь!.. Вы знаете его жену, Полину Сергеевну?

— Раз видел.

— Ну, как?

— Да никак. Было темно. Мы чай пили.

— Никак?! Павлик — негодяй, а она — святая женщина. И хоть племянник он именно мой, а она мне никто, я и на Страшном суде скажу: Павлик — негодяй, а она — святая женщина. Как он ей изменил! Где угодно, с кем угодно. Какие-то балерины, артистки погорелого театра, а то и вовсе каких-то сомнительных дам приводил. Да не куда-нибудь, а вот в эту самую комнату. А Полина Сергеевна все терпела. Они уже почти разошлись. И вдруг его арестовали. И вот — тюрьма. Свидания. Хождения эти по прокурорам. Запросы, вопросы. Ведь этим артистка и балеринам не дают разрешения на свидания. Да еще поездка на этот ваш Акатуй. Зачем ей Павлик? Плюнуть этому Павлику в рожу — и то она не способна. Крыжовник варит. Его любимое варенье! Как ваше имя-отчество?

— Варлам Тихонович.

— Вот, Варлам Тихонович. Судьба Полины Сергеевны — это судьба русской женщины. Декабристки — там все было мода, порыв, а вот такая женская судьба... Памятник Полине надо на Красной площади поставить. Еще лучше на Лубянской. А вы говорите: история рассудит. История никого не рассудит.

— Я ничего не сказал на счет истории.

— Ну, подумали.

— И не подумал.

Пришел наконец «Юрочка» — лысый инженер, лет на 20 постарше Павла Петровича, и мы договорились, что чемодан «Юрочка» привезет на Ярославский вокзал к моему поезду.

Так и вышло. Небольшой фибровый чемодан был мне вручен перед посадкой, и я двинулся в путь на Северный Урал. Положил чемодан под голову и привязал его к пальцам рук, чтобы «скокери не отвернули угол». Я уже мог выражать ожидаемое событие на лагерном языке.

Через пять ночей и пять дней я добрался до станции Угольной и слез, отвязав пальцы от чемодана. Я вручил Миллеру привезенное. Своим ключом Павел Петрович открыл чемодан. Пыль поднялась, как грибообразное облако атомной бомбы. Взлетела моль.

— Сволочи. Забыли нафталина положить, — сказал Миллер.

Павел Петрович был угнетен. Разбитая, развеванная мечта. Приходилось снова облачаться в соловецкую униформу.

Среди нового окружения Павла Петровича, которое я застал после освобождения, был инженер Новиков — железнодорожный строитель, осужденный по вредитель-

ской статье и задержанный в Березниках миллеровским фильтром. Новиков помогал Павлу Петровичу в расчетах среди многочисленных и разнообразных дел, которые, как и в мое время, кипели возле Миллера. Правда, волны стали менее бурными, менее шумными, да и сам Павел Петрович облез. Полысел, поседел как-то сразу, но вечерний чай был так же горяч и крепок. Новиков занимался в кабинете Миллера и приватно. Он продвигал изобретение — переворот в строительной технике, который должен был принести Новикову славу и освобождение — свободу и славу. Новиков изобрел саморазгружающийся вагон-платформу с опрокидывающимися бортами, повинующимися какому-то клапану в паровозе.

Были уже вычерчены все чертежи, составлено техническое описание проекта и «Особая докладная записка», где указывалось, что это изобретение было ГУЛАГовских инженеров — Миллера и Новикова. Я отнесся к этому демаршу спокойно, не тревожась за миллеровскую приписку — приписка чужого имени была, есть и будет в науке, в технике, в искусстве и в литературе. Она входит в правила игры, которая называется жизнью. Поэтому я, не моргнув глазом, прочел доступные мне места технического описания изобретения.

Почему же мне была доверена столь строгая тайна? Ведь я не ГУЛАГ и не в ГУЛАГ меня попросят везти эту докладную миллеровскую записку. Оказалось, что на это были свои причины.

— Вы прочли докладную?

— Да. Поздравляю.

— Дело не в этом. При ваших знакомствах в Москве вам легко опубликовать краткое сообщение об этой работе.

— В технических журналах у меня нет знакомств, Павел Петрович. Но я думаю, что смогу.

— Ну, нет так нет.

Я привез эту заметку в Москву. Там был чертеж вагона, сообщающий о важном изобретении инженеров Миллера и Новикова в Березниках — краткая экономная заметка строк на пятьдесят. Я заговорил об этом с моим приятелем из литературно-художественного журнала:

— Я давно уже не работаю по литературно-художественной части.

— А где же?

— Веду редакцией технического журнала. Мода. И хлеб.

— Так может быть, ты сам...

— Конечно. Давай сюда.

Приятель мой просмотрел заметку.

— Это — чепуха. Двести тысяч изобретений на эту тему поступает в день. Журналу нашему саморазгружающиеся вагоны осточертели до предела. Трудно придумать более не новое и более неудачное. Но дело не в этом. Мы напечатаете эту заметку ради тебя самого. Давай все эти чертежи сюда!

И месяца через три в журнале «Борьба за технику» (1932 год.— Г. Т.) эта заметка была напечатана и даже гонорар выписан и послан на имя авторов изобретения в Березники, но получили деньги обратно.

— В чем дело?

— Наверное, потому, что эти изобретатели — заключенные,— невинно сказал я.

— Ах, это заключенные! Ну, тем лучше.

Даю всегдашнюю справку: ответственный редактор журнала «Борьба за технику» Добровольский расстрелян в 1937 году, у моего приятеля — заведующего редакцией — сломали в Лефортове (в следственно-пыточной тюрьме ГПУ-НКВД-МГБ.— Г. Т.) во время побоев на допросе спину. Но он еще жив и пишет...

РИНАТ
ЮНУСОВ

***

«Я слышу, как растет трава».
Что за изжеванная фраза,
Когда я вижу выход плазмы
И взрывы протовещества.
Я зрю движение планет.
Да что планет, и звезд движенье,
Их вековечное круженье,
Бег по тугой спирали лет.
Я просто чувствую нутром:
Ни перед кем не виноватый,
Рыдает безутешно атом
Над расщепившимся ядром.
Я чую на своем плече
Дыханье синхрофазотронов,
Я слышу гиканье фотонов,
Летающих в лазерном луче,
Под небоскребом до небес,
От напряжения зубами
Скрипя, работает фундамент,
Выдерживая страшный вес.
Я знаю — черная дыра
Нетерпеливый свет треножит.
Как сложен этот мир. И все же...
Я слышу, как растет трава.

***

Этот взгляд я не увидел,
Он уперся мне в затылок.
Я, рукой поправив шапку,
Взгляд почувствовал в ладони.
Оглянулся и — о чудо:
Два лазурных водопада
С клекотаньем низвергались
Из другого измеренья.
Две безудержных кометы,
В лоб таранившие космос,
Жгли теперь мое сознание,
Ближе к сердцу прожигаясь.
Два безумных урагана
Душу мне перевернули.
Все, что я с трудом построил,
Сметено одним лишь взглядом.
Облетов мираи иные,
Два заходят на посадку
Любящих, но, к сожаленью,
Неопознанных объекта.
Боже мой, как было трудно
Сбросить это наважденье,
Попытаться разобраться,
Что же все-таки случилось.
Пригляделся: чтоб мне лопнуть!
Это же моя соседка,
Ей шестнадцать, может, меньше.
Тьфу ты, черт, а я-то думал...

Юрий ШИНКАРЕНКО

Рис. Сергея Григорьевки

Очерк подросткового быта

Начиная в отделе молодежных проблем собирать подростковый жаргон, мы, конечно, предполагали, что этот жаргон поможет понять образ жизни той части ребят, которая не стремится к телекамерам «12-го этажа», не горит желанием исповедываться перед взрослым миром. Мы догадывались, что выйдем на болячки, которые еще ждут от общества обеззараживающего прикосновения пинцетом ли, просто смоченной в зеленке ватой, что выйдем на опухоли, в которых юноши и девушки еще не видят зловещих метастазов. Словом, эпитафией к этой работе могло послужить перефразированное «СКАЖИ, и я скажу, кто ты!»

К тому времени, когда мы углубились в филологические изыскания, в жизни подростков многих городов выявились опасные тенденции. Наши эмпирические наблюдения за ростом подростковой преступности подтвердила недавно опубликованная статистика. Но не столь количественный скачок преступлений тревожил, сколь их качественные изменения. На примере Казани многие увидели, что подростковая преступность напрямую связана с уголовным миром. «Лите-

ратурная газета» опубликовала статью Ю. Шекочихина «Экстремальная модель», в которой делается однозначный вывод людей, осведомленных в «казанском феномене»: «...Причина явления... в длительном замалчивании организованной и профессиональной преступности, которая тем временем НАЧАЛА ВОСПРОИЗВОДИТЬ СЕБЕ ПОДОБНЫХ в молодежной среде». Эксперты «ЛГ» сделали вывод, что Казань — не исключение, а лишь экстремальная модель того явления, которое наблюдается по всей стране. Модель показывает: если в наличии молодежное волнение, если периодически повторяются крупные драки — район на район, и смысл этих драк в контролировании денежных поборов, — значит, логичнее всего предположить, что в подобных драках и подобных поборах прежде всего заинтересованы преступники-профессионалы.

Правда, экспертами «ЛГ» оговаривалось, что «сейчас в группировках растут тяжкие преступления корыстной направленности (рacket, вымогательство, картежные игры, фарцовка)», тем самым не исключались полностью и иные модели, но все же

акцент сделан на территориальных «княжеских уделах подростков», на крупных драках, и этот акцент внес определенную дезинформацию в общественное мнение.

А если город не сотрясают подростковые войны? Если казанская модель не накладывается на существующую в другом городе реальность — что это значит? Мир и благодать? «В Багдаде все спокойно»? Нет, это может значить, что работает иная модель, и для воспроизводства себе подобных преступниками выбран иной вариант. Но как его разгадать, если он, как несозревший чирей, еще не взорвался казанским гноем? Ждать, когда созреет, когда проявится?

Вот здесь, надеялись мы, должна помочь палочка-выручалочка под названием «жаргон». У подростков конкретное мышление. Отсюда и жаргонное творчество, и жаргонное самообразование направлено, как правило, на конкретные, реально существующие явления.

Уверен, казанский взрыв жестокости и насилия можно было бы предсказать, обрати взрослые внимание на многочисленные термины —

«горох», «шелуха», «скорлупа», «коробки», «кусты» и т. д., — которые щедро разбросаны сейчас по газетно-журнальным страницам, посвященным столице Татарии. В этих жаргонных речениях ясно просвечивают ответы на вопросы: какова структура группировок? соподчинение? кто лидеры? какова степень ориентации на уголовную романтику? каковы ценности? — на любой вопрос есть ответ.

Может, когда-нибудь группы специалистов, занимающихся подростковой преступностью, да и просто подростковым самочувствием, пополнятся филологами-«жаргонистами». Ибо зачастую сленг — это горячий бред тяжело больного мальчика. И этот бред может помочь поставить диагноз, помочь исцелению.

Казанского мальчика упустили (кто ответит за погибших там детей?). Теперь не упустить бы свердловского.

Если вы помните наш прошлогодний «Диалог-клуб» (№ 11, 88), экспресс-анализ криминогенной ситуации в Свердловске показал, что территориальные войны для свердловских ребят не играют решающей роли, хотя предпосылки (подростковая топонимика, редкие стычки меж районами и т. д.) есть. Что это значит? — что свердловский народ особый (уральская закалка?), и преступный мир не желает вербовать его в свои ряды? Наввно надеяться на уникальность свердловчан. Это может означать, что мы пошли иным путем.

В начале февраля этого года в редакции раздалось несколько тревожных звонков от девочек: «Правда, что наши свердловские каталы ездили в Казань и проиграли там в карты всех свердловских девушек, их невинность? Правда, что казанские лидеры теперь здесь, и девушкам на улице лучше не появляться?» Оказалось, неправда. По крайней мере, местная печать так разъяснила. Но обратим внимание на факт сравнения Казани и Свердловска. Да, сами слухи — скорее всего чуть овзросленный вариант детских страшных историй, но не будем забывать, что любое мифотворчество подростков ограничено конкретностью их мышления. Значит, подростки знают силу, которая реально сопоставима с преступным казанским миром. Впрочем, она уже обозначена, уже прозвучало сленговое «каталы». Но начнем по порядку.

1.

Начнем, пожалуй, с денег. В нашем словаре это одно из самых крупных «гнезд». Наряду с объяснимыми «музыкой» и «сексом». Существоют общие обозначения понятия «деньги»: *бумага, фишки, лавэ,*

фишки, бабки, башли, изящно-пренебрежительное «*мусор*». Виртуозно представлено различие по достоинству купюр. Рубль — это *рябчик, равный, кожаный* (если речь идет о металлическом рубле), *фэрс.* 5 рублей — *петрофан, петровский.* 10 рублей — *дэкан, чир, чирик.* 25 — *угол* (т. е. четверть сотни). Можно было бы допустить такое разнообразие обозначений наличием у ребят суммы «на карманные расходы», если бы не дальнейшее продолжение ряда... 100 рублей — *катя* (от устар. «катеринка»), *стоха, стоца, стольник.* 1000 рублей — *косарь, тонна, штука.* Миллион — *лимон.* Активное хождение этих слов не объяснить наличными, не у каждого же папочка — «лимончик». Что же тогда это: навязчивые грезы, мечта о «лимонном» Эльдorado? И так, и не так. Не будем забегать вперед.

Все человечество делится для того подростка, о котором мы рассказываем и речь которого так тщательно фиксируем, на две категории людей — денежных и безденежных. Первая категория обозначена каскадом нетеропливых синонимов. *Хрустящий дядя.* (Он звенит и хрустит.) *Полный чайник. Лох с реальными.* На последнее слово можно обратить внимание: знающие английский язык поймут, что *лох* — это простодушный, простодыра. Этому типу предстоит сыграть в нашем повествовании немалую роль. Безденежные люди обозначены не менее выразительно. *Нулевой чувак.* (Пустой, как барабан.) Они нам с подростком-творцом жаргона не интересны.

Количество денег обозначается красноречивой парой антонимов. С одной стороны — *крупняк*, то есть большие деньги. С другой стороны — *слэзы.*

Не случайно, ох, не случайно такое внимание к деньгам... Наш подросток обуяется в пошитые «Ураллантем», простите, «Уралобувью» сапоги, а вспоминает «бундовские колеса» своего друга. А заодно — и его финский плащ, купленный в «лесу», то есть на «толкучке», считай за бесенок — 200 рублей... Наш подросток месит сапогами весеннюю грязь свердловских улиц, подходит к киоску, обижено смотрит на кустарную черно-белую фотографию Игоря Саруханова ценою в 1 рубль 60 копеек... Допрашивает невозмутимую продавщицу ЦУМа, куда подевались недорогие компактные кассеты, спешит по указанному ею адресу... В ближайшей грамзаписи видит обилие этих кассет с броскими ярлычками: «Водопад им. В. Кикабидзе», «Ласковый май», «Кабинет» и «Наутилус Помпилиус», но видит и отрезвляющие ценники... Наш подросток бормочет: «Нормально это, нет? Мы жили богато, но нас обокрали!» — и идет дальше.

В кармане позвякивают «фартинги» — мелочь. Можно купить мороженое, но такому крупному человеку — такому *качку, шайбе, пилораме семь на восемь* — жевать на улице мороженое... Картинная галерея. Еще вчера взрослый билет стоил здесь 30 копеек, а сегодня уже 50... Самоокупаемость и хозрасчет. Билет для учащихся ПТУ ему по карману, но он забыл в общежитии свой «ученический»... Он стоит на плотнике, над загаженной Исетью, и думает про свои «слэзы»... Ищет способ превратить их в «крупняк». Его взгляд упирается в ресторан «Космос». Он знает, что там собирается *катка, каталы* — картежные игроки высокой профессионализации. «Катало-мотало», — задумчиво шепчет наш подросток, и можно уже не сомневаться, что он будет... нет, не совсем там. Он будет около катки. В «Космос» его пока не пустят, он — в *молодой катке.* Они собираются в небольших кафешках типа «Пингвин», «Метро». Летом — в парках, очень любят затихшие вечером беседки детских садов. Пока он проходит «прониску» — процесс приема новичка в неформальный коллектив, мы его оставим. И совершим небольшой экскурс в прошлое. Мы процитируем Сергея Васильевича Максимова, известного русского писателя, этнографа, ученого-историка. Да будет его не только познавательная, но и изысканная речь передышкой для тех, кто уже утомился от сленговых речений, крикливых, отрывистых, как движения подростка...

С. В. Максимов «Крестьянские календарные праздники»: «До сих пор мы остановились, главным образом, на святочных забавах деревенской молодежи. Но и взрослое население в эти веселые вечера не любит сидеть дома и передается свойственным его возрасту развлечениям, в ряду которых едва ли не главное место занимают хождение в гости, взаимные угощения и отчасти азартные игры. Последние, с развитием путей сообщения, проникли даже в такие медвежьи углы, как Вологодская губерния, где играют и ребятишки, и парни, и взрослые мужики. Ребятишки, конечно, играют на денежки из тонко обструганной березы, а взрослое население на настоящие деньги. Любимая игра — «хлюст», «мельники», «окуля» (окуля — дама бубен, она ничем не крепется и ничего не кроет). Масти на крестьянском языке носят несколько иные названия, чем в образованном обществе: трефы называются «крести», пики — «вини», дама — «кralя», валет — «холоп», король — «бардадым», козырной туз — «необыгримка» и пр. Игра сопровождается большим воодушевлением и нередко переходит в такой азарт, при котором крестьяне забывают все, бранятся и жестоко дерутся, нанося

друг другу тазкие побои... При игре на деньги азарт доходит до того, что некоторые записные игроки не только проигрывают большие деньги (до 10 руб. и более), но оставляют своим счастливым соперникам даже одежду, так что возвращаются домой почти нагишом, в одной рубашке. Есть деревни, где почти все крестьяне обратились в страстных игроков, сражающихся в карты даже летом, в сенокос и жатву».

Как видите, карты — открытие не нашего века. Этнографические очерки, словари, рассказы и повести о быте прошлого широко свидетельствуют: азартные игры имели, как говорится, место. Например, Владимир Даль зафиксировал в своем собрании «живаго великорускаго» словечко, имеющее хождение в духовных семинариях: «святцы». На жаргоне молодых церковников оно обозначало не что иное, как «карты»... Уж если будущие святые отцы не гнушались, что говорить о мирянах. Но прошлый век, слава богу, не сумел создать вокруг азартных игр той широкой преступной системы, которая существует нынче.

Игры, которые перечислил Максимов в своем очерке, — капля в море по сравнению с теми, в которые играют современные ребята. Вот арсенал средней руки профессионала: *Дурак* (подкидной или переводной); *Очко*; *Бура* (маленькая и большая); *Дэ берц* (длинный, короткий или разовый); *Терц*; *Рамс*; *Кинг*; *Покер* (обычный, королевский, французский); *Акулька*; *Бридж* (французский, обычный); *Вист*; *Винт*; *Преферанс* (синонимы — *преф*, *пулька*); *Тысяча*; *«Красное и черное»* (карточный *кид-няк* — т. е. игра-ловушка); *Стос*; *Хран*; *Свара*.

Что же послужило причиной картежного многоводья? Развитие путей сообщения, как предполагал для своих обстоятельств С. Максимов? Во многом, как ни странно, — да!

Свердловск — аэровокзота в Азию. Отсюда расходятся пути на Тюменский Север, в золотоносные районы Дальнего Востока, здесь можно встретить и лесоруба, прожигающего северные надбавки, и охотника, честно заработавшего капитал на соболях. Естественно, уголовный мир это знает и самыми разными способами пытается экспроприировать заработанное, обычно — в шулерской картежной игре. А в межсезонье, когда иссякают потоки «материка» или на «материк», *каталье* обращает взоры на местное население. Не знаю, страдают ли подростки Монте-Карло в период туристского затишья, а вот свердловские ребята, знаю наверняка, страдают. Одни — как явные жертвы картежных махинаций. Другие — сами не осознавая этих страданий, ибо они, попав в *молодую катку*, чувствуют себя хозяевами положе-

ния. Но любой преступник — это, в принципе, тот же пострадавший, пострадавший от чьей-то злой воли, для которой существовал резон обратиться молодого человека в свою веру. Пострадавшие — ибо трудно оказаться в *молодой катке*, но еще труднее покинуть ее.

Но давайте вернемся к нашему герою, взор которого однажды обратился к «Космосу». Зная, кто в основном общается в *катке*, можно допустить, что это — юноша 15—17 лет. Учится в ПТУ, но не потому, что «дорога лишь сюда», а из каких-то конъюнктурных соображений. Например, после вдумчивого анализа доходов автослесарей. Он интеллектуально развит, боек на язык, *владеет*, что называется, *базаром*, то есть умеет поставить в тупик противника одним лишь словом. Это умение ему и пригодилось при *прописке*. Да у него, конечно, есть *погоняло* — кличка. Но без оттенка уничижения. Например — Виртуоз.

2.

Как рождается сленг? Как распространяется? Языковеды, думаю, еще скажут свое слово. Но один из законов существования этого «подъязыка» назовем: сленг воспроизводится в силу того, что придает говорящему особый социальный статус в подростковой среде. Подростки учат его специально, как иностранный язык. Есть здесь и успевающие, есть и отстающие. Причем преуспевание зависит не только от хорошей памяти, а более — от неких психических качеств и черт характера. Кто более раскован, более темпераментен, менее стеснен общепринятыми нравственными нормами — тот не растеряется в пиковой ситуации и противнику, даже сильному, ответит так, что у того пропадет всякое желание нащупывать за пазухой нунчаки или кастет. Эту жаргонную тарабарщину между соперниками можно сравнить с боевыми руладами двух, например, тетеревов в период токования. И если вы услышите следующий диалог:

— Ты что *базар* на стену *мажешь*?

— *Залепи дуло! Ты пролетаешь, как фанера над Парижем!*

— Ты сам, в *натуре*, *дубовый* по *самые гланды!*

— В *натуре* — только *друг* в *адвокатуре!* — и т. п. — не пытайтесь найти здесь глубинный смысл. Это ритуальные восклицания, не более. Хотя они, в отличие от глухариного токовища, могут сказать очень многое о современном подростке.

Чем фарцеватее фарцовщик и катальнее катал — тем жаргоннее его жаргон. Подростки это слышат и, уже давно сменив идеалы, на которые равняют собственную жизнь,

пытаются этому языку подражать. Одни для того, чтобы подняться на вершину фарцо-катальной пирамиды, не догадываясь, что язык здесь вторичен, первичны — личностные качества. Другие — просто так, зарядиться «необычностью». Приведу монолог одного молодого человека:

— Хожу с девчонкой, и чувствую, что стал ей скучен, пресен. Тогда иду к знакомому фарцовщику. Я ненавижу то, чем они занимаются, но все равно ползу к ним... Провожу с ними день-другой и смело возвращаюсь к своей подруге. Теперь меня словно подменили: я болтаю без умолку, я вставляю в речь *крутые* словечки, рассказываю анекдоты. Из нашего разговора исчезают томительные паузы, хотя, если подумать, о чем мы говорим? Ни о чем. Но девушка смеется, она довольна, и я тоже.

Наш знакомый Виртуоз — малый не промах. Он изучал жаргон не для утех жаждущей крепкого слова подруги. В силу своей наблюдательности он видел, что жаргон может использоваться не только для психологической атаки на противника, не только для обозначения собственного статуса в жестком мире ровесников... Слово врачует, слово ранит, но слово еще и выколачивает деньги. Это свойство слова особенно интересовало Виртуоза. Он, были времена, отирался на автовокзале, присматриваясь к тому, как цыганки-гадалки обирают доверчивых приезжих. Опыт гадалок дал ему немного: как правило, на их словесные хитросплетения попадались юные девочки, озабоченные прогнозом на жениха, да люди пожилого возраста. Цыганки, как истинные психологи, очень хорошо использовали особенность старческого возраста — мистицизм, неумеренные мысли о собственном здоровье. Виртуоз хохотал, наблюдая, как какая-то бабка — божий одуванчик — пытается вырвать из рук гадалки собственный седой волос, мысля рамками экзотерической магии: будет худо волосу — будет худо и бабке. А потом задумчиво смотрел, как старушка, подчиняясь канонам первобытного племени Рота-Тига-Дрыга, выкупает свой собственный волосок за пять полнокровных рублей. Нет, народ помоложе на этом не поймает... Нигилисты мы, товарищ гадалка, нигилисты. Нас скорой смертью не испугает. Нам нужно действовать на логику, на разум, а не на чувства. С большим интересом Виртуоз относился к рассказам однокурсников, где, у кого, как и сколько сняли денег... Из этих рассказов вырисовывалась система.

Свой первый визит в «Пингвин» нанес не протачок, но энциклопедист, в совершенстве знакомый с тенденциями передовой подростковой мысли!

Виртуоз надел «скафандр» — ту одежду, которая должна была вызывать у окружающих определенные представления о его материальных доходах. Ему требовалось выглядеть «хрустящим дядей», поэтому он попросил у друга «Аляску». Он был не настолько наивен, чтобы, войдя в «Пингвин», спрашивать у метрдотеля: «Который из столиков ломберный?» Картами *катка* занималась, конечно, не здесь. Здесь лишь вычисляла *лохов*, и он прикинулся таковым. Выпив фруктовый коктейль (о времени, о цене!), вышел в туалет, неторопливо поджидая хозяев. Они не замедлили явиться, трое парней, настроенных достаточно решительно. «Будут брать базаром!» — отметил про себя и сосредоточился. Сейчас решающее значение имело каждое его слово, потому что «взять базаром» — значит поймать противника, собеседника на какой-либо логический крючок. Большинство этих крючков он знал. Но все-таки, во избежание неожиданности, сосредоточился до предела. Неожиданности не случилось. Его решили купить на примитивнейший вопрос: «Где живешь?»

— На Бардина, — осторожно ответил он.

— Подписываешься на пятнадцатку, что живешь на Бардина?

«Все правильно,» — подумал он. — Другой бы на моем месте «подписался», согласился, что живет НА УЛИЦЕ... И задача этих молодых заключалась бы лишь в том, чтобы доказать неверность ответа, его неточность. А потом — снять «проигранные» 500 рубликов. Поскольку *наличмана* при нем нет, они бы сделали вид, что идут на уступку и готовы взять выигрыш натурой — «Аляской» то есть. И я бы радовался, что легко отделался, без *стрелок*, без *восстановления долга*. Не на того напали...

— Нет, не подписываюсь! Я подписываюсь, что живу на улице Бардина, в доме номер (назвал), в квартире номер (назвал).

Ох, скольких ребят подводила здесь языковая небрежность. «Живу на улице...» Кто же тебе поверит, что ты на улице живешь. У нас не гражданская война, чтобы беспризорником жить на улице.

Трое удивленно переглянулись.

— А задачку решишь?

— Что ты, *обкрался*? Я же не *булка с маслом*! Не хочу решать задачку. — Виртуоз тщательно разделил слово, в котором таилась опасная игра. — Иди *ежиков паси* с такими задачками.

— *Благной в натуре?* — поинтересовались у него.

Он тут же нашелся:

— *В натуре только медведь на самокате*. Будем за дело говорить или *салям би-би*?

— Попрошаться успеем, давай сначала за дело, — без вывертов ответили ему.

И он без вывертов предложил:

— Могу *лоха выцелить* (т. е. вести в катку. — Ред.). *Лох по жизни!* «Аляска» его.

Новые друзья Виртуоза посоветались и согласились.

4.

Вернемся к словарю сленга, ибо рассказ об одном герое может навести читателя на мысль об исключительности этого героя, словарь же — детище многих — свидетельствует о типичности явления.

Итак, люди, которые противостоят *катке* за игровым столиком, — это *лохи*. Синонимы к слову *лох* — *капуста*, *бык* (бык не въезжает!), *чмо*, *чмошник*, *чухан*, *братья приезжие* (вы — братья приезжие; ваша песенка спета — вы приехали, т. е. проиграли). Грабить *лохов* на жаргоне звучит так: *стричь лохов* (*стрижка лохов*), *бомбить лохов*, т. е. грабить открытым образом.

Способов «стрижки» зафиксировано десятки и десятки. Совсем не обязательно сразу же тащить денежного простачка к карточному столу. Можно предложить незатейливую игру *жмэн* (от сжимать, выжимать?). В руке зажимается купюра, и *лоху* предлагают назвать, в каком порядке он будет складывать цифры серийного номера (например, первую цифру, вторую и третью). Оставшиеся в серийном числе цифры складывает «водящий». Десятки отбрасываются. У кого больше результат — тот выиграл, забирает купюру себе.

Здесь мошенничество основано на том, что играющий знает, при какой купюре большая вероятность выигрыша. Такая купюра называется «колхозной капустой». И молодой *катал*, получая стипендию, не преминет каждую бумажку «проверить на колхоз», выяснить, можно ли будет использовать ее для *жмэна*.

Существует несколько однотипных игр в спички. Например «13» или «3, 5, 7». В последней игре спички выкладываются в три ряда, по три, пять и семь спичек в одном ряду. Проигрывает тот, кто возьмет последнюю спичку. Нужно ли говорить, что существует несложный алгоритм, благодаря которому можно ни разу не проиграть.

Но такие игры для *катала* — лишь разминка, в которой, впрочем, может происходить неплохое наращивание оборотного капитала. Более *крутая стрижка* происходит во время «картежной» игры. Способов мошенничества много. Каждый имеет точное обозначение на сленге.

«Игра на маячок». Это азы мошеннической науки. Возможно, наш Виртуоз, который — помните? — ввел своего Наивного Друга в молодую

катку, этим способом и воспользовался. Он просто встал за спиной своего Доверчивого Друга и сигнализировал партнерам-сообщникам, какие карты на руках простофили. Маета, конечно, целый вечер заглядывать в дрожащий от волнения веер карт и пытаться не переутать условные сигналы, не забыть, какой жест, какую масть обозначает, но прибыль от этой маеты будет такой, которая и не снилась знаменитому трудяге — Фаросскому маяку. Ведь Фаросс маячил перед глазами древних греков бесплатно. Наш же «маячок» — Виртуоз — с теми, кто выигрывал, состоял в *сладкой доле*, то есть получал определенную часть выигранного сообщниками. Безусловно, когда-нибудь Наивному Другу откроется истина и, возможно, он даже не огорчится, поскольку вспомнит, что предан далеко не за тридцать сребреников.

Но «маячок» — как уже сказано — это для *лохов по жизни*, для самых неприспособленных к нашему жесточайшему миру ребят. «Адидасом» же (т. е. высшей степенно!) в мошенничестве служит *исполнение, исполнительская игра*. Приведем соответствующую карточку со всеми производными и вспомогательными словами, полагая, что можно обойтись без комментариев.

Исполнение (картеж.) — складывание колоды нужным игроку образом, мухлеж, фокусы. «Лягушка» или «вольт» — исполнение, при котором меняется лишь верхняя (как правило — невыгодная) карта, а остальные остаются в предвиденном порядке. Вариант исполнения: если *врезать* (*врезка* — способ тусования колоды) пять раз «одна в одну», карты оказываются в прежнем положении. *Исполнительская игра* — игра, рассчитанная на то, что раздающий сумеет незаметно перевернуть карты.

Сложить колоду нужным образом помогает и *коцка* — метка. *Коцки* бывают разные. Колода за 1 руб. 20 коп. имеет фабричную *коцку*, т. к. черные и красные масти печатаются на разных фабриках и для искусственного взгляда отличны друг от друга. Такая цветная *коцка* — для *лоха по жизни*. Другие типы *коцек*: запис на боку, запис на рубашке, запис на одной масти.

«Скрипка» — *закоцанная* (меченая) определенным образом колода карт. *Закоцать скрипку* (под дэ бери, под буру и т. д.). Хорошая скрипка есть не у каждого *авторитета*. Хорошая скрипка стоит рублей 200, а на *лоха* — 10. Авторитет выкупит любую скрипку...

5.

Вернемся к Наивному Другу, нашему Другу, ибо назвать его другом Виртуоза уже не поворачивается

язык. Наивный Друг озабочен сейчас проигрышем. Озабочен — не то слово. Он встревожен, он в панике, он бегает по городу, пытаясь раздобыть необходимую тысячу. Он делает глупость за глупостью, прибегая главной из них — суицидную — напоследок. Он пока еще надеется, что свою страшную проблему можно решить без самоубийства. Он пытается занять деньги у взрослых друзей и на закономерный вопрос «для чего?» отвечает, ничего не скрывая. Он не понимает, что лучше ему солгать, что под покупку магнитофона мотоцикла — чего угодно — взрослые скорее одолжат ему деньги. А карточный долг... Легко прогнозирую ответы взрослых: «Неужели ты, Наивный Друг, всерьез воспринимаешь такой долг?» О, наивная взрослая неосведомленность!

Ровно десять лет назад к автору этих строк привели двух десятиклассников, и автор, специализировавшийся на подростковой тематике и мнивший себя знатоком, благосклонно ответил на просьбу ребят помочь. Но им требовался не мудрый отеческий совет и не желание поспорить о смысле жизни. Десятиклассникам нужны были деньги. Одному, Аркаше, пятьсот рублей. Другому, Олегу, восемь сотен.

Ребята рассказали свою нехитрую историю. Очарованные предвыпускной эйфорией, шатались по городу. Наткнулись на невзрачного женоподобного студента, который пригласил их к себе в гости. Выпили вина. «Он все докапывался до нас, как мы относимся к мужеложству... Потом оставил эту тему и предложил сыграть в карты. Результат вам уже известен».

— Неужели вы всерьез восприняли этот долг? — патетически воскликнул автор. — Кому? Какому-то плюговому...

— Неужели вы не понимаете? — Как хорошо помнится этот затравленный взгляд Олега. — Студент — только шестерка. За ним стоят крутые каталы. А у них — беспредел. Если завтра мы не придем на стрелку и не принесем долг, нам включат счетчик: долг будет расти в геометрической прогрессии. Нас будут избивать и шантажировать. По пьяне я исповедался перед тем студентом, как перед... Рассказал, что буду поступать в театральный. Что уже подготовил роль Джордано Бруно. Они мне устроят театральный... Они мне характеристику сделают... Достаточно позвонить директору школы и сказать, что я пил вино и играл в карты... Они мне так разделают физио, что не только в театральный...

В те, десятилетней давности времена был бы у Автора словарь подросткового жаргона! Открыть бы его на слове «долг»... Сделаем это сейчас. Хотя бы для тех взрослых, наивность которых — в «беспредел».

В первую очередь в нашем словаре зафиксировано «гнездо» с определениями и фразеологизмами, связанное с материальным выражением долга. Вместо денег за проигрыш можно расчитать: *бриллианками* (бриллиантами), *кровою*, *красными* (рубинами), *беленькими* (серебром), *гайкой* (кольцом-печаткой), *болтом* (перстнем), *ушами* (серьгами). *Уши* желательно *рыжие*, т. е. золотые. Вообще в этой системе ценностей золотое — *рыжики*, *рыжее*, *рыжье*, *ржавые* — на особом счету. С ним связан целый ряд устойчивых словосочетаний, свидетельствующих об устойчивости интереса к предмету вербализации. Например, *обрыжеть* — надеть на себя золотые украшения. *Рыжиками с...ать* — выплачивать проигрыш золотом.

Уже предчувствую несокрушимо наивное: «Откуда у подростков могут быть такие ценности?»

А загляните в статистику уголовных преступлений подростков, вспомните, что кражи стоят на первом месте нашего отечественного пьедестала позора. Жаль, статистика не показывает, какая часть этих краж — вынужденная, спродюцированная иными преступлениями, в том числе и азартными играми, вымогательством. Есть ли в жаргоне подтверждение о «вторичности» некоторых краж? Есть. «*Паленое или чистое?*» — могут спросить на стрелке у проигравшего, имея в виду принесенное, например, кольцо. Это означает, ворованное оно или нет? Можно ли его продать открыто или требуется «отмывание»?

В «долговом» гнезде нашего словаря зафиксирован целый ряд слов, связанных с процедурой выколачивания долга.

Это почти литературные, общеупотребительные уже «стрелки» — обязательная встреча выигравшего с проигравшим, нет, лучше — с потерпевшим, и само место встречи. Отсюда такие выражения: *назначить стрелки*, *прийти на стрелки*, *перевести стрелки* (изменить место встречи; название популярного фильма в переводе на арго звучало бы так: «Стрелки перебить нельзя»). Горе тому, кто *проколол стрелку* — не явился в назначенное место в назначенный час, ибо это означает, что проигравший *двинул сроки*, т. е. не принес вовремя денег. Горе, потому что каталье *включает счетчик*, проявляя такую активность, которая и не снилась напористым балзаковским ростовщикам. Если долг *раскинут* для проигравшего *по срокам*, т. е. проигравшему снисходительно предложено растянуть выплату денег на несколько месяцев, а то и — если везуха — лет, и в один из сроков проигравший *проколол стрелку* (гриппом, например, заболел и не смог явиться) — ему *восстанавливают*

долг. Что это значит? Все деньги, выплаченные раньше по предыдущим срокам, не засчитываются. Картина «Вновь у разбитого корыта». Нашим бы заводским кассам, задерживающим выплату законной зарплаты, навязать такое условие! Но пока легче представить, что такое условие будет навязано нашему Наивному Другу. Если Наивный Друг проколет несколько стрелок и, невзирая на побои, шантаж, ужесточение условий выплаты, не вернет долга и выведет из себя молодую катку из какой-нибудь «Пингвина», те смогут прибегнуть к последнему способу воспитания: *перевести долг на крутое каталье*... У юных творцов жаргона из Свердловска это звучит: *перевести долг на «Космос»*. Почему на «Космос»? Такой милый ресторан, такие обходительные официанты, швейцары и гардеробщики. А публика... Но жаргон упрям, словно испытывает превратности переходного возраста. «Крутое каталье» и «Космос» — синонимы, утверждает он. Так вот, перевод долга на «Космос» для нашего Наивного Друга будет означать: им займутся не карточная мелюзга, а киты... Выноват, для обозначения крупного авторитета в карточных машинациях подростки пользуются знаниями не по ихтиологии, а по энтомологии: *жук*... Теперь возле Наивного Друга завьется более опасное кровососущее (*Не пей кровушку — раскинь по срокам. Кровь не пей — пустой, как барабан. Кровососушка, кровь пьет из копы в копы*, т. е. требует весь долг сразу, — стон стоит в молодежном жаргоне).

Причем в переводе долга есть свои хитрости. Может случиться так, что подойдет к Наивному Другу угрюмая личность, скажет: «Я из «Космоса». Ты знаешь Виртуоза? Он перевел на меня твой долг. Плати из копы в копы, иначе...»

Осознавший опасность положения, наш Друг активизирует свою деятельность по добычанию денег и — вдруг так случится — выплатит все. И напрасно! Потому что окажется, Виртуоз ничего никому не переводил. Виртуоз обижен. Виртуоз по-прежнему требует вождеденной *штуки*. Потому-то подростковая молва предостерегает: долг переводится лишь при свидетелях, желательно — при *жуках*.

Ах, если бы десять лет назад попала в руки Автора словарная статья «Долг». Но две пятилетки назад Автор трактовал «долг» единственно как высокую этическую категорию, определяющую отношение личности к обществу. Поэтому он даже обиделся, что не жаждут ребята проявить свои гражданские обязанности и вывести на чистую воду мошенника.

Когда подростки ушли, Автор сел за очерк.

6.

«...Разгорались в небе горячие, как угли, звезды. А на горизонте вместо закатного поднималось новое зарево — зарево Костра. Великий Ноландец медленно брел по степи к этому своему костру и был спокойнее, чем охранявшие его инквизиторы...»

Таковую роль мечтал сыграть Олег. Теперь, наверное, не сыграт.

— Ты понимаешь, что если отдашь им деньги, то тем самым утвердишь их в мысли о безнаказанности? Дашь зеленый свет новым преступлениям?

— Понимаю. А вы понимаете, что всех их не пересажуют. Те, кто останутся на свободе, будут мстить. Я жить хочу.

— У страха глаза велики. Ты все, мне кажется, преувеличиваешь. Ты оправдываешь этими преувеличениями свою трусость перед двумя-тремя негодями.

— Мне лучше знать меру опасности.

— Как же ты сыграешь роль Джордано, Великого Ноландца?

— Никак. Я буду играть Чижика-Пыжника, например. В этой роли нет строгой заданности. Нет вашего пресловутого долга перед кем-то и перед чем-то... Разве я должен обществу, которое поставило меня в такие условия?

Горели тусклые фонари и в их неверном свете семенял невысокий человек. Фрак, цилиндр, остроносые ботинки. Он поводит глазами, в которых не было «строгой заданности». В них вообще ничего не было, кроме страха. Но разве не заданность — страх?...»

Тот давний очерк остался лежать на столе. Вскоре стало известно, что Аркаша свой проигрыш вернул. Деньги раздобыла его мама, работавшая юристконсультантом. Этот факт заставил Автора насторожиться и не торопиться с выводами о «двух-трех негодях». Юристам все-таки виднее степень опасности... Как расплатился Олег — до сих пор тайна, но если вспомнить разговор, предваряющий картежную игру с женоподобным студентом, можно предположить, что вместо денег Олегу пришлось пожертвовать большим — собственным достоинством.

Не раз мерещился Автору отсвет далекого инквизиторского костра. Не раз казалось, что внутренне он уже готов двинуться к жаркому пламени, которое отпугнуло когда-то Олега. Но величественная походка вдруг сбивалась в ритм выплывающего невесты откуда мотивчика: «На фонтанке воду пил» — и шаг становился короче и нервнее, уходил в сторону. Но вот теперь, верится Автору, путь к Костру открыт и неизбежен. И нет в этом ничего печального, ибо то — не костер мафиозной инквизиции, а

Костер гласности, разгорающийся все сильнее и заглядывающий все дальше в паутинные углы. Задача автора же теперь несоизмеримо проще — пустить в оборот редакционные накопления подросткового сленга. Авось кому-то пригодится. Кто-то, глубоко освоив опыт других, не станет ломать голову, как бы половчей обозвать свой картежный проигрыш. А кто-то, узнав от младшего о сумме его долга, не хмыкнет: «Не воспринимай всерьез...»

7.

На этом мы оставим наших героев. наших «братьев приезжих». Они оба — и Наивный Друг, и Виртуоз — из одного Ордена. Ордена приезжих. Как сюда попал преуспевающий Виртуоз? Очень просто. Пройдет еще немного времени, и он с ужасом обнаружит, что на каждую резьбу есть свой винт. Однажды в уютной «фестивальной» обстановке обставят и его. Он будет метаться по городу в поисках денег. Неизбежность расплаты толкнет его на преступление. На какое? Перед ним раскроется богатый арсенал правонарушений. Помните принцип «воспроизведения себя подобных в преступной среде»? Вряд ли есть «воры в законе», которые производят обучение из чувства тревоги за снижение количества правонарушений. Нет, работает корыстный интерес. Нужно стрясти с проигравшего деньги, и его обучают, как деньги раздобыть. «Пусть меня научат!» — воскликнет однажды наш Виртуоз. Ему подкажут ряд мошеннических вариантов.

Виртуоза научат *швырять лохов* через «сквозняк». Лоха-фарцовщика наведут на Виртуоза с целью сбыть дорогой товар. Тот выйдет к лоху с мокрыми, например, волосами, в домашних тапочках — якобы живет в этом доме. Виртуоз возьмет товар, попросит начинающего фарцовщика подождать и исчезнет будто бы для примерки. Но исчезнет навсегда — через черный ход. Потом — спекуляция. Но этот вариант — скорпиона.

Научат, как обирать и честных граждан. Способ «Тяни-толкай». Дадут Виртуозу напрокат «Жигули». Естественно, не за просто так, рублей за 150 в час. Виртуоз сделает вид, что занимается частным извозом. В аэропорту возьмет пассажира с большим багажом. В пути машина заглохнет или застрянет в луже. Виртуоз попросит пассажира подтолкнуть легковушку, и лишь пассажир выйдет из кабины — только и видели нашего Виртуоза. Исчезнет вместе с багажом, прикидывая по пути, выручит ли на Шувакише за эти шмотки столько, чтобы расплатиться за прокат машины и вернуть хотя бы часть долга...

Закрывая сленговый словарь, мы

обещаем еще не раз к нему вернуться. Надеемся и для того, чтобы рядом со многими арго-словами поставить такое желанное примечание: (устар.) — т.е. устаревшее, ушедшее навсегда в прошлое. Но... Цитирую газету Вечерний Свердловск, 18.11.88, «Из оперативных сводок милиции»:

«Трое подростков, пытавшихся продать на Центральном рынке импортную дубленку, золотые вещи, привлекли внимание работников милиции. Проверили: это были пятнадцатилетние Н. Данченко — учащийся ГПТУ № 3, лаборант УПИ К. Парфенов, семнадцатилетний А. Степанов — работник кооператива «Ромашка». Задержанные оказались картежниками, которые выиграли в карты у В. Буршко, газозлектро-сварщика предприятия телловых сетей, 1000 рублей. В счет уплаты долга Буршко отдал подросткам свою дубленку, золотое кольцо и цепочку жены, да еще остался должен 200 рублей. Подростки и В. Буршко привлечены к административной ответственности.

Картежные игры среди подростков приобретают все большее распространение. Только за девять месяцев этого года 100 подростков-картежников взяты на контроль работниками милиции».

Как видите, внимание профессионалов наконец-то привлечено к картежникам, но пока — к самым нижним ступеням мошеннической системы, к Наивным Друзьям да Виртуозам. Остается самое главное — подняться по этим ступенькам к вершине преступной пирамиды и отвести от ребят те грязные руки, которые мерещатся подросткам в самых кошмарных снах... Те руки, по вине которых Свердловск стал одним из лидеров по подростковому самоуправству. Те руки, которые до сих пор лепят из подросткового материала свое подобие...

«Время настанет — катки не станут!» — гласит одна из пословиц юных свердловчан. Кто поможет осуществить проглядывающую в словах надежду?

публицистика

Отдел публицистики, помимо своих постоянных рубрик, открывает в новом году специальный раздел ДЛЯ КОЛЛЕКЦИОНЕРОВ.

Читайте в 1990 году

молодежные проблемы

Отдел молодежных проблем будет по-прежнему бороться за то, чтобы на страницах журнала звучал и твой голос, юный читатель! Тебя ждет знакомство со свердловской рок-группой «ЧАЙФ». Приглашаем принять участие в коллективном интервью — ждем вопросов!

Отдел науки по преимуществу ориентируется на проблемы охраны природы; публикации на эту тему читатели найдут под рубриками «ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА», «БУДУЩЕЕ ПРИРОДЫ», «О БРАТЬЯХ МЕНЬШИХ» — этот раздел ведет писатель Б. Рябинин.

наука и техника

Научная фантастика «Уральского СЛЕДОПЫТА» в 1990 году

Отчего все-таки столь агрессивны обитатели Внешнего Кольца? Отчего высокоразвитая цивилизация несет с собою другим населенным мирам угрозу бьня и угнетения? Не потому ли, в конечном счете, что дети здесь лишены детства?

Сызмальства распределенные по интернатам, они изучают точные науки, кодак военного боя, маршируют на каменном плацу, их игры предельно военизированы — и детские пачади быстро угасает в этой атмосфере военного соперничества, стремления любой ценой быть первыми во всем. Мрачные здоровенные воспитатели, пожирающие их пайки, очень успешно избавляют их от мягкотелости и сложнячества. И вырастают постепенно и обживают Далекий Космос крепкие, умные и безжалостные хищники.

Агенты Внешнего Кольца добираются к до Земли. И вот тут...

О том, что произошло на Земле, вы узнаете из повести пензенского фантаста Дмитрия Баюшева «ПОПУЩЕНИЕ»; ею мы, скорее всего, и откроем «Аэлиты»-90 (нашу ИФ тетрадь).

ПОДПИСКА НА «УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ» ПРИНИМАЕТСЯ
АГЕНТСТВАМИ «СОЮЗПЕЧАТЬ»
ПОВСЕМЕСТНО И БЕЗ ОГРАНИ-
ЧЕНИЙ. ИНДЕКС ЖУРНАЛА
73413. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА
ГОД 4 руб. 80 коп.

Вообще говоря, бездуховность превата не только экспансией в соседние миры. Прямое ее следствие — жестокое равнодушие и к своему собственному миру. За примером далеко ходить не надо. Что сами мы, земляне, знаем о зеленом царстве — окружающем и взрастившем нас? Только то, что из деревьев облучают бумагу и картон? И что растения бывают полезными и вредными. Для нас. А мы для них — какие?

В повести гонима Александра Стоянова «ВПOLHE ПОРЯДОЧНЫЙ МИР» дело обходится без планда нестян: отторжением грозит человечеству сама природа, уставшая и изнемогающая от людского равнодушия...

Об известных автора неважестны пока широкому читателю. На страницах «Аэлиты»-90 мы представим вам публиковать и другие произведения молодых фантастов — повести «Ночь Мрака» Александра Куснукова и «Круги мажистра» Ивана Дитлова, рассказы участника семинара «Аэлиты»-89.

Мы попрежнему надеемся получить обещанную повесть от Владимира Михайлова. Еще одна универсальная жемчужина Аркадия и Бориса Стругацких. Повесть «КРИК ПЕТУХА» заканчивает для нас Владислав Крапивин.

Что касается нашего «Зарчного ИФ», то, как и прежде, вы найдете в нем очередную выставку, вести из архивов, отчеты о встречах и конференциях, отзывы о книгах, библиографию новинок, коллективную беседу с писателями. Продолжится и совместная с читателями работа над краткой энциклопедией ИФ. — начальный выпуск ее мы все-таки попытаем поместить в одном из последних номеров нынешнего года.

40 коп. ISSN 0134-241X, Индекс 73413, Уральский следопыт, 1989, № 8, 1-80.

Фото Сергея Крылова